

Вера Темпук

КОРОЛЕВА КОСТЕЙ

18+

Вера Петрук
Королева Костей

«Автор»

2026

Петрук В. А.

Королева Костей / В. А. Петрук — «Автор», 2026

Кара родилась вдали от мира в племени мортов-некромантов. Не чувствуя себя своей среди культистов смерти, она мечтает сбежать к людям и готовит побег, когда на ее пути встают двое. Один из них повстанец, он зовет возродить былое величие мортов, пробудив первого императора, самого могущественного некроманта всех времен. Другой – человек, рыцарь из вражеского стана, между ним и Карой лежит прошлое, залитое кровью их предков. Когда восстание перерастет в войну, когда из лесов выйдут чудовищные твари, а города окажутся на грани опустошения, Каре придется выбрать. Первый путь – правильный, он ведет к добру, любви и Свету. Вторым путем тянется из глубин древности. Там Тьма, в которой скрывается настоящая сила, способная остановить зло – Растерзателя, первого императора мортов, у которого к Каре свои счеты. Есть еще третий путь – ее собственный. Он скрыт в тумане прошлого и невидим до тех пор, пока Кара не вспомнит: кто она на самом деле и каким именно даром обладает.

© Петрук В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	82
Глава 13	87
Глава 14	93
Глава 15	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Вера Петрук Королева Костей

Глава 1

Мы часто боимся не того, чего следует.

Так говорил Каре ее дед, когда она просыпалась с криками посреди ночи. Накануне старый Ягар ушел в лес за ночными травами, и Кара испила чашу кошмара до дна. Демон в ее голове рождал кровавые образы, пахнувшие смертью и безнадеей. Она предпочитала, чтобы ее будил дед, который своей колдовской чуткой всегда угадывал, когда внучке снился дурной сон. Ягар готовил ей чай с лавандой и ромашкой, бормотал над ним успокоительные заклятья, после которых Кара засыпала.

На самом деле она не верила, что дед Ягар умел колдовать, хотя ему-то люди из городов как раз приписывали магические способности.

Дед Ягар был мормом – проклятым, порченным, отверженным. Он носил клеймо на животе и скрывался в лесах. С ним все было понятно. Дед был беглым, натворил дел в какой-то закрытой деревне на юге или на севере, после чего бежал в сердце Альфарской империи, где поселился в лесах рядом с мормовской деревушкой.

Кара тоже хотела считать себя мормом, но дед убеждал ее, что она человек, может, не альфар, которым принадлежал весь мир, но потомок брагов, ортов или других племен, разбежавшихся, когда альфары захватили Золотые земли. Дед нашел малышку Кару в поле где-то на границах с Тардаром, хотел отдать в приют в Имаргоне, где тогда работал в кузнице, но власти ему не поверили. Решили, что морт захотел пристроить свое дитя среди человеческих, клеймили младенца, надели на деда кандалы и отправили вместе с ребенком в южные мормовские

деревни, которые больше напоминали тюрьмы. По дороге Ягар сбежал и поселился рядом с Овражьем Гаром, где жили срединные морты. Они пользовались относительно большей свободой, чем южные. Однако то, что объединяло всех мортов, оставалось неизменным – Стена.

Все мортовские деревни были ограждены стенами, которые охраняли рыцари ордена Сантаны. И вокруг Овражьего Гара тоже тянулась такая стена, окружая деревню, несколько полей с огородами и Тихий лес, где жили Кара с Ягаром.

Старосты Овражьего Гара принять деда с внучкой в свою общину отказались. Орден Сантаны вел строгий учет населению мортов в деревнях. Однако и прогонять их не стали, узнав, что дед умел врачевать. Кара догадывалась, что Ягар многое чего умел, но еще большее скрывал. После того как в пожаре погибли два кузнеца Овражьего Гара, деревне остро не хватало мастеров, но Ягар о своих талантах помалкивал.

Дед устроился – он повидал мир и, кажется, нашел свое место под солнцем. Кара же не могла смириться с тем, что всю жизнь ей придется провести между небом и землей: морты к себе не пустят, а люди тем более.

Девушка не думала о том, почему ее бросили в поле, живы ли родители, и где они сейчас, но Стена и город Имаргон занимали в ее мыслях много места. Не в лесу она хотела жить, и не в мортовской тюрьме с фасадом деревни. Молодую и горячую Кару манил Имаргон, который ее, конечно, не ждал.

Спустя шестьсот лет после войны Камня и Пепла, мало кто из альфаров верил в черную магию страшных мортов, когда-то населявших Золотые земли. Орден Сантаны, победивший Растерзателя, уничтожил всех взрослых мортов, но проявил милосердие к детям, заключив их в закрытые деревни, которые позже в народе прозвали «чернецами». С каждым новым поколением черная магия мортов слабела, а триста лет назад исчезла совсем. С тех пор морты отличались от тех же альфаров или других народов Золотых земель, разве что внешностью.

Красота мортов считалось наследием черной магии и их проклятием. Альфарские женщины, родившиеся с темными волосами, старались перекрасить их в светлый оттенок, а кожу золотили – искусственно или под солнцем, ведь черные волосы и бледное лицо рождали с мортами. И хотя в их черную магию современное поколение альфаров не верило, любое сходство с теми, кто занимал низшее положение в обществе Альфарской империи, считалось дурным тоном.

На самом деле и морты тоже давно уже не верили в собственную магию. Кара, у которой были друзья в деревне, даже сомневалась, а существовала ли когда-то эта черная магия, или миф про мортов-демонов просто был удобен победителям. Ведь альфары тоже не были чисты на руку. Они пришли уже на занятые земли, потеснив брагов, ортов, пиролов и еще десятки других племен, которых альфары якобы освободили от гнета мортов.

Кара любила историю, правда, собирала ее по кусочкам – из учебников Стафии, ее подруги из Овражьего Гара, которая ходила в школу, и болтовни Ягара с охотниками брагами, поселение которых находилось по соседству с Тихим лесом. Учебники Стафии были написаны альфарами, в них все, что касалось мортов, было черно-белым. Альфары – хорошие, морты – плохие.

От деда можно было услышать версии в точности наоборот. У Ягара морты и коренные племена Золотых земель были хорошими, альфары же – агрессорами и угнетателями. Каре во всем хотелось разобраться самой, но для этого нужно было попасть в Имаргон – город академий и библиотек. Так рассказывала Стафия, у которой отец был альфаром и раньше жил в городе. Такое тоже случалось, хоть и редко. Альфар мог жениться на женщине из мортов, но при этом терял свободу и обязан был переселиться из города в закрытую деревню.

К семнадцати годам в Каре бурлили смешанные чувства. Она любила деда, но ненавидела лес. У нее имелось клеймо на животе, но мортом она себя не чувствовала. Она хотела свободы,

знаний и города. Имаргон манил ее, как теплые земли перелетную птицу. С той разницей, что возвращаться Кара не собиралась.

Девушка опустила босые ноги на дощатый пол, поежилась от утреннего холода и поругалась на деда, что тот не приготовил растопку для печи. Ноябрь начался сурово – ночными морозами и северными ветрами. Во дворе гулко стукнул топор, послышалась приглушенная ругань. Кара наконец нашла сапоги, натянула поверх сорочки тулуп и выглянула в окно.

И не скажешь, что этому верзиле всего четырнадцать, хмыкнула она, узнав Карпа. Крепкий парень с шевелюрой цвета дикого меда и такой же смуглой кожей сражался с бревном могучего тополя, который Ягар притащил вчера из леса.

Карп был человеком, но с червоточинкой – так альфары называли всех не-альфаров. Он был родом из Нижней деревни, где жили, в основном, орты и пиролаы – потомки диких племен, когда-то населявших Золотые земли вместе с мортами. Никто из его соплеменников не питал любви ни к мортам, ни к альфарам, но Карп от своих сородичей отличался, в первую очередь, тем, что будущего у него не было.

В его голове росла шишка, которую уже стало видно. Она торчала у него за правым ухом, поэтому парень отрастил волосы, однако они не сильно-то скрывали растущее уродство. Голова у Карпуши, как ласково называл его дед Ягар, с одной стороны уже деформировалась.

Семья возила Карпа в город Имаргон, где лекарь, за услуги которого заплатили телегу картофеля, сообщил, что мальчик умрет через год или два – в его голове росло зло. На следующий день Карп убежал из семьи и поселился у охотников-брагов на границе Тихого леса.

Орден Сантаны боролся с суевериями среди деревенских, но сам же их и поощрял. Карп был уверен, что однажды родные его зарежут, а кровь прольют на алтаре в храме Сантаны во имя великого героя прошлого, который, согласно повериям, вернется, когда народу Золотых земель вновь понадобится его помощь. Так в деревнях поступали со всеми смертельно больными – чаще всего, со стариками и детьми.

Кара всю жизнь прожила в лесах, и Карп, пожалуй, был вторым человеком после Ягара, который поразил ее своими знаниями. Он выпитал их от ученого отца, когда-то служившего в императорской библиотеке. Не было области, в которой мальчишка не разбирался бы. Идея побега в Имаргон принадлежала ему. Он же нашел Стафию и Филита – мортов из Овражьего Гара, которые тоже собирались перейти Стену и сбежать в город.

Итак, их было четверо, и у каждого имелась своя мечта. Если все пойдет хорошо, новый год Кара встретит в Имаргоне.

Дед подтвердил, что сказал городской лекарь: Карп скоро умрет. И хотя мальчишка просил деда вырезать то, что поселилось в его голове, Ягар отказался. Кара знала, что дед мог бы попробовать, но вмешиваться не стала. У деда имелись четкие убеждения о том, каких людей спасать надо, а каких нет. Иной раз он брался почти за труп, оставшийся после стычки с медведем, и поднимал охотника на ноги, а порой отказывался лечить простой нарыв. И человек умирал через пару недель в страшных муках.

Но, по крайней мере, дед согласился нанять парня на подработку – тот рубил у них дрова, таскал воду и помогал свежевать дичь, которой охотники расплачивались с Ягаром за лечение.

– Привет, Кара, – крикнул Карп, заметив ее в окне. – Я твою кашу есть не буду, в ней мошка.

В последние месяцы парень стал заговариваться, порой неся откровенный бред, и то было дурным знаком, но Кара верила, что у них еще есть время. За три года, пока они вместе готовили побег, заговорщики успели сдружиться, и ей хотелось верить рассказам Филита о том, что в Имаргоне полно докторов, которые могли вырезать из тебя все, что угодно: заменить руку, ногу, глаз и даже сердце. Филит, хоть и был мортом, но родился в семье старейшины Овражьего Гара, в избе которого собиралось много слухов про Имаргон.

Филит хотел бежать, потому что ненавидел пшеницу, поля и пахоту – жизнь, которой жили все морты в закрытых деревнях. Он мечтал о кораблях и море, а значит, его дорога тоже вела в Имаргон, где имелось морское училище. Стафия, дочь богатых мортов, бежала в город за женихами, так как местные ее не устраивали. С ней тоже все было ясно.

После слов Ягара Карп не верил, что найдет в Имаргоне резальника, который поможет ему с его шишкой зла, но парень хотел посмотреть этот мир, прежде чем перейдет в другой.

Что до Кары, то она бежала от леса и деда. В первый день нового года ей исполнилось восемнадцать, и с точки зрения общественных устоев она уже была старой.

– Если не пойдешь с нами, дед рано или поздно выдаст тебя замуж за того охотника, который заплатит больше, – сказала Стафия, когда Кара однажды засомневалась, стоит ли ей бежать и оставлять Ягара одного в лесу.

Вспомнив охотника по прозвищу Медведь, который захаживал к ним чаще других, Кара подумала, что в словах подруги есть резон. Тем более что этот Медведь в последнее время бросал на нее странные взгляды. Кара знала, как живут женщины брагов – племени, из которого был родом Медведь. Тяжелая работа, короткая жизнь. Женщины мортов, особенно те, кто победнее, жили не лучше, потому Кара и отбросила все сомнения. Ей нужно в город. Дед у нее еще крепкий. Вот устроится она в Имаргоне, потом и за ним вернется.

До встречи со Стафией оставалось меньше часа, и Кара заторопилась. Стафию задерживать было нельзя. Та прибегала к Каре до уроков, отдавала ей старые тетради, взамен получала травы (девушка тайно таскала их из дедовых запасов) и мед, который Кара добывала сама. Ни что в этом мире не было бесплатным – даже старые тетрадки подруги.

Сварив кашу, Кара наспех почистила подвал, где вчера ночью дед лечил охотника, попавшего под самострел. Крики раздавались до полуночи, а опилки, которыми устилали пол, набухли и почернели от крови. Кара выгребла грязь, обдала кипятком старый дубовый стол, принесла свежих опилок и порадовалась, что свои склянки и инструменты дед прибрал сам. Она в них вечно что-нибудь путала.

Ноябрьские дни – скудные до света. Когда Кара, закончив дела и облачившись в меховую жилетку и теплые штаны из лосиной кожи, направилась к месту сбора – к старой осине в Орлином ущелье, солнце цеплялось брюхом за когтистые руки-ветки леса, даже не пытаясь подняться выше.

Карп ушел первым. И хотя подглядывать в этой глуши было некому, а дед собирал травы далеко – на Лысой сопке, заговорщики осторожничали. Больше всего Каре хотелось узнать, поговорил ли Карп со своим братом, который приезжал в деревню на выходные. Брат Карпа был ключевым звеном в их сговоре, потому что работал стражником на Стене.

Еще лет пятьдесят назад было трудно представить, что какой-нибудь морт сможет бежать из закрытой деревни в город, перейдя Стену, но времена изменились, Альфарская империя снова погрязла в войне, урожаи не удавались третий год подряд, народ нищал и голодал, никакие деньги не пахли, в том числе, взятки. Кару разбирала досада, что Карп не дождался ее, но, с другой стороны, таков был уговор – до места встречи каждый добирался сам.

Девушка шла тихо, внимательно глядя под ноги и слушая лес. Хищники к ним не заглядывали, но дурным предчувствиям она доверяла, а они терзали ее с утра. Несколько раз Кара останавливалась, долго смотрела в заросли по обе стороны едва заметной тропы, но лес всегда замирал вместе с ней, и она лишь тратила время. Может, то Карп шел где-то неподалеку, и это его шаги играли на ее нервах? Но парень давно научился ходить по лесу бесшумно, да и охотники тоже здесь не бродили. По уговору, раненые и больные ждали деда в хижине на левом берегу Хамзы-реки.

Кара могла сколько угодно себя обманывать, но признаться стоило: не человеческое присутствие ее тревожило. Интуиция, загадочное чувство, о котором столько говорил Карп, а может, та самая магия, которую так хотела пробудить в себе Стафия, – что бы то ни было, но

Кара давно не ощущала себя столь странно. Чувство щемило в груди, играло на до сих пор незнакомых струнах души, обволакивало тоской и непонятной грустью. Кара предпочла, чтобы ей стало просто страшно, но страха не было и в помине. Впрочем, бояться стоило, ведь она знала, что сквозь лабиринт бурелома и сухостоя на нее смотрят. То, что за ней наблюдали, было также верно, как гала вокруг солнца, говорившая о скорой буре.

Кара опоздала, так как решила сделать крюк, хотя знала, что запутать следы не удастся. За ней шел какой-то зверь, и стоило лишь порадоваться, что у деда имелись знакомые охотники. Кара с дедом ставили силки и ловушки, но с крупным зверем не связывались. Девушка слышала о тиграх, однако в Тихий лес ни один из них пока не захаживал. Пока.

– Я уже уходить собиралась, – высказала Стафия и сунула ей пачку перевязанных бечевой тетрадей. Кара жадно схватила тетрадки, даже не пытаясь скрыть радости. Дурное настроение улетучилось при мысли о том, сколько интересных историй ей предстояло прочесть. Сегодня Стафия принесла записи альфарских сказаний, которые им преподавали в школе. Мысли о тигре уже казались смешными. Лес никогда не был пустым. Он всегда смотрел и слушал. Птица, бурундук, белка – да кто угодно мог испортить ей утро.

– Меда мало, – недовольно пробурчала Стафия, когда Кара в ответ вручила ей баночку с запечатанной воском крышкой.

– Ягар вчера раненому охотнику отдал, – вздохнула Кара. – Я тебе в следующий раз больше принесу. Ну, что там с Рикаром? Согласился?

Заметив напряженный взгляд Карпа, который тот старательно прятал в землю, Кара снова рухнула в бездну дурного предчувствия.

– Брат Рикар просит сорок гольдов вместо десяти. Мы так не договаривались, но ему придется делиться с новым напарником, они теперь вместе дежурят.

– Нельзя, чтобы он рассказывал о нас кому-то еще! – возмутилась Кара. – Мы и десяти гольдов не собрали, где достать сорок? Два месяца осталось до нового года! Не успеть.

– В конце января у меня день рождения, – сказала Стафия, которая, вероятно, уже знала о проблеме и по-своему ее решила. – Папаша обещал пригласить всю родню и кучу друзей, каждый будет дарить деньги. Особенно постараются те, кто в женихи метит. В феврале у меня будут деньги. Значит, перенесем план на февраль.

Кара постаралась спрятать зависть в глазах. Везет некоторым. Родители Стафии пообещали ей брак по любви. Ожидать договорились до двадцати двух лет, так что, в отличие от Кары, у Стафии время еще было. И хотя Кара с дедом о замужестве еще не разговаривала, почему-то ей казалось, что до двадцати двух ей отсрочки никто не даст. Да и что потом?

– Тогда он в морское училище не попадет, – нашлась она, кивнув на Филита. – Я от одного охотника слышала, что там набор с января, как раз после нового года. В феврале все места закончатся.

Филит, который серьезно готовился к поступлению и даже где-то раздобыл учебники по навигации и морскому делу, заволновался. Кара чувствовала себя нехорошо от такой явной лжи, но спастись себя как-то было нужно. Они должны найти деньги до января.

– Не-не, февраль не пойдет, – поддержал ее морт. – Я с батей поговорю, может, в долг возьму, мол, на нового коня.

– Тебе на прошлой неделе нового коня купили, – фыркнула Стафия. – На еще одного не дадут.

– Батя мне хоть на трех даст!

– Что ж ты тогда сразу в свое морское училище не отпросишься, раз у тебя батя такой добрый?

– Хватит! – вмешалась Кара. – Что вы как бестии лесные? Деньги будем собирать все вместе. Я на прошлой неделе семью белых соболей видела. Ловушку сегодня поставлю. Если повезет, а нам должно повезти, то двадцать гольдов я достану. Вы тоже постарайтесь, если

вдруг белые соболя другому охотнику достанутся. Ты, Стафия, попроси денег у кого-нибудь из женихов, у тебя их много. Я имею в виду женихов, а не денег. Насчет твоего коня, Филит, я попытаюсь договориться с охотниками. Северяне могут купить, чтобы перепродать его в Тардар. Много не получим, но будет уже что-то. Отцу скажешь, что коня волки задрали. Ты, Карп, всем нам сильно поможешь, если уговоришь брата взять меньше.

– Бестии лесные, – фыркнул Карп. – Ты бы еще пьярами нас назвала.

– Плюньте, скорее, плюньте, – суеверно засуетилась Стафия, следом за ней Филит. Кара решила не подливать масла в огонь и послушно поплевала в траву. Даже Карп вдруг испугался и принялся стучать по сосне.

Каре стало смешно. Ладно там Карп, он человек, но Филит, Стафия и Кара считались мортами, то есть, нелюдьми, потомками черных колдунов и некромантов, когда-то породивших тех самых пьяров – демонов, терзавших человечество до тех пор, пока герой Сантана не спас Золотые земли от зла. Война Камня и Пепла закончилась шестьсот лет назад, всех пьяров, равно как и колдунов-мортов давно перебили рыцари Ордена Сантаны, а сегодняшние морты имели столько же сходства со своими знаменитыми предками, сколько бурндук с соболем.

Но они все боялись пьяров, о которых болтали старики. Пьяры были последней частичкой их некогда могучего наследия и отказаться от веры в то, что кто-то из пьяров мог выжить, было не под силу ни одному марту. Болтали, что Стену возвели в первую очередь из-за них – пьяров, которые могли выжить в лесах. Орден Сантаны тоже цеплялся за свое прошлое.

Задул северный ветер, и морты засобирались. Кара растерянно глядела им вслед, чувствуя, что времени становится меньше, а они не готовы. Новость о сорока гольдов рушила все планы. Белые соболя, которых Кара, действительно, видела, были ценной добычей, но в Тихом лесу охотников хватало, и надеяться, что они достанутся ей, было глупо. У деда деньги водились всегда, но красть у Ягара Кара ни за что бы не стала. Оставалось надеяться на коня Филита и богатых женихов Стафии.

Она уже собиралась уходить, когда услышала, что кто-то возвращается. То была Стафия – раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, с заговорщицким выражением на лице.

– Мне с тобой наедине поговорить надо, – выпалила она, оглядываясь назад. – С трудом от этого придурка Филита отвязалась. Думает, всем интересно про его коней слушать.

У Стафии все парни были либо придурками, либо волшебниками.

Кара нехорошо прищурилась.

– Только не говори, что решила втянуть в наше дело еще кого-то. Мы достанем денег и без пятого. Чем больше людей знает, тем больше риска.

– Про побег я ему не говорила, – сказала Стафия. – И не перебивай. Если по твоей вине меня за опоздание накажут, я тебе больше ни одной тетрадки не дам.

– Наглая ты, – возмутилась Кара.

– У нас в деревне новенький, – подняла палец Стафия, призывая ее к вниманию. – Морт, но видно, что непростой, переселился из северных чернецов. Наш с тобой ровесник, между прочим. Староста Сорда сказала, что он ее дальний родственник, который остался сиротой с приличным наследством. Но я-то вранье чую. Новенький собирается ходить в школу, да только по нему видно, что ни школа наша, ни пахота ему не нужны. Я таких мортов еще не видела. Говорит вежливо и красиво, статный, высокий, хорошо одевается, сразу дом себе купил, работников нанял, в общем, у нас все о нем только и говорят.

– Ох, Стафия, – догадалась о нехорошем Кара. – Если ты передумала бежать и хочешь этого новенького в женихи, так прямо и скажи. Но ты нас очень подведешь.

– Да это у тебя, а не у меня женихи на уме, – надула губы блондинка. – Между прочим, Асхар тебя откуда-то знает. Он меня встретил после уроков и сразу спросил – не знакома ли я с тобой.

– Кто такой Асхар? – насторожилась Кара.

– Асхар Ландэр, новенький, – нетерпеливо пояснила Стафия. – Хочет с тобой встретиться. Говорит, у него медицинский вопрос. Ты не представляешь, какой он обаятельный. Ему просто невозможно отказать.

– Можешь не притворяться, – хмыкнула Кара. – Деньги всем нужны. Но те монеты, что он тебе дал, нужно положить в нашу копилку для побега.

– Да там и гольда не наберется, – отмахнулась Стафия. – Так ты согласна? У меня прям гора с плеч. Сегодня вечером к нашей конюшне придешь?

– Нет, – отрезала Кара. – Медицинские вопросы могут быть к моему деду, но не ко мне. К Ягару его и отправь. Я доживаю в этом лесу последние два месяца, никого, кроме вас, не знаю и знать не хочу. Впереди – новая жизнь, и никаких подозрительных асхаров я в нее брать не собираюсь.

– Нельзя быть такой категоричной, – не стала сдаваться Стафия. – А вдруг он твой дальний родственник, который тебя разыскивает? Тебе разве совсем неинтересно?

– Совсем. И ты опаздываешь.

– Асхар вовсе не подозрительный. Он такой обаятельный красавчик. Нельзя отказывать человеку, даже с ним не познакомившись.

– У меня от твоих слов уже волосы дыбом встают. Обо мне в мире никто не знает, никто. Тем более, северные морты. Тебе не кажется странным, что этот парень спросил про меня на второй день после приезда?

– Вообще-то, в первый. И мне он сказал, что ради встречи с тобой он сюда и приехал.

Кара, все это время старательно отгонявшая дурное предчувствие, сдалась, погрузившись в неприятный страх. Хватало и жадного брата Карпа, потребовавшего сорок гольдов вместо десяти, а теперь еще и этот непонятный тип, прибывший из северных деревень ради встречи с ней. Наверное, действительно богатый парень. Без огромных денег из северных чернецов не сбежать. Оставалось только встретить тигра по пути домой, и сундук с проблемами будет набит доверху.

– А теперь ты меня послушай, – решила она, схватив Стафию за руку. – Беги скорее в школу, Асхару же этому скажешь, что в лесу меня не нашла. Мол, я переехала, а куда – неизвестно. Не перебивай. Ты знаешь, какая я трусиха. Я сначала за ним пару дней посмотрю, потом сама его найду и поговорю. Обещаю.

Видя, что переубедить Кару бесполезно, Стафия поверила в слабый компромисс и поспешила в деревню. Кара еще долго смотрела на кусты, за которыми скрылась подруга, чувствуя, как внутри нее разгорается отчаяние. От идеи пожить на зимовке в западной части Тихого леса пришлось отказаться, хотя та и сулила временное спокойствие. Но Ягар учил не бежать от проблемы, а идти ей навстречу. Поэтому Каре придется сдержать обещание. Завтра она весь день проведет в деревне – будет следить за новеньким мортом. Проблема могла оказаться серьезной.

Сегодня же ей предстояла еще одна задача, и, хотя Кара ходила на Стену регулярно, именно в этот полдень дорога к границе показалась непосильно тяжелой. Тем более что лес продолжал подавать дурные знаки.

На тропе, ведущей к Стене, встретилось упавшее дерево. Кара помнила, что ствол у дуба был трухлявым, но то, что дерево упало именно тогда, когда ей нужно было идти той тропой, означало, что лес предупреждал. Ветер стих, однако лишайники, свисавшие косматыми бородами с ветвей, продолжали качаться. Еще и вороны налетели, рассевшись в кронах. Кара не помнила, чтобы ей подавали столько знаков одновременно, но возвращаться домой в столь взволнованном состоянии не хотелось. Тем более, что к обеду должен был прийти в гости Медведь, а встреч с ним Кара избегала.

Подумав, девушка еще раз посмотрела на ворон и решила, что лучше пойти на Стену. И хотя с братом Карпа они договаривались, что он пропустит группу беглых мортов, она не теряла

надежды найти лазейку в обороне границы, чтобы сбежать самостоятельно. Кара уже выучила всех рыцарей-пограничников в лицо, их обязанности и привычки, но пока найти слабину в их дежурствах не получалось.

Тем не менее она каждые два дня ходила к Стене и наблюдала за рыцарями несколько часов, надеясь, что когда-нибудь ей повезет. А вдруг, несмотря на все дурные знаки, это случится сегодня?

Глава 2

До Стены Кара в тот день не дошла. Решила по пути проверить силки, и то стало роковым решением. Но тогда ей показалось, что березовая роща, где она ловила птиц, не так уж и далеко.

Вновь поднявшийся ветер взбодрил, освежив голову и ослабив тревогу. Думать про Асхара и другие неприятности Кара решила вечером, сосредоточившись на тропе. Возможно, день закончится удачно. Теперь не чувствовалось никакого следящего за ней взгляда, да и дурные знаки леса казались надуманными.

Когда первый «попружок» оказался пустым, Кара не расстроилась. Сама виновата – силки стоило проверять каждые сутки, а она пришла сюда лишь через два дня. «Попружками» назывались веревочные ловушки на птиц. Это слово она узнала от деда, он же и научил ее всему, что Кара сейчас знала: как вязать петли из конского волоса и ловить рыбу, какие брать грибы и ягоды, где в лесу ходить можно, а где нельзя. И конечно, он научил ее стрелять из лука. Хорошим стрелком Кара не стала, но подстрелить птицу-другую умела.

Вторая ловушка тоже не обрадовала. Петля оказалась разорвана, кисть рябины, оставленная в качестве приманки, съедена. Ни рябчика, ни глухаря, ни куропатки. Кара нахмурилась. Оставаться вечером без мясной похлебки не хотелось. Оставалась еще жерлинка – бревно с ветками и приманкой, которую девушка спрятала в заросшем озерце за березовой рощей. Утка в это время года ловилась плохо, но Кара решила, что в третий раз точно должно повезти.

Девушка осторожно двинулась вдоль едва заметного ручья, который обильно забросало березовой листвой. Вскоре высокие березы сменились приземистыми кривыми деревцами, покрытыми черной колючей корой. Густой мох свисал с их ветвей до самой земли. Тропа сделалась влажной, в воздухе отчетливо запахло грибами и плесенью. Редкие птички трели исчезли, ветер снова стих. Голову Кары словно обложили ватой, приглушив мир.

Странно, но озерца нигде видно не было, хотя дорогу к нему Кара знала хорошо. Во всяком случае, она так думала до сегодняшнего дня.

Болото начиналось дальше, но уже здесь чувствовалось его дыхание, которое сохранялось даже зимой. Болотная жижа никогда не замерзала. Ягар запрещал ей сюда соваться, и до сих пор Кара правил не нарушала. Уж слишком велик был страх перед болотниками, которые, конечно, здесь встретиться не могли. Их земли лежали на северо-востоке и назывались Кальмой. Ни один человек в здравом уме не мог пожелать там оказаться. Если где-нибудь и существовал ад, то он должен был выглядеть, как Кальма.

Многие старики Овражьего Гара, включая ее деда, бывали в тех землях и успели достаточно настрашать молодое поколение, чтобы ни у кого не возникало желания ходить даже на местные болота. Все истории о болотниках были настолько страшными, что Кара невольно поежилась, отгоняя жуткие воспоминания о леденящих кровь сказках. И неважно, придумывали деды или рассказывали правду. Кара наслушалась достаточно, чтобы даже не думать о силках на болоте. Иногда и травяной суп можно поесть.

Наконец она увидела блюдце воды, сверкнувшее в тусклых лучах клонившегося к горизонту солнца. Озерцо было небольшим, тем не менее бревнышко с ветками Кара увидела не сразу. Она хорошо помнила, что оставила его в рогозе, примотав к упругим стволам, а сейчас жерлица была привязана к коряге на другом берегу. Нахмурившись, девушка внимательно изучила приманку. Кто-то съел лягушку, которую она насадила на крючок, привязанный конским волосом к ветке бревна. Если бы это была утка, ужин Кары остался бы на крючке, спрятанном в лягушке.

Кто угодно из охотников мог наткнуться на ее силки. И хотя трогать чужое в лесу считалось дурным тоном и плохим знаком, мало ли кто мог тут проходить. Впрочем, лягушку могли и рыбы объесть.

Отгнав мрачные думы, Кара взяла себя в руки. Порадовавшись, что захватила корку хлеба и горсть кукурузных зерен, девушка принялась за работу. Хлеб оставила на жерлинке, а кукурузу разбросала вокруг нового силка, который спрятала тут же, не берегу. Вытащила нож и принялась строгать ивовые прутья, чувствуя, как работа возвращает душевное равновесие.

К Стене она успеет – чем ближе к закату придет, тем лучше. Как раз успеет на смену патруля. Этот момент в охране Стены казался ей самым уязвимым, но пока возможностей для побега подглядеть не удалось.

Голоса застали девушку врасплох, и Кара, не заметив, как у нее это вышло, вдруг оказалась на тополином суку – выше дерева рядом не было. С ней такое случалось. В моменты паники забывала секунду-другую. Сердце скакнуло рысью, испуганно забилося, не давая ровно дышать. Встретить человека в лесу хуже, чем зверя. Не все племена охотников относились дружелюбно к старику и его внучке, поселившимся на границе с мортовской деревней. Да и оказаться в глуши наедине с тем же Медведем Кара опасалась.

Голоса становились громче и не обещали ничего хорошего: двигались они прямо к ее убежищу. А потом она услышала шелест листвы и стук копыт по корням и камням. Правильно сердце боялось – главное невезение судьба приберегла напоследок. К ее озерцу и брошенным на берегу ловушкам направлялись двое на лошадях, и их зеленые плащи с изображением черепа на всю спину не обещали ничего хорошего.

Не звери и не охотники. Хуже.

Кара перестала дышать, но ничего не помогало – грохот ее сердца просто должны были услышать. Они и услышали. Остановились прямо под деревом и, задрав головы, воззрились на нее черными глазницами шлемов.

– Сама слезешь или помочь? – спросил один мягким, вкрадчивым голосом. Вот теперь ей стало страшно по-настоящему. Мелькнула мысль попробовать убежать по веткам – в этой части леса кроны деревьев переплетались густо, образуя прочный шатер. Но интуиция подсказала – так будет совсем плохо. Когда один из всадников потянулся к арбалету, девушка поспешно покатила вниз, царапая руки о шершавый ствол.

Спрыгнула, мягко приземлившись в листву, поборол желание дать стрекоча и присела, склонившись в поклоне, как было положено мурту приветствовать рыцарей Сантаны. Тех самых, за которыми она собиралась следить. Тех, которые никогда не встречались в этой части леса раньше.

– Многих лет счастья и здоровья стражам света и мира, – пролепетала она с трудом вспомнив подобающие слова. Какое-то время рыцари молча разглядывали ее, и Кара даже обрадовалась, что, возможно, это хороший знак.

– Что ты здесь делаешь, мурт? – хрипло произнес второй, и надежда на счастливый исход встречи стала испаряться.

– Я не мурт! – выпалила Кара, еще толком не сообразив, что вступила на скользкий путь. Ложь помогала редко. – Из Нижнего я, просто далеко зашла. Грибы искала.

– Так это не ты силки ставила? – спросил первый, кивнув в сторону петли, которую Кара спрятала под ивовым кустом.

Она отчаянно замотала головой.

– А на дерево зачем залезла? – склонив голову, спросил второй.

– Заплутала, – решительно ответила Кара. – Я в этих местах впервые, померещилось в кустах всякое и забоялась. А сейчас даже не помню, где корзину оставила.

Один из всадников спешил и, подойдя к озеру, принялся высматривать что-то в зарослях рогоза. Кара взмолилась лесным духам, чтобы он не заметил жерлинку среди высоких кустов. А если бы и заметил, то не понял, что это ее приманка. Муртам охотится в лесах было нельзя.

– Померещилось, говоришь? – спросил он. – Мы тут кое-кого ищем. Что именно ты слышала? Может, видела чего? Или кого?

Сердце снова скакнуло и принялось медленно успокаиваться. Все в порядке. Она им не нужна. А если бы на дерево не полезла, то, возможно, и вопросов бы столько не задавали.

– Ничего и никого не видела, – поспешно ответила она, радуясь, что, кажется, все обошлось. – Я пойду?

– Может, проводить? – спросил тот, что с хрипотцой. – Надо бы твою корзину поискать, вдруг в ней уже грибы-ягоды появились.

А ведь на какую-то секунду Кара поверила, что все будет хорошо. Ягар недаром ругал ее за наивность.

– Нет, правда, вдруг с тобой что случится, – озабоченно произнес первый, и на этот раз в его голове послышались те самые нотки, за которыми обычно следуют неприятности.

– Уже случилось, – хмыкнул второй, которому, видимо, наскучило с ней играть. Кара почувствовала его движение, но отпрыгнуть не успела. Рыцарь схватил ее за жилет и дернул шнуровку. Наверное, стоило закричать. Ведь Ягар сколько раз говорил, мол, где черное, там и белое. Вдруг рядом была какая волшебная сила, способная ей помочь?

Впрочем, никто не мог помочь, когда тобой заинтересовался орден Сантаны. Кара и не заметила, как оказалась на земле, прижатая тяжелым сапогом первого всадника. Второй бесцеремонно задрал ей рубашку, обнажив живот. Девушка прекрасно знала, что они там увидели – оставалась только себя ругать. Отчаянно захотелось, чтобы дед оказался рядом. Уж он-то что-нибудь бы придумал.

– Я чистая, правда, – попытка была слабой, но сдаваться Кара не собиралась. – Мне можно ходить в лес!

Она уцепилась за последнюю лазейку – проверку санкрестием. Раз в год рыцари Сантаны заявлялись в поселения мортов и проводили обряд, в силу которого не верили уже ни сами морты, ни, вероятно, рыцари.

Со времен Каменной войны у Ордена сохранились ритуальные кинжалы, которые назывались санкрестиями. Считалось, что только такими кинжалами можно убить пьюра – чудовище, оживленной черной магией, или морта-колдуна. А так как пьюров не встречали уже лет шестьсот, а морты, обладающие реальной колдовской силой, исчезли в прошлом, то и санкрестии превратились в ритуальную обузу. Как оружие ближнего боя, они были слишком неудобны из-за массивной рукояти. Рыцари таскали их с собой по долгу службы, а раз в год развлекались тем, что заявлялись в деревни мортов и резали этими кинжалами всех подряд.

Кара не знала ни одного случая, когда лезвие почернело бы и таким образом подтвердило наличие черной магической силы в конкретном морте. И Стафия, и Филит носили на коже подобные отметины. Причем, один шрам имелся у Стафии на скуле. Рыцари порезали ей лицо просто потому, что она была красивой.

По закону те морты, которые прошли проверку санкрестием, могли гулять в Тихом лесу, но охотиться в нем права не имели. Тихий лес и все его обитатели считались собственностью Ордена Сантаны. Сама Кара проверку санкрестием ни разу не проходила, но знала о ней достаточно, чтобы заранее бояться. Солгав про санкрестий, она пошла по тонкому льду.

Всадник снял перчатку и медленно провел пальцем по ее животу, повторяя узор клейма, который имелся у всех, родившихся в селении мортов.

Сейчас Кара была благодарна деду за то, что много лет назад он исправил клеймо на ее животе, которое поставили младенцу Каре в Имаргоне. Там ее клеймили как морта южных деревень, а так как дед по дороге сбежал и поселился у срединных мортов, то со временем решил клеймо – и свое, и ее, исправить. Как он это делал, Кара не помнила, но, если бы сейчас рыцари обнаружили у нее клеймо южной деревни, вопросов было бы куда больше.

Рыцари Сантаны знали символы всех «чернецев», тем более что у Овражьего Гара оно было слишком приметным – воронье крыло, пронзенное стрелой и три цифры: пять, девять, шесть. В учебниках Стафии писали, что столько человек первоначально заселились в деревню после поражения мортов в Войне Камня и Пепла, но Ягар считал, что это порядковый номер и далеко не последний в списке Сантаны. Пятьсот девяносто шестое мортовское поселение. И только сам Орден знал, сколько всего их было раскидано по миру.

– Плохая девочка, – пробубнила маска того, кто давил ей ногой на грудь.

Шлем ему явно мешал, и рыцарь нервно сдернул его с головы. В Кару вцепился острый черный взгляд, буравивший насквозь. Второй тоже снял маску – и снова молодое лицо человека, возможно даже младше ее. Тут она вспомнила. У них были зеленые плащи, значит, новенькие. Зеленый – низший ранг в иерархии рыцарей. Высший – черный, а между ними еще были красные и белые. Значит, ей встретились новички, и может, все обернется не так плохо, как она представила.

– Надо тебя наказать, – тот, кто давил ногой на грудь, передвинулся и уперся коленом ей в шею, отчего Кара захрипела. Второй все еще щупал ее живот. И хотя он водил по коже пальцами, ей казалось, будто по телу царапали раскаленной головешкой. Кажется, дальше ждать было нельзя.

– Ответишь по закону, морт, – на лице душившего ее рыцаря не было ни капли сомнений в том, что он поступает правильно. В голове Кары промелькнуло несколько вариантов того, что сейчас случится – все скверные. Хуже всего, что рыцари были в доспехах, оба рослые и здоровые. С такими соперниками ей сталкиваться еще не приходилось.

То, что пришло Каре на ум, Ягару бы не понравилось, но думать было некогда. Резко выбросив руку вверх, она с силой сунула мизинец в ноздрю душившего ее воина. Вцепиться в глаза духу не хватило, но и эффект от чужого пальца в носу тоже получался сногшибательным. Тем более, что она постаралась ткнуть от души и как можно глубже. Всадник взвыл, отпрянув и освободив ей голову.

Запретив себе кашлять – а этого хотелось невероятно, Кара тут же выбросила кулак, целясь в глаз второго, но рыцарь пусть и носил зеленый плащ новичка, все же был воином, а Кара лишь изредка слушала деда, который в редкие моменты трезвости, горел желанием научить ее драться. Эти его помыслы часто сталкивались с ее ленью и любовью к чтению – на книжки времени всегда не хватало. И все же кое-чему Кара научилась.

Когда ее схватили за оба запястья, она даже обрадовалась знакомой ситуации и быстро освободилась особым приемом, используя одну руку. Но дальше дело не пошло, потому что ее снова схватили за горло. Самым очевидным было ударить гада по яйцам, тем более что ее ноги находились под ним и зажаты не были. Однако скоро Кара убедилась, что доспехи рыцаря Сантаны – штука прочная, и удар в пах зеленый рыцарь не почувствовал так же, как и ее атаку по коленям. Она лягалась жестко и быстро, не останавливаясь, пока не догадалась отпустить к земле руки, которыми пыталась разжать удушающий захват. В следующий миг в глаза противника полетела листовая труха, и ее на миг отпустили.

Кара сомневалась лишь секунду, но все же выхватила дедов нож и полоснула рыцаря по лицу, целясь не глядя. К этому моменту она уже плохо соображала и о последствиях не думала. Рыцарь схватился за порез на щеке, и Кара увидела, как между пальцев обильно полилась кровь. К ней уже бросился первый – тоже с кровью на лице, обильно бежавшей из носа, но Кара его опередила. Кажется, в этот момент она вообще ни о чем не думала, а следовало хотя бы испугаться своих намерений. Когда ты пускаешь кровь рыцарям Сантаны, готовься к худшему.

Не став уворачиваться, она сама сократила с ним дистанцию, выбросив вперед руки и схватив рыцаря за воротник и ухо. Удар головой успешен там, где противник ожидает атаки ногой или кулаком, а именно этого и ждал от нее рыцарь. Резко притянув его голову, она выдох-

нула, сжав мышцы живота и вложив в движение страх, злость и ненависть к Ордену, которая была взаимной.

«Бить нужно верхней частью черепа, тем местом, где волосы начинают расти, не лбом, иначе голова будет потом долго болеть», – все еще звучал в голове голос Ягара. И хотя удар получился не таким сильным, какой бывал у деда, который умудрялся разбивать головой камни, Кара услышала треск выбиваемых зубов и отчетливо поняла, что все: назад пути нет. Кажется, она загнала себя в тупик, потому что сражаться с рыцарями Сантаны было все равно, что вломиться безоружной в берлогу медведицы.

Толкнув опешившего от боли рыцаря, Кара на мгновение заколебалась, ведь дед наставлял бить до конца, но и увиденного хватило, чтобы обратить ее в бегство. Тот, чье лицо от лба до подбородка теперь «украшал» порез, который обещал превратиться в уродливый шрам, уже тянул из ножен меч, другой же ревел и плевался кровью вперемешку с выбитыми зубами.

Бежала Кара недолго, потому что из-за дерева вдруг шагнул третий рыцарь, который схватил ее за волосы и бросил на землю, отчего она едва не лишилась скальпа. По сравнению с первыми двумя, этот оказался настоящим громилой. Вялого удара сапогом в живот хватило, чтобы Кара скрючилась и забыла о всех попытках спастись бегством.

Так страшно ей никогда не было. Какое-то время она ничего не слышала и не видела, скрутившись в комок и лелея боль, которая расплзалась по телу после столкновения с рыцарскими сапогом. Потом ее подняли – не за волосы, но за жилетку, которая была стара для таких испытаний и затрещала по швам. Перед ней стоял все тот же третий рыцарь, который своей маски смерти в отличие от первых двух не снимал. Ее противники держались поодаль и, судя по их видам, были готовы заживо содрать с нее кожу. Кажется, их останавливал только третий.

— Это правда? – спросил ее новый рыцарь. Его голос звучал спокойно – пока. Короткого знакомства с представителями Ордена Сантаны хватило, чтобы Кара настораживалась именно от такого «спокойного» их поведения.

– Что? – она невольно вжала голову в плечи, ожидая, как минимум, пощечины.

– Ты морт и нарушила правила. Вам запрещено охотиться в лесу.

Рыцарь все еще говорил лениво и размеренно, будто на рынке беседовали двое случайно встретившихся знакомых.

У него тоже зеленый плащ, отметила Кара и вдруг поняла, что пощады сегодня не будет.

– У меня чистый санкрестий, – слабо прохрипела она.

Новенький молчал, мрачно разглядывая ее.

Мир замер, лес затих, сердце не билось. А теперь он скажет, что меня надо наказать, и эти трое все-таки снимут с меня кожу. Вряд ли остановятся на изнасиловании и побоях.

Однако третий рыцарь чем-то отличался от первых двух и повел себя необычно.

– Приведите себя в порядок, – отпустив Кару, бросил он своим спутникам, подтвердив ее догадку о том, что он тут главный. – Молитесь Двуетьному и стыдитесь, что девчонка пустила вам кровь. Я обошел третий и четвертый сектора, там все пусто. Вы кого-нибудь нашли?

– Ее! – оба кивнули на замершую Кару.

Третий громко вздохнул и помотал головой. Кара так и представила, как он закатывает глаза под маской.

– Лучше бы сам все проверил, – пробормотал он. – Разве она похожа на Зорфуса?

Кара понятия не имела, о ком он говорил, кроме того, что мортов так, кажется, не называли.

– Нет, маштер, – ответил рыцарь с выбитыми передними зубами. Кара уже не сомневалась, что, если ей и суждено покинуть лес, то тоже без зубов.

– Морти регулярно нарушают границы, на то они и морти, – процедил главный. – У нас другие задачи.

– Так ее и отпустим? – ошарашенно спросил рыцарь с порезом на лице.

Маска третьего повернулась к Каре, у той же внутри все оборвалось. Вот сейчас должен последовать приказ снять с нее кожу заживо. В богатстве фантазии садистов из Сантаны она не сомневалась. Кара ни одному из них не верила.

– Передадим о нарушении наставнику, пусть разбирается, – распорядился главный.

– А ешли она темный морт? – не унимался тот, что без зубов. – Вдруг она укрывает Жорфуша?

– Тебе следует больше молиться Двуетидному, – отчитал его громила. – Проверьте ее санкристием, и, если она сказала правду, отпустите.

Он не стал уточнять, что делать в другом случае. Закон разрешал рыцарям казнить мортов на месте при любом нарушении правил.

Распоряжение главного не понравилось ни его товарищам, ни самой Каре. Вера в чистоту своей крови покрылась трещинами сомнений. Она не слышала ни об одном случае, когда лезвие санкристия стало бы черным после проверки. Вот уже лет триста в «чернецах» рождались только чистые морты.

К тому же, она, вообще, могла быть не мортом. Ну, и пусть, что внешне похожа. Дед ее в поле нашел.

Но вдруг с ней что-то не так?

Тем временем рыцарь с порезом на лице достал санкристий, и Кара невольно зажмурилась. Дед считал, что, если долго смотреть на иглы санкристия, можно ослепнуть. Похожий на тонкую длинную иглу на причудливой крупной рукоятке, санкристий внушал если не ужас, то неприязнь любому марту. Приступ тошноты подавить не удалось, и ее вырвало прямо под ноги главному. Он даже не отодвинулся.

– Видишь? Врет она! – обрадовался беззубый. – Вше морты блюют на шанкристий.

– Заканчивайте, – коротко бросил главный. – И так уйму времени потеряли. Мятеежник может быть уже в Тардаре.

Не став дожидаться, когда на ней снова станут рвать одежду, Кара сама закатала рукав рубашки, но беззубый грубо толкнул ее и, ударив под колено, бросил на землю.

– Шамый тощный шанкрисший – по крови на ноге, – сказал он, вопросительно оглянувшись на громилу. – Надо проверить наверхьяка.

Главный нетерпеливо махнул рукой – мол, делайте, что хотите, лишь бы быстрее.

– Шнимай штаны, детка, – хмыкнул беззубый. Понимая, что сила не на ее стороне, Кара принялась расстегивать ремень непослушными пальцами. От злости и страха ее всю трясло и колотило. Рыцари не стали ждать, когда она справится, и порвали шнуровку, после чего бесцеремонно оголили ее, стянув штаны к сапогам, а потом прыснув от смеха при виде ее трусов. Да, Кара шила их сама и отчетливо осознавала, что хорошей швеей не являлась. На то, чтобы покупать белье на рынке, денег у нее не было.

А дальше ей стало ни до чего, потому что она вдруг поняла, где именно собирались проверять чистоту крови эти двое прицепившихся к ней придурков. Схватив ее ногу и положив себе на колено, беззубый прижал острие иглы к коже внутренней стороны бедра чуть выше колена. Как минимум, будет очень больно, мелькнуло в голове Кары. Согласно правилам, санкристий должен был испить кровь всей своей длиной, но обычно в ритуалах, которые Орден проводил в мортвских деревнях, ограничивались погружением в плоть лишь его кончика. Взглянув в глаза беззубого, Кара поняла, что простым уколом рыцарь не обойдется.

Схватив кусок ветки, она быстро сунула ее в рот, сжала челюсти, но все равно задохнулась от беззвучного вопля, когда санкристий вошел в ее тело, погружаясь под кожу вверх вдоль ноги. Игла могла быть тоньше, подумала Кара, прежде чем сознание скрылось туда, где она всегда спасалась.

Ягар не верил ни в одного альфарского бога, но однажды научил ее молиться, толком не рассказав, кому молитва предназначалась. И тем не менее, лучше слов в беде Кара не знала.

Я в убежище, и оно похоже на железный шар. В нем нет ни дверей, ни окон. Лишь маленькое отверстие сверху. Ни один злой дух не может пройти сквозь это отверстие. Ни один источник смерти о нем не знает.

Когда приходит вечер и темнота, я призываю к своему дому большого дракона и говорю ему: «Ты большой и сильный! При твоей помощи ничего не может со мной случиться». Если зло проникнет в шатер, дракон поймает и убьет его.

Я маленький камень. Я лежу внутри своего шара рядом с драконом. Ветер не дует на меня. Я невредима.

Кара очнулась, когда перед ее глазами заблестела красная от крови игла санкрестия. В ушах стоял гул, но она услышала:

– Может, подождать? Вдруг она опытный морт и умеет скрывать свою темноту?

В голосе рыцаря с порезом на лице звучало разочарование.

– Хватит, – рявкнул на него главный. – Бросайте девку, сколько времени на нее потратили. Нам еще три сектора осматривать. Ступайте к коням, я подойду.

Если двое и хотели что-то возразить, то особая интонация главного заставила их заткнуться и направиться к нетерпеливо переминающимся скакунам. Но взгляды их Кара запомнила. Они не обещали ничего хорошего.

– Как тебя зовут? – вопрос главного девушка услышала не сразу. Ответила неохотно, изо всех сил сражаясь с желанием мести. Хотелось хотя бы съзвить, но стоило начинать верить в то, что домой она все-таки вернется. А это напрямую зависело от ее послушного поведения. Послушание и Кара редко стояли на одной стороне, но пришлось сделать над собой усилие.

– Кара, – буркнула она и тут же отругала себя, что назвала настоящее имя.

– Слушай меня внимательно, Кара, – произнес главный, поднимая ее с земли за шиворот. – Твоя кровь чиста, а значит, ты ничего не нарушила в этом лесу. Но в ближайшие месяцы приказываю здесь не появляться. Еще одно нарушение будет караться штрафом и поркой. Кроме того, в лесу становится небезопасно. Скоро мы сделаем в вашей деревне объявление. И еще. Кто бы не приехал проводить очередной санкрестий, передай ему, что Лэйн Гильяхор свидетельствует о чистоте твоей крови.

Глава 3

То был просто порез, но боль была столь сильной, что отвлекала на себя все внимание. Кара хромала и спотыкалась. Оттого под ногами хрустели ветки, скрипели корни, шуршали листья. Главный закон Тихого леса был нарушен. И хотя беда уже случилась, главные неприятности могли быть впереди, потому что Кара, кажется, заблудилась.

Не могла быть боль от простого пореза такой сильной, как не могла она заблудиться по дороге к Стене, по которой ходила последние три года, а иногда и ночью. И тем не менее Кара подозревала, что приблизилась к опасному участку Тихого леса.

После того как рыцари ее отпустили, она еще какое-то время плутала по дебрям, боясь, что за ней следят. Потом решила, что заглянуть на Стену все-таки можно, так как ей показалось, что та недалеко. Но Кара снова ошиблась – тропа только притворялась знакомой. Впрочем, кое-что она узнала, и от вида сопки, вздымающихся над кронами пихт, сердце холодело от страха.

«За теми сопками – их земля, – наставлял внучку старый морт, как всегда недоговаривая.

– Чья дедушка?

– Пыяров, – Ягар выплюнул слово, словно грязь, попавшую в рот. – Уйдешь туда, и я за тобой не приду.

– Потому что я тебя ослушаюсь и ты меня разлюбишь?

– Потому что боюсь, – мрачно произнес дед и рубанул ладонью воздух у нее перед носом.

– Нельзя туда. Понятно?

– После войны рыцари Сантаны нашли всех пыяров и уничтожили их до последнего чудовища, – не унималась Кара, которая уже читала учебники Стафии.

– А ты подумай, зачем патрули Сантаны возле мортовских деревень шастают. И Стена им нужна точно, не для того чтобы нас в города свои не пускать, – хмыкнул дед.

То было сложно для маленькой Кары, но разговор она запомнила и за сопку не ходила. Не то чтобы дед ее напугал. Про пыяров – чудовищ, которых раньше умели создавать морты, деревенские болтать любили. Взрослея, Кара впитала в себя все сказки, страшилки, легенды и просто слухи о страшных пыярах, которые одновременно ей нравились и отталкивали.

Ее собственный дед пусть и был старше любого старейшины Овражьего Гара, но о пыярах говорить не любил, передергиваясь всякий раз, когда Кара произносила это слово. В нем слышалось дыхание древних времен, великой войны добра и зла, в которой морты, по мнению самих мортов, воевали на стороне справедливости. Но они проиграли, а историю, как известно, пишет победитель, собственно – альфары и их Орден Сантаны. С подачи победителей вот уже шестьсот лет мортов называли злом и пугали ими детей, зато рыцарский орден считался воплощением добра и света.

«Тоже мне добро», – бурчала Кара, останавливаясь, чтобы туже перетянуть повязку на ногу. Сладковатый запах крови дурманил голову и наполнял мир до самого горизонта. Каре казалось, что ею пахнет весь лес. Пришлось оторвать второй рукав рубахи, потому что кровь не останавливалась. На ее запах налетела живучая осенняя мошка, которой понравились оголенные руки Кары.

С трудом взобравшись на поросший ивами хребет, она устала на ту самую сопку, которая служила опасной границей. Кара хорошо ее помнила. Вершина у сопки была лысой, но окруженной корявыми кедрами, будто специально высаженными по кругу. Макушки кедров были потрепаны ураганами, местами обломаны, но деревья все еще тянулись к солнцу. Неудивительно, если они видели Войну Камня и Пепла. От них веяло древностью. По теперь ей хотя бы стало ясно, куда идти. Как ясно было и то, что засветло домой она не вернется.

Спустившись с хребта, Кара, хромая, заторопилась, но, заметив ручей, остановилась, чтобы промыть рану. То был безымянный говорливый ручеек шириной в шаг, из которого она сначала напилась. От ледяной воды заломило зубы, зато боль из кровоточащей раны стала слабее.

– Не кричи, – сказал знакомый голос у нее за спиной. В следующий миг Каре закрыли рот большой, пахнувшей сталью ладонью, но, едва она собралась пускаться в ход локти и сражаться насмерть, тут же отпустили.

– Это Тихий лес, – сказал здоровяк, в котором она не сразу узнала рыцаря Сантаны. Того, третьего, который командовал группой.

Ему повезло, что взглядом убивать Кара не умела.

– Я так и подумал, что ты заблудилась, – сказал рыцарь, снимая тяжелые перчатки и бросая их на землю. – Наступил час петуха, по лесу в такое время лучше не бродить, здесь обождем. Как нога?

Кара метнула взгляд по сторонам – слева склон, поросший колючим барбарисом, справа начинался подъем, усыпанный голубоватыми валунами. Карабкаться по ним – то еще испытание. Не увидев легких путей к побегу, она решила не ухудшать свое положение. С раненой ногой от здоровяка не убежать.

Тем временем, не спуская с нее глаз, рыцарь подошел к коню, который терпеливо дожидаясь его в кустах бересклета и подвел к ручью напиться. Скакун тоже был огромен – как и его владелец. Каре до сих пор не приходилось видеть знаменитой боевой породы, о которой писали учебники альфаров. Бархенторы, так называли лошадей-великанов, появились в этих землях вместе с альфарами, которые, победив мортов, раскинули границы своей империи от варварского Тардара на севере до Атурийских гор на юге. По бархенторам сходил с ума Филит, но никакие связи его отца не помогли бы провезти святую породу на оскверненную землю, где жили морты.

Бархентор покосился на Кару блестящим глазом и опустил морду к ручью, решив, что она не стоит его внимания. Крупный высоконогий красавец чистой вороной масти не имел ничего общего с деревенскими тяжеловозами Овражьего Гара. Ягар кое-что смыслил в лошадях и в редкие минуты трезвости охотно рассказывал внучке, как оценивать скакуна. Сейчас, глядя на рыцарского коня, Кара не могла не подметить, как гармонично тот сложен. И хотя дед не любил высоких лошадей, считая, что их трудно содержать, так как они много жрут, в рыцарского коня Кара влюбилась с первого взгляда. У жеребца была сильная мускулистая шея и узкая грудь, что указывало на резвость, но больше всего ей понравился его взгляд – смелый, знающий то, что людям неведомо.

Самого рыцаря, который снял шлем и расстегнул плащ, Кара разглядывала куда меньше времени. Пялиться на него она боялась. В отличие от своего коня, который будто впитал все краски мира, став угольно черным, рыцарь, наоборот, казался лишенным цвета, словно выгоревшим на солнце. Тусклые, русые волосы, блеклые, уставшие глаза, цвет которых напоминал утренний туман летом – серый с едва уловимыми нотками темной зелени. Здоровяк был выше любого жителя деревни, при этом, судя по фигуре, не имел ни грамма лишнего веса – костяк и тренированные мышцы. Потому, наверное, Кара и бросила все мысли о сопротивлении. Покорно уселась на поросшую мхом кочку и сложила руки на коленях, вытянув в сторону раненую ногу.

– Покажи порез, – произнес рыцарь приказным тоном, присаживаясь напротив.

Лэйн Гильяхор – от удивления Кара даже его имя вспомнила, не стал дожидаться ее согласия и, схватив за ногу, стащил сапог, изрядно испачканный кровью.

У Кары в голове роилось много вопросов – например, где остальные рыцари, но план действий она уже придумала. Этот Лэйн наверняка собирался забраться к ней в штаны. Когда

полезет, онаогреет его камнем по голове. Булыжник, подобранный со дня ручья, уже прятался в ее ладони.

– Плохо выглядит, – протянул Лэйн сквозь зубы. – Слишком глубоко мы тебя порезали. И, даже не напрягаясь, перехватил ее руку с камнем.

– Бросила и села смиренно.

Кара послушно повиновалась. И так было страшно, а тут еще этот его тон.

– Повязку на рану тоже накладывать не умеешь, – между тем, отчитывал он ее. – В ваших мортовских деревнях совсем, что ли, ничему не учат?

– Что тебе надо? – прошипела Кара, уже не стараясь быть вежливой. Камень, конечно, выбросила. Было больно, страшно и непонятно. – У меня чистая кровь, сам видел. У тебя своя дорога, у меня своя.

– А вот про свою дорогу расскажи подробнее. Я сразу понял, что ты в лес не за дичью пришла. У меня чуйка на такие дела. Туда собралась? – он кивнул на Лысую сопку. – Знаешь, что за место? А может, ты с Зорфусом заодно? Скажешь, где он прячется, и я тебя отпущу.

Кара и так поняла, что влипла. Молча проследила, как рыцарь подошел к седельным сумкам и вытащил небольшой сосуд из темного стекла, обмотанный тряпкой. Ягар в таких хранил свои снадобья, которые потом продавал деревенским.

– Я на Злой сопке не колдую, – осторожно сказала она, выбирая слова. – Нигде не колдую. И никто из наших сюда не ходит и черной магией не занимается. Заблудилась я. Зорфуса не знаю.

– Смуглый, высокий, глазищи черные, точно такого не видела?

Лэйн откупорил сосуд, выдавил пару жирных капель на тряпицу, которую тоже вытащил из сумок, и приложил к вспухшей царапине на ее ноге. Кара приоткрылась, что станет жечь, как это обычно случалось после дедовых мазей, но нет – как будто сразу полегчало. Сильно пахло мятой, которая перебивала другие запахи. И хотя она знала запахи многих лекарственных трав, состав этой мази так и не разобрала.

– Хорошая штука, – невольно протянула Кара. – Не знаю я твоего Зорфуса, честно. Это какой-то беглый морт из других деревень?

Если деревня и приютила беглеца, то про Зорфуса знали только старейшины, а сам он сидел тихо у кого-нибудь в подвале. Но мог и к охотникам податься.

– Он не морт, – рыцарь плотно закрутил банку и отошел к своему бархентору, где снова принялся возиться с седельными сумками, что-то там перекидывая. Голос у него звучал глухо, а по напряженной спине, Кара поняла, что Зорфус – не просто безликий беглец. Он что-то значил для Лэйна Гильяхора, но это было не ее дело.

– Тоже рыцарь, – объяснил вдруг Лэйн, хотя мог этого и не делать. – Предал орден Сантаны и сбежал к мортам. Теперь его ищут.

Кара вытаращила глаза. То, что морты бегут из своих деревень-тюрем, это понятно, но зачем кому-то сбежать обратно к мортам? Да еще рыцарю Сантаны!

И хотя ее разбирало любопытство, она прикусила язык, напомнив себе, что говорит с врагом. Одно то, что рыцарь проявил доброту, позаботившись о ее ране, уже должно было настораживать.

– Встать можешь? – спросил Лэйн и, будто прочитав ее мысли, кивнул на коня:

– Довезу тебя до Овражьего Кара. Шершень чужаков, конечно, не любит, но веса в тебе почти нет, потерпит.

– Шершень?

– Зову его Шером. И держись подальше от морды, чужаков он кусает.

Кара про себя фыркнула. Не верила она ни Лэйну, ни его коню, который внезапно перестал казаться прекрасным. Хорошо еще, что ее не заподозрили в том, что она шла к Стене.

– А где остальные рыцари? – набравшись храбрости, спросила она.

– Там, где им положено быть, – теперь уже подозрительно прищурился на нее Лэйн. – Что-то ты слишком болтливая. И чересчур любопытная. Сама сядешь или животом поперек седла поедешь?

– У меня есть выбор? – вздохнула Кара с опаской приближаясь к вороному монстру. – У мертвых выбора нет.

– Выбор есть всегда, – отрезал Лэйн, в голосе которого зазвучали командные нотки. – Либо ты делаешь то, о чем тебя просят, либо отправляешься на каторгу в Кальму или в рабство. Либо мы тебя четвертуем. С мортами все просто.

Наверное, это был юмор. Пусть этот чертов рыцарь Сантаны, который пересек ей дорогу в Тихом лесу, просто не умел шутить. Как говорил дед Ягар, три яда – причины всех человеческих пороков. Глупость, гнев и похоть. Насчет гнева и похоти, Кара уверена не была, а вот глупость почувствовала. Что ж, встретить глупца в лесу – меньшее из зол. В конце концов, на своих двоих до Овражьего Гара засветло она не доберется. Пусть будет седло бархентора. Если она переживет этот день и потом расскажет Филиту, тот завистью захлебнется. Проехать на бархенторе – то была его мечта.

Но прокатиться на боевом скакуне рыцаря Сантаны в тот день ей было не суждено. Отвернулась удача и от самого рыцаря.

Дохромав до коня, Кара уже собиралась принять руку Лэйна, чтобы забраться на Шершня, когда по спине пробежал холодок. Если это и было шестое чувство, то оно не намекало и даже не шептало. То был вопль, который рвется из груди, когда уже поздно.

Кара чуть повернула голову, зная, что увидит за спиной. Отражение светилось в странных глазах Лэйна, который хоть и дослужился до звания командира зеленых плащей, с таким еще явно не сталкивался. Как и Кара, с детства впитавшая в себя страшилки дедов о военных бестиях, которых альфары-победители называли «пыярами». Ведь для всех современных жителей Альфарской империи – и для мертвых, и для самих альфаров, чудовища оставались вымыслом, легендой.

Конечно, ты не пыяр, отрешенно подумала Кара, поворачиваясь в тот момент, когда тварь, мотнув башкой, принялась выволакивать из кустов длинное вихлявое тело. От зловония, наполнившего поляну, сперло дыхание, заслезилась даже глаза. Рысь, может, или волк какой, родившийся уродом от матери-змеи и бабки-ящерицы. Кара знала, что несла чушь, но днем, когда над головой ярко светило солнце, рационально объяснить появление нечто просто не могла. Ночью, наверное, поверила бы во что угодно, даже в воскрешение самого Морта-Растерзателя, но только не сейчас.

Несло от твари, словно от трупа, оставленного гнить на солнце. Скользкие, влажные конечности казались полуистлевшими и собранными из многих сочленений. Узкая треугольная башка дергалась на тонкой, кожистой шее, напоминая черепашью. Если голова тянулась к небу, то тело прижималось к земле, упруго подпрыгивая на четырех руконогах, сгибающихся во многих местах. Широко разведенные в стороны лапы заканчивались почти прямыми пальцами с отставленным большим – совсем, как у человека. Ползать по земле на таких было неудобно, но тварь опустила на четвереньки лишь по одной причине – для атаки. Ее задние конечности напряглись для прыжка, а черные когти, вырастающие из пальцев, глубоко впились в землю.

Распахнутая пасть открылась еще шире, хотя это казалось невозможным. Внутри блесло множество заостренных, будто стальные гвозди, зубов, а за ними скользким, зловонным тоннелем зияла глотка. Затрепетал тонкий, черный язык, поднялись чешуйчатые веки, обнажив ярко синий глаз с желтым зрачком, и Кара поняла, что времени не осталось – сейчас она умрет.

На самом деле, едва ли промелькнуло мгновение. Тварь прыгнула сразу, как появилась из кустов – просто для Кары мир остановился.

Все-таки рыцаря Сантаны послали ей в тот день добрые боги. Лэйн Гильяхор не успел вытащить меч, но успел оттолкнуть Кару в сторону в тот момент, когда тварь завершила прыжок, вцепившись в бок ошалевшего коня и в ногу рыцаря. Все это Кара увидела мельком, летя куда-то в кусты, потому что толкнул ее здоровяк Лэйн со всей силой, на какую был способен.

Проломив спиной тонкие ветки дикой сирени и врезавшись обеими лопатками в корни и твердую землю, какое-то время она была уверена, что останется лежать под этой сиренью навсегда – тело не слушалось. Сквозь плотную пелену, накрывшую ее мир, Кара слабо услышала крики рыцаря, звучавшие будто издалека, а затем, куда громче и четче, полное боли и ярости ржание бархентора, вступившего в свой последний бой. Сквозь поредевшие ветви она увидела предсмертный танец черных копыт, взметнувшихся в воздух и нацеленных, чтобы разможжить вражью голову, но раны, уже нанесенные тварью, оказались несовместимы с жизнью. Огромная туша боевого коня Лэйна принялась заваливаться в сторону, издавая жуткий хрип.

Когда меч Лэйна засверкал на солнце, вобрав в себя слепящий свет, Кара зажмурилась и разрешила себе вздохнуть. Легкие наполнились зловонием, а сердце – надеждой. Она и не знала, что душа уже оплакала рыцаря, который хоть и принадлежал к вражеской стороне, но, в общем-то, до сих пор был с ней добр.

Голова гудела после падения, но картинка мелькающего туда-сюда рыцарского меча успокаивала, что все еще могло закончиться хорошо. Послышался лопающийся треск, будто тесак со всего маху впился в спелую дыню, однако ликование Кары было преждевременным. На долю секунды поляну накрыла тишина, сменившаяся оглушающим грохотом.

Сердце замерло, готовое разорваться от страха, ветви сирени, оставшиеся целыми после ее падения, теперь не имели никакого шанса. Сквозь них проломилось тяжелое тело, и Кара была готова взглянуть в глаза неизбежности в виде адской твари, но уставилась на окровавленное лицо Лэйна, который вцепился в землю у ее ног и прохрипел:

– Ты же морт, останови гада, он ваш!

Больше сказать рыцарь не успел, потому что его утащили обратно с такой легкостью, будто здоровяк Лэйн в тяжелых рыцарских доспехах был мышкой, с которой игралась кошка. В этом Кара убедилась, когда в следующее мгновение тело рыцаря взметнулось над ломаными ветвями сирени и рухнуло далеко вниз по склону. Как раз по направлению к Злой сопке, за которой, по словам Ягара, начиналась граница пьядров.

Глядя, как зверь с неестественными очертаниями молнией бросается вслед за жертвой, Кара вдруг отчетливо поняла, что знает об этой твари все.

Как она дышит, ест, двигается и спит. Из чего состоят ее кровь, кожа и кости. Сердце гада не бьется, а зубы крошат камни и сталь. Клинки застревают в мертвой плоти, словно в трясине, не причиняя вреда. У чудовища было имя, и губы Кары непроизвольно прошептали его:

– Синеглазка!

Ласковое прозвище для любимого пса, младшего члена некогда большой семьи, слабейшего по сравнению с остальными, но непобедимого, когда речь шла про людей. Синеглазки жили долго, служили верно, преданные до последнего вдоха тем, кто их создал

Кара тряхнула головой, сбрасывая неожиданный морок.

– Санкристий! – крикнула она, не надеясь услышать ответ сквозь треск зарослей и вопли Лэйна, который каким-то чудом был еще жив. Казалось, тварь поела его заживо, потому что в сопротивление рыцаря уже не верилось. Сквозь зловоние ощущался густой, будоражащий запах крови.

– Где твой проклятый санкристий? – прорычала Кара, понимая, что зря сотрясает воздух. Ответа не будет. Со стороны Злой сопки, за которую уже начинало клониться солнце, раздавались звуки, которые мог издавать либо умирающий человек, либо нечто потустороннее. Что-то хлюпало, чавкало, подвывало. Послышался хруст, будто разрывают на части плоть, круша мышцы с костями, а потом на миг над поляной зависла тишина. Кажется, рыцарь умер.

В золотистых лучах кровавые пятна на увядающей траве смотрелись отчетливым напоминанием страшной реальности. Потеряв столько крови, не выживают.

Тварь еще не показала свою уродливую морду из лопухов, которыми порос южный склон, но Кара знала, что за ней придут, это лишь вопрос времени. Мгновение, и она закончится тоже.

Девушка так и не поняла, что заставило ее оглянуться в сторону умирающего коня. Бархентор упал в ручей, устроив кровавую запруду. Брюхо вскрыто, кишки, словно раздувшиеся черви, полощутся в воде, обнаженные кости ребер воткнулись в небо, но в глазах еще плескалась жизнь. Конь глядел на нее, и, хотя из его глотки не вырвалось ни звука – только кровь, Кара вдруг догадалась.

Какой же мелочью сейчас казалась царапина, оставленная на ее ноге рыцарями Сантаны. И каким желанным был санкрестий, которым эту рану нанесли. Хромая и спотыкаясь, Кара бросилась к умирающему жеребцу.

Коснулась дрожащей морды, мазнула губами по кончику уха, целуя и прощаясь, схватила сумку с санкрестием, рукоять которого вселяла надежду. Без наворачивания и украшений, простой кинжал с тонким клинком, служивший для религиозных целей – такими резали мортгов, чтобы проверить чистоту их крови. А так как гад, убивший рыцаря Сантаны, ни тигром, ни волком не являлся, Кара решила поверить, что оружие, созданное Двуетным много веков назад, чтобы сражаться с пьярами, подойдет в самый раз.

Но едва коснувшись рукояти, она с криком отдернула руку. Раскаленную добела кочергу и ту схватила бы, спасая жизнь, однако санкрестий не могла тронуть рука морта. Кара касалась кинжала снова и снова, но пальцы не слушались, инстинктивно не желая смыкаться на святом оружии.

– Бросай его мне!

Сначала Каре показалось, что Лэйн обращается к ней с небес. Или из-под земли, или из еще какого потустороннего мира – смотря куда рыцари Сантаны попадают после мученической смерти. Поляна, солнце и Злая сопка были свидетелями того, что Лэйн умирал долго и мучительно.

Но вот вслед за голосом из лопухов появилась его голова, плечи и одна рука, которой он опирался на землю. Выглядел рыцарь страшно – частично оскальпированный, с рваной царапиной поперек лица. Наверное, гад содрал с него доспехи, иначе объяснить их отсутствие Кара не могла. Оценить раны Лэйна ниже шеи тоже было сложно – все скрывалось в гигантских листьях.

Схватив сумку, Кара поразилась тяжести одного лежащего в ней кинжала. Подумала, как бы санкрестий не вывалился в полете, но запоздало – сумку она уже швырнула.

Постаралась отогнать видение, которое сейчас было ни к чему. В сумке лежал тот самый санкрестий, которым ее порезали. Кара узнала бы его из тысячи. Клинок был вложен в ножны неплотно, но удивило другое. Никто не почистил лезвие от ее крови. Прошло не столь уж много времени, однако кровь не засохла. И была она черного цвета. Нечистой, той самой – проклятой.

Пусть я ошиблась. Пусть это будет другой клинок и кровь другого морта.

Лэйн выхватил кинжал в воздухе, не дожидаясь, когда он приземлится, однако в тот момент время, отведенное ему судьбой, закончилось. Над ним выросла тварь, голову которой, чуть выше складчатой шеи, пронзал рыцарский меч, и ставший, видимо, причиной задержки. Стальной клинок раскроил череп и впился прямо в мозги, но нечистый гад чихать на него хотел – пер на Лэйна, словно ему в башку воткнули не лезвие, а мягкий гребешок. У твари теперь не открывался рот, так как нижняя челюсть была нанизана на рыцарскую сталь, однако чудовище выглядело так, словно и не испытывало неудобств. Его когти были обагрены кровью Лэйна, тварь же наверняка собиралась обескровить рыцаря полностью.

Она легко придавила его своим весом, утонув в лопухах вместе с жертвой, и какое-то время Кара смотрела лишь на дергающиеся листья. Воздух прочертила цепочка кровавых брызг, потом вторая. И, хотя Лэйн молчал, Кара знала, что это не кровь пьюра. У Синеглазки вместо крови была грязь, намешанная с нечистотами.

«Сделай что-нибудь, ты же морт», – всплыли в голове слова Лэйна, который, наверное, уже и говорить не мог. Никто больше не тревожил лопухи, тихо журчал ручей, обтекающий тушу коня. Где-то отдаленно звенели мухи и гудела Карина голова. Все, на этот раз без шансов. Санкристий оказался таким же мифом, как и современные морты, которые на самом деле не умели колдовать.

Когда Синеглазка снова показалась из кустов с санкристием, воткнутом в грудину по самую рукоять, Кара и не думала убежать. А зачем? С распухшей лодыжкой и раной на бедре она далеко не уйдет и предупредить никого не успеет. Лучше так – глядя смерти в глаза. Нож потерялся, а камнем, который она сжимала в пальцах, даже себе голову не размозжить. И все же Кара собиралась умереть с боем.

– Чтоб ты сдох! – от души пожелала она чудовищу, которое, низко наклонив башку и медленно вихляя телом, двинулось в ее сторону. Оно словно еще не решило, с какой стороны зайти, чтобы убить очередную жертву.

«Да с какой хочешь, – мысленно ответила сама себе Кара. – Проклянну и найду на том свете, чтобы отомстить за свою короткую жизнь».

В следующую секунду пьюр издох. Синие глаза твари широко распахнулись, трепещущий язык вывалился из клыкастой пасти, а зловоние стало как будто еще сильнее, что точно было невозможно. Гад завалился набок, дернулся и замер – будто навсегда. Кара была уверена, что теперь никогда не сможет отличить хороший запах от плохого. Весь мир вонял мертвым пьюром.

«Конечно, это санкристий его убил, а я видела подвиг рыцаря Сантаны, который боролся с тьмой», – убеждала себя Кара, осторожно обходя издохшую тварь. Ведь иначе придется корить себя, что она не крикнула этих слов раньше, когда еще были живы Лэйн с Шершнем.

Просто уходи. Оставь все, как есть, забудь эту поляну, и тварь, и рыцаря. И коня – прекрасного бархентора. Выжила – радуйся. И уйти лучше быстро, вдруг гад не один.

Советы самой себе никогда не были ее сильной стороной. Кара постояла, покачиваясь над мертвой тварью и разглядывая все ее странности и чуждости. Не было это ни зверем, ни чудовищем из сказок. Нечто, приползшее не из мира живых, нарушившее законы, бросившее вызов.

Поколебавшись еще пару секунд, Кара сделала выбор и ринулась в заросли из окровавленных лопухов. Рыцаря она нашла сразу, в паре метров по склону от вершины. Ягар доверял ей делать микстуры и мази от простуды и ушибов, но, сколько она ни просила, не разрешал помогать, когда ему приносили разорванных медведями охотников. «От крови держись-ка подальше», – бурчал дед, закрывая перед ней двери. Совет был плохой, а Ягар упрямый.

Удивительно, но Лэйну не оторвали ни руки, ни ноги, и голова оказалась на месте. Однако когти гада не оставили на нем живого места. На прошлой неделе медведь напал на Дунка, который ходил в Тихий лес собирать дикий мед. Кара хорошо разглядела парня, так как сама помогала тащить его в подвал к Ягару, где дед лечил раненых. Она тогда подумала, что страшнее ран никогда не увидит. Жизнь убеждала в ином и учила не делать категоричных выводов.

Рыцарь лежал на животе, и Кара не сразу убедила себя присесть и дотронуться до окровавленной плоти. Когда она его переворачивала, пальцы соскользнули и погрузились в куски мяса, которые местами казались содранными целиком с кости. «Хорошо освежён» – так, кажется, дед-цинник говорил про разорванных медведями охотников.

Если бы не рыцарь, Кара давно покинула бы этот мир, поэтому ее долг – хотя бы его закопать. Морты сжигали своих мертвецов, но альфары хоронили в земле, и Кара решила, что

должна соблюсти обычай того, кто спас ей жизнь. И плевать, что страшно. Все законы Тихого леса были нарушены. Солнце стремительно клонилось к Злой сопке, лысая вершина которой выглядела опасной и непредсказуемой. Те самые медведи, чьи клыки и когти она периодически видела на телах раненых мортов, наверняка уже почуяли запах крови. Но, если Кара сейчас уйдет, рыцаря заберет лес, а похоронить его – то малое, что она могла сделать в благодарность.

Просто поторопись, мысленно пнула она себя. Не хотелось идти к мертвому коню и искать в седельных сумках лопату, которая просто должна была там оказаться. Не хотелось копать сухую землю палкой. Не хотелось беречь раненую ногу.

Она уже собиралась вставать, когда из груди рыцаря вдруг вырвался стон, а изо рта с порванными губами выплеснулась струйка крови. Кара не поверила своим глазам, а потом осторожно приложила пальцы к шее Лэйна, сразу вспомнив уроки Ягара. Рыцарь не умер. Может, умирал, но еще цеплялся за жизнь. Из всех страшных повреждений, что нанесла ему тварь, самыми опасными выглядели скальпированные раны на голове и глубокие порезы на животе.

Кара замерла, не зная, что делать. Если секунду назад ситуация казалась сложной, сейчас она стала почти безвыходной. Оставлять еще живого рыцаря на ночь в лесу и бежать за подмогой было нереально. Во-первых, никто из мортов никогда не придет на выручку рыцарю Сантаны. Она деревенских хорошо знала. Во-вторых, дед – пожалуй, единственный, на кого можно было рассчитывать, наверняка еще не вернулся из леса. За травмами он уходил надолго. Поэтому у Кары оставалась только она сама. И выход с самого начала был только один – самостоятельно дотащить Лэйна до деревни, а там уже искать деда.

Но как бы ей не хотелось верить в свой план, он был невыполним. Даже если сделать волокуши из веток и седельных сумок, Кара не сможет тащить здоровяка по корягам, оврагам и буеракам. Она убьет и себя, и рыцаря, который оставался в беспомощности, но стонал.

Оставив попытки вытащить воина из лопухов, Кара подошла к коню за ремнями и замерла перед зрелищем черной туши, лежащей в кровавом озерце, которое образовалось из запруды.

«Жаль, что мы с тобой не успели познакомиться лучше».

Кару будто что-то толкнуло. Она рухнула на колени перед бархентором и, не совсем понимая, что делает, погрузила пальцы в его распоротое брюхо. Рыцарь Сантаны, застрявший на границе жизни и смерти, мертвый пияр, возникший из ниоткуда – все было впервые. И то, что она собиралась сделать, тоже никогда не случалось: ни во снах, ни в мыслях. Голову распирало, в ушах гудело, а в груди стало так жарко, словно ей под кожу затолкали раскаленный уголь. Закрыв глаза, Кара толкнула руку глубже, к сломанным ребрам, глядевшим в небо, и замерла, когда нащупала то, чего хотела другая Кара.

– Давай ты сейчас встанешь, дружок, и сможешь дотащить рыцаря до деревни. Просыпайся. Твои прекрасные ноги на месте, они станут еще сильнее, а ты – самым великим бархентором в истории. Моим бархентором.

Она вытащила руку и провела пальцами по лицу, позволяя им двигаться самостоятельно. Неважно, что за символы появились на ее лбу, щеках и подбородке, важно, что конь открыл глаза, и жизни в них больше не было.

Следующий час Кара занималась странными вещами, ни о чем не думая: мастерила волокуши, чтобы затащить рыцаря на поляну; возилась с конем, который хоть и встал, но кусался, когда она пыталась перевязать ему вспоротое брюхо; уговаривала бархентора снова лечь, чтобы взгромоздить на него Лэйна. И самым странным из всего происходящего было то, что рыцарь еще не умер.

Думать Кара стала, когда уже глубоко в сумерках, сильно хромя, вышла на знакомую тропу к Овражьему Гару. На мертвого коня садиться она не решилась. Упрямый бархентор так и не позволил себя перевязать, потому за ним волочились кишки, которые смешивались

с грязью и опавшей листвой. Они издавали шелест, который она запомнит навсегда. Иногда ей казалось, что рыцарь умер, но, нащупав пульс, которого у бархентора точно не было, Кара продолжала путь.

Тихий лес вел себя тихо. Не наказывал за шум, не хлестал ветками по лицу, не цеплял корнями ноги, не прятал дорогу. И медведи с тиграми ей не встретились, хотя Кара точно знала, что за ней следили. Интуитивно чувствовала, что лес хотел избавиться от нее так же, как она от него.

Но главное – она старалась не думать, отчего на самом деле умерла тварь, и почему ожил конь. Эти мысли страшили по-настоящему, как и видение черной крови на лезвии санкрестия.

Вдали уже показалась дедова хижина, когда Кару настигли совсем плохие мысли. Рыцаря Ордена Сантаны, да еще командира, точно будут искать. Со всеми хлопотами Кара совсем забыла о твари, которая осталась на сопке. А ведь можно было хотя бы лапу у нее отрезать, что ли. Если Лэйн умрет, никто не поверит, что его убило чудовище.

С другой стороны, чудовище имело вполне характерное определение. То был пыяр Синеглазка, а пыяры – дело рук мортов, из чего следовало, что дед Каре что-то недоговаривал.

А вот о том, почему она вспомнила имя твари, убила ее и оживила коня, Кара решила совсем не думать. Ответов все равно не было, а других вопросов и так хватало.

Глава 4

Когда Кара добралась домой, кровь хлюпала в сапоге, а наступать на раненую ногу было чертовски больно. Что там творилось с рыцарем, она не смотрела. Только один человек мог ей помочь, и Кара надеялась, что Ягар уже вернулся. И что он не пьян.

Куда девать огромного рыцарского коня – определенно мертвого, Кара сразу не придумала. Так и оставила у крыльца за кустом сирени. Однако зловоние от бархентора стояло крепкое, хорошо еще, что ни один зверь к ним по дороге не прицепился.

Лэйн Гильяхор, вероятно, был жив только благодаря вмешательству каких-то могучих богов, которые покровительствовали его роду. В подвал можно было попасть с улицы, поэтому пачкать избу его кровью не пришлось. Открыв низенькую дверь, Кара из последних сил втащила рыцаря внутрь и не очень аккуратно стянула его по лестнице вниз. На дедовых полках царил ведомый только ему порядок, но Кара умудрилась отыскать коробки со мхом, который истратила весь, обложив раны рыцаря так, как это делал Ягар. Иногда она за дедом подсматривала.

Потом побежала на кухню, растопила печь и поставила греться воду. Бросила в котелок пучок ивовых листьев, наугад предположив, что понадобится снять воспаление, но на этом познания Кары в лечебном деле заканчивались. Без горячей воды смыть с рыцаря кроваво-грязную корку также представлялось сложной задачей.

К сожалению, деда в доме не нашлось. А так как Ягар казался идеальной мишенью для того, чтобы выплеснуть злость, боль и обиду, Кара от души ругала вслух старика, пока промывала свои раны холодной водой и перевязывала ногу. О штанах на какое-то время придется забыть и влезть в ненавистную юбку. Не то чтобы Кара не любила женскую одежду, но та, что у нее имелась, была старой и изношенной, а вот мужской одежды у деда в сундуках хранилось вдоволь, причем довольно приличной. Создавалось впечатление, что сам старик всю жизнь ходил в одной тунике – и зимой, и летом. Другую же свою одежду для чего-то берег.

Вода уже закипала, когда Кара услышала знакомый скрипучий голос: за окном ругался вернувшийся из леса Ягар. Вероятно, нашел мертвого коня.

– Тише, деда, тише! – выбежала она на крыльцо, хватая старика за руку и пытаясь скорее затащить в дом. – Я тебе объясню, тут все сложно

Дыханием Ягара можно было разжигать печь, но, в целом, дед выглядел трезвым. Босой и лысый, в одних штанах, он был похож на деревянный плавун, который много лет носился по морям и рекам, прежде чем обрести покой на берегу. Обкатанный водами и выжженный солнцем, затвердевший от ветров и морозов, дед казался нестигаемым. Его кожа была на порядок темнее, чем у любого морга, и светлокожая Кара не раз задавалась вопросом, насколько они близки по крови. Тем более, что внешнего сходства между ними не было, вообще, никакого.

– Две новости, и все плохие, – сказала она, закрывая за Ягаром дверь. Конь стоял тихо, будто снова умер, со стороны засыпающего леса тоже не раздавалось ни звука. Послушное поведение деда настораживало, и Кара приготовилась к бою. Если Ягар решил выйти из запоя, а судя по тому, что он пришел домой трезвым, так оно и было, настроение у него будет прескверным.

– Сегодня я проверяла силки, все пустые, мяса на ужин не будет, – выпалила она и сразу перешла к главному:

– Потом я заблудилась и на меня напало чудовище. Но повстречался храбрый человек, который помог. Он сам и коня его ранены, я уже поставила воду. Посмотришь их, хорошо? Человека я уже оттащила в подвал, а коня оставила у крыльца, ты его видел.

Момент с рыцарями, которые устроили ей обряд санкристия, Кара решила опустить. Деда своего она знала. Иногда Ягар в одиночку ходил на медведей, шкуры которых обменивал у

мортов на самогон. Но все, что касалось Ордена Сантаны, вызывало у него панический ужас и трепет.

Потому Кара загодя сняла с Лэйна Гильяхора доспехи – то, что от них осталось, и спрятала у себя в комнате под лавкой. Сейчас ничто не выдавало в нем принадлежность к вражескому стану. Он, вообще, скорее, походил на кусок мяса, чем на человека, у которого когда-то был статус, имя и положение.

– Поможешь ему, а я суп из папоротника сварю, хорошо? – заискивающе попросила Кара.
– Поторопись, пожалуйста, а то, мне кажется, он скоро умрет.

– Люди часто умирают, – философски выдал дед. – Смерть – хорошее решение для души, страдающей от боли.

– Деда, он мне жизнь спас, – Кара наконец нашла фартук, который Ягар надевал, когда зашивал охотников. – Он, правда, тяжело ранен.

– Раненые люди могут выжить, – хмыкнул старик. – Ты точно потом не пожалеешь?

Кара уперла руки в бока и укоризненно посмотрела на него. Они все потом пожалеют, если Лэйн умрет. Ищейки Ордена выйдут на их след очень быстро, и тогда даже бегство не поможет. Но если начать все объяснять Ягару, он либо сбежит первым, либо увезет умирающего рыцаря обратно в лес. Дед, конечно, лучше нее спрячет следы, но Каре было важно, чтобы Лэйн выжил. Она, вообще, запуталась.

– Если умрет, тело надо будет хорошо спрятать, – на всякий случай сказала она деду. – Я тебе помогу. В лесу закопаем, а ты потом помотришь, чтобы следов не остались. Я сама что-нибудь пропущу.

– Раскомандовалась, – пожевал губами Ягар и впился глазами в ее ногу. Не мог не заметить, что она хромает. – Что там у тебя?

– Ерунда, – притворно отмахнулась Кара. – С дерева слезала и сучком поцарапалась. Заживет. Почему ты не спросил про чудовище?

– Потому что чудовищ не существует, – прокряхтел Ягар, пробуя пальцем почти кипящую воду. Кара поражалась, как он так может – сама, конечно, за ним не повторяла.

– То был пыяр, – тихо сказала она. – Не медведь, не волк, не лось.

– Ну, значит, рысь, – хмыкнул дед. – Ты, небось, голодная в Тихий лес отправилась. А там сейчас плюмерантия медоносная зацвела. На голодный желудок бред вызывает. Вот тебе и привиделось. Я сначала коня посмотрю. Лошади – они важнее людей.

– Нет, деда, давай коня потом, – испугалась Кара. – У него там не все так серьезно, как у того парня.

– Парня, значит? – старик покосился на нее хитрым глазом. – Ты настой красной ромашки принимаешь?

– Да я его в первый раз видела! – всплеснула руками Кара. – Пока ты тут думаешь, он уже помер, наверное.

– Ну, помер, так хлопот меньше будет, – все упрямылся дед. – Ладно, сейчас спущусь, гляну, кого ты там приволокла. Кровью на весь дом смердит.

Ягар наконец спустился в подвал, Кара же еще какое-то время прислушивалась. Дед что-то глухо бормотал, но не ругался, а значит, принялся за дело. Кара решила старика не беспокоить. Знала, что он потом сам все расскажет. И про пыяра, и про мертвого коня. Девушка почти убедила себя, что не имела к оживлению бархентора никакого отношения. Так же, как и к внезапной смерти чудовища. И к черной крови на лезвии санкристия. Они стояли под Злой сопкой, где, как известно, всегда творилась чертовщина. Больших объяснений не требовалось. Пыяр умер, а боевой конь ожил под воздействием демонических сил, хозяйничающих на Злой сопке, а порой и в самом Тихом. Кара же под воздействием эмоций приписала оба случая себе – и ошиблась.

Утро началось раньше обычного. Кара и не помнила, как провалилась в сон.

Дед разбудил ее еще в темноте и велел греть воду для раненого. Лэйн Гильяхор не умер, и Кара не могла понять, что чувствует по этому поводу. Если Ягару не удастся его выводить, и тот все равно умрет, велик риск, что ищейки Сантаны рано или поздно выйдут на их след. Правильнее было отправить рыцаря утром в замок, но признаться Ягару в том, что он выхаживал рыцаря, у нее духу не хватало. Да и кто в ордене поверит, что это не морты ранили Лэйна? Оставалось ждать, когда он придет в себя. Все смешалось, запуталось.

Коня дед заволок в подвал и сейчас тот стоял в углу рядом с раненым, изображая статую. Не гадил, не пил, не ел и особо ни на что не реагировал – только вонял. Ягар не задал ей ни одного вопроса по поводу мертвого бархентора, и Кару это настораживало. Дед молча развесил под потолком подвала пучки полыни и лаванды, но их дурман не сильно-то заглушал запах. А если привезут какого раненого охотника? Где дед его лечить станет?

Одно было хорошо. Дед никогда не пил, пока в их подвале лежали больные. Кара знала, что рано или поздно Ягар устроит ей допрос с пристрастием, и радовалась, что пока Лэйн в критическом состоянии, у деда нет времени. А значит, оно есть у нее: придумать гору лжи и убедить в ней хитрого Ягара. Задача не из простых.

Неизвестно, чем дед пичкал Лэйна, но, когда Кара пришла утром его проведать, к рыцарю хотя бы вернулся цвет лица. Правда, одно лицо у него и виднелось – все остальное скрывалось под перевязкой. Кара догадалась, что дед пустил на тряпки одну из ее простыней, и вероятно, сделал это нарочно. Обычно Ягар обходился целебными листьями и мхом, которыми обматывал раны хитрым способом. Она на все махнула рукой. Пусть что хочет делает, лишь бы поставил рыцаря на ноги и избавил их от проблем. Правда, с трудом представлялось, что Лэйн сядет на своего немертвого коня и, помахав им рукой, отправится в замок Сантаны. Когда рыцарь придет в себя, начнется самое сложное.

К обеду дед засобирался за травами, а Кара вспомнила о своих планах до того, как в ее жизни появился Лэйн Гильяхор. Она не должна была забывать о побеге. И о помехах, которые неожиданно возникли. При этом, вопрос, где достать сорок гольдов, теперь казался второстепенным. Куда важнее было выяснить, откуда ее знал новый морт Асхар Ландэр, и что ему от нее было нужно.

И хотя дед велел ей присматривать за раненым, Кара подумала, что на час другой отлучиться сможет. Пара мортов из Овражьего Гара, которые покупали у них с дедом травы и мед, никогда не были против сплетен. Да и взглянуть на этого Асхара тоже не помешает. Пока что ее собственная теория заговора сводилась к тому, что о ней мог разболтать своему брату-стражнику Карп – если не сознательно, то в бреду, а этот брат рассказал кому-то еще, например, новому морту Асхару. Зачем и как – пока было неясно, да и вся эта теория казалась мыльным пузырем, готовым лопнуть, но Каре так было спокойнее. И хотя они с дедом жили в лесу, полным тайн и легенд, Ягар приучил Кару всему находить логичное объяснение. И уж когда совсем ничего рационального в голову не приходит, тогда уже обращаться к вымыслу и успокаивать себя мифами и религией.

Кара была на пороге, когда из подвала раздался отчетливый стон.

Затем стон повторился, и девушка прикусила губу от досады. С одной стороны, здорово, что рыцарь очнулся – жив, значит, с другой, почему бы ему не прийти в себя, когда дома Ягар, а не одна Кара.

Пить наверняка хочет. Быстро дам ему воды и мигом в деревню, решила она, спускаясь в подвал.

Дед оставил внизу зажженные свечи, и Кара недовольно поморщилась. Так и до пожара недалеко. Да и небрежливо, свечи стоили дорого.

Раненый лежал на широком столе из дубовых досок, потемневших от крови. Чистить их было трудно, и Кара не раз ругала деда за то, что он не пользовался парусиной, которую когда-то давно им подарил один охотник в благодарность за лечение. Повязки на рыцаре пропитались

кровью и вперемешку с лечебными мазями и порошками приобрели грязный, почти черный цвет. В подвале стоял тяжелый дух смерти и разложения, и Кара завертела головой в поисках мертвого коня, но, к счастью, дед от него избавился. Если рыцарь выживет, придется объясняться, впрочем, девушка надеялась, что Лэйн сохранит память и образ чудовища, которое убило его боевого скакуна.

Кара опасливо приблизилась, поднеся свечу ближе. Рыцарь метался в бреду, и, если бы не свернутое тряпье под затылком, наверняка бился бы головой о столешницу. Дед зачем-то снял бинты с лица, оставив повязку только на голове. Кожа раненого имела мертвенно-бледный оттенок, какой у живых быть не может.

Когда рыцарь вдруг открыл глаза и уставился на девушку немигающим взглядом темно-зеленых глаз, она дернулась, едва не затушив свечу. Странно, что в лесу его глаза показались ей серыми.

– Пить? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Рядом с рыцарем Сантаны в ней пробуждался природный страх – как у козули перед тигром. Хотелось бросить и ковш с водой, и свечу и бежать в другое селение, а лучше – в свободный город. Подальше и от пняров, и от рыцарей.

– Ты та девушка-морг из леса? – спросил раненый, вполне отчетливо выговаривая слова, несмотря на вздувшиеся глубокие царапины, исполосовавшие его щеку. Шрамы останутся знатные, только Кара сомневалась, что они его украсят.

Она осторожно кивнула, гадая, что еще Лэйн запомнил. Главное, чтобы не спросил про черную кровь на санкриссии, но Кара надеялась, что к тому времени, когда она бросила ему оружие, рыцарь уже плохо соображал и не обращал внимание ни на что, кроме твари.

– Не знал ни одного рыцаря, который хоть раз встречал живого пняра, – произнес раненый и потянулся к ковшу. – Мертвых находили, но живых – такое впервые. Нас же с тобой эта тварь чуть не убила. Давай свою воду. Отравленная, наверное?

Кара вспыхнула, но быстро взяла себя в руки. Должно быть, каждое слово давалось этому человеку с болью, ведь у него был разорван живот, а брюшные ранения, со слов Ягара, самые скверные и чаще всего – смертельные. Впрочем, Кара уже поняла, что этот Лэйн Гильяхор – особенный случай.

– Вы в доме лекаря рядом с деревней Овражий Гар, – терпеливо пояснила она. – Я здесь живу с дедушкой. Он вас лечит. В лесу на вас напало чудовище, вы тяжело ранены.

Там, в чаще, легко было «тыкать» рыцарю Сантаны, но рядом с поселком начиналась цивилизация, а с ней – правила и запреты. И страхи – этот рыцарь одним словом мог испортить ей жизнь.

– Это вчера случилось, – на всякий случай уточнила Кара. – Мы еще никому не сообщали. Не успели.

– Правильно сделали, – неожиданно похвалил ее Лэйн и попытался приподнять голову. Каре пришлось помочь, пока он разглядывал свое перебинтованное тело. Черные пятна, пропитавшие повязку, не обещали ничего хорошего.

– Не чувствую ни живота, ни ног. Думал, от меня только половина осталась. Насколько все плохо?

Чувство юмора – это, наверное, хороший знак, подумала Кара.

– Дедушка в лес ушел за травами. Как вернется, мы попросим телегу у старейшин и отвезем вас – тут она запнулась, так как не была уверена, откуда именно прибыл рыцарь – из Имаргона или из замка Ордена, который находился в северных окраинах выше города.

– К Стене, – ответ нашелся сам. Логично, что пересечь границу они не смогут. Может, рыцаря с самого начала следовало отвезти к Стене, да там и оставить? И почему правильные решения приходят так поздно?

– Смирная такая сейчас, не то что в лесу, – хмыкнул Лэйн, и в уголках его губ выступила кровь. Каре отчаянно захотелось, чтобы Ягар вернулся побыстрее. И так было ясно, что рыцарь дорогу не выдержит – не то что к замку, но и к Стене.

– Не надо телегу. Как встану, сам уйду.

Хорошо, что он не спрашивал про коня.

– Думал, тебе тоже досталась, а ты вон, на ногах. Значит, брюхо мне порвали, говоришь? А голова как? Волосы хоть остались?

Кара ничего не говорила про ранение в живот или про то, что Лэйна частично скальпировали. Разговор приобретал странный оттенок. Или она чего-то про лечение Ягара не знала. Может, от дедовых трав у выживших открывалось ясновидение?

– Мне надо идти, – она попыталась избежать дальнейших расспросов, но рыцарь вдруг схватил ее запястье холодными пальцами. «Эта рука у него точно была сломана», – в ужасе подумала Кара. Она отчетливо помнила, как хрустели кости рыцаря в зубах Синеглазки.

– Ты знаешь, что в ордене Сантаны новый прасал? Зовут Рим Лакадон – самый молодой в Ордене, мой ровесник, наверное. Странно, что его сделали главным.

Лэйн отпустил руку Кары, но ей показалось, что он только и ждал любого ее движения, чтобы схватить снова. А ведь говорила интуиция: не спускайся в подвал. Между тем, слова рыцаря все больше напоминали бред.

– Великий Сантана завещал держать потомков темных колдунов в закрытых деревнях, а пияров убивать, ведь, как и морты, они продолжают плодиться и размножаться, – тут Лэйн слегка приподнялся на локтях, отчего сквозь повязки на его животе проступила лужица бурой жижи. Что за травы дал дед этому несчастному, чтобы тот перестал чувствовать боль? Надо будет обязательно разузнать.

– Когда я был еще курсантом и только мечтал о зеленом плаще, патрули, которые возвращались из Тихого леса, травили байки о страшных пиярах – о гигантских червяках с женскими лицами, о летающих медведях с жалом скорпиона, о птицах, плюющих ядом. Болтунов всегда вызывали к прасалу, и после таких аудиенций они превращались в молчунов. Наставники же объясняли нам, что сплетники поедали в лесу ядовитые грибы, отчего им виделись пияры. Их потом наказывали, и они так и оставались до конца жизни с зелеными плащами. Ты ведь знаешь, что у нас есть зеленые, красные и белые плащи?

Неожиданные откровения Лэйна вызывали у Кары еще большую оторопь, чем если бы он просто стонал от боли.

– Зеленые – охраняют закрытые деревни мортов, сторожат на Стене и обходят леса, – решила поддакнуть она ему. – Красные – патрулируют города, а белые плащи заняты в руководстве Ордена Сантаны.

– Есть еще черные, – кивнул ей Лэйн, но взгляд его блуждал где-то далеко за пределами подвала. – Они имеют право советовать королям и правителям, и к их словам прислушиваются. Говорят, что всего четыре рыцаря были удостоены черных плащей. Впрочем, я его не хочу – черный плащ. Мне алый обещали. Как думаешь, если я расскажу наставнику про пияра, мне дадут повышение? Или накажут?

– Накажут, – предположила Кара.

– Да, – согласился с ней Лэйн. – Я видел, как однажды наказали моего друга Зорфуса. Беднягу приковали к стене, а его стручок сунули в ведро с ледяной водой, продержав так несколько часов. После наказания Зорфуса отвели к замковому лекарю, так как к тому времени конец парня покрылся красными пятнами и волдырями. Лекарь сказал, что начался некроз тканей, процесс не остановить, после чего он, недолго думая, оскопил Зорфуса. Так поступают со всеми, кто нарушает устав и заветы Ордена. Мы охраняем леса от пияров, которые могли выжить со времен войны, но все знают, что пияров не существуют. Раз ты говоришь о пияре, как о живом, значит, лжешь, а ложь – это грех, тебя накажут.

Кара насторожилась, услышав знакомое имя. Кажется, именно из-за этого Зорфуса зеленый патруль Лэйна оказался в Тихом лесу и встретился с ней.

Не нужно было спрашивать, но язык уже произнес то, о чем следовало молчать. Да и как тут промолчишь? Ведь не каждый день в подвале Ягара оказывался смертельно раненый рыцарь Сантаны. Кара подозревала, что разговорчивость Лэйна – не к добру, и возможно, ситуация разрешится гораздо проще: он умрет. И хотя этот человек спас ей жизнь, Кара до сих пор не поняла, как к нему относится. И чего сама она хочет: чтобы он выжил или чтобы, наконец, уже умер.

– За что наказали Зорфуса?

– Он ходил к мортам, – после долгого молчания произнес рыцарь. – А недели три назад оставил мне записку и исчез. Это как раз после наказания случилось. Потом его объявили в розыск. К каким мортам он собрался и почему, Зорфус не написал, да и про записку я никому не говорил. Он просто попрощался, мол, не надеюсь, что ты меня поймешь, но прощай. Вот уже почти месяц наши патрули рыщут по Тихому лесу в его поисках. Деревни мортвов мы тоже обыскиваем, но прасал велел делать это незаметно. Наставники уверены, что в ваших деревнях Зорфуса нет. Если он примкнул к повстанцам, а это, скорее всего, так, то прячется в лесах, вроде Тихого.

Кара впервые слышала о бунтующих мортах, хотя отголоски чего-то такого, возможно, и обсуждали на советах старейшин. И хотя она общалась с деревенскими, но Кару всегда больше волновало то, как раздобыть деду запасов на зиму побольше, чтобы она со спокойной совестью могла сбежать из Овражьего Гара и начать новую жизнь в городе. Мысленно Кара давно уже была не здесь. Хотя, может, она была и неправа в том, что не собирала сплетни.

– Знаешь, почему я ненавижу мортвов? – рыцарь снова схватил ее за руку, и на этот раз девушку обожгло прикосновением. У раненого начался сильнейший жар. Впрочем, ее ответа не требовалось. Глаза Лэйна были устремлены в пустоту.

– Я вступил в ряды ордена в девять лет – через год после того, как секта Красных Воронов, состоявшая из беглых мортвов, зарезала моих родителей. Они вызывали Растерзателя. Мортвы только и мечтают, как вернуть к жизни своего хозяина. А еще через девять лет я стал совершеннолетним и обрел право распоряжаться наследством моего отца Кроноса Гильяхора, рыцаря Черного плаща. Я передал все семейные сбережения Ордену, на которые и был построен нынешний замок Сантаны на севере Имаргона. У меня еще остались усадьба и фруктовые плантации, ими занимается управляющий, а я даже имени его не помню. С удовольствием отдал бы Ордену и дом, и плантации, но то имущество было подарено моему роду особым королевским указом и передаче не подлежит. Знаешь, я с тех пор ни разу не ездил в родительский дом. С девяти лет живу в казармах, а затем в новом замке Сантаны.

Кара боялась даже шевельнуться, застигнутая врасплох его откровениями.

– Верю ли я в Двуетного, как, например, мой наставник? – тем временем продолжал свою странную исповедь Лэйн. – Нет, с религией у меня так же плохо, как и с девушками. Но орден заменил мне семью и облегчил бремя. Жить в черно-белом мире, где мортвы – зло, а я на стороне добра, было легко. Это только Зорфус вечно задавал неправильные вопросы и пытался добавить в мой мир других красок. Именно из-за него в моей черно-белой жизни стали появляться цветные оттенки, которые не поддавались однозначному толкованию. Когда мы с тобой встретились в Тихом лесу, я не искал Зорфуса. Знал, что, если каким-то чудом найду его, отпущу. Мне бы только спросить его почему. Я себя в дебрях искал. А нашел тебя и пияра.

В горле рыцаря забулькало, он кашлянул кровью, а потом повернул к ней лицо, и цвет его глаз стал почти черным. Он выглядел так, словно собирался умереть в следующую минуту.

– Я ничего лишнего не наболтал? – спросил вдруг Лэйн и потерял сознание.

Кара легонько потрясла его, потом попыталась нащупать пульс. Пульса она не нашла, но грудь рыцаря вздымалась, а его губы подергивались, будто он продолжал исповедоваться, но уже тем, кто обитал по ту сторону мироздания.

Может, оно и к лучшему, решила Кара и, оставив раненого, плотно прикрыла за собой дверь. Пусть дед с ним разбирается, она ему все равно ничем не поможет. Ей бы кто помог. Но исповедь рыцаря так крепко отпечаталась в голове, что она с трудом заставила себя думать о чем-то еще, кроме судьбы Лэйна Гильяхора. Его отец носил черный плащ! В деревне и белые рыцари считались легендой, а тут у нее в подвале лежал сын, чей отец, считай, правил королевством. Кара ни разу не усомнилась в правде его слов. Лэйн бредил и видел перед собой явно кого-то другого, а не ее.

Представить себя на его месте было трудно, а потому Кара не могла понять, как можно отдать семейное богатство Ордену, да еще и посвятить ему свою жизнь! Перед этим Лэйном лежало столько возможностей, а он добровольно обрек себя на аскезу. После его откровений жизнь рыцарей Сантаны представлялась Каре в несколько ином свете.

Она по-прежнему их боялась – все-таки они могли уничтожить ее жизнь, и этот страх, культивируемый с детства, впитался в ее кровь и плоть. Но одновременно в душе Кары зарождалось и другое чувство. Жалость она ни к кому не испытывала. Ягар строго-настрого запрещал кого-либо жалеть, считая это едва ли не самым страшным грехом, но намек на сострадание в душе шевельнулся. К тому же, Лэйн спас ей жизнь, и теперь Кара искренне хотела, чтобы он встал на ноги. Другое дело, что интуиция нашептывала дурное: прежним Лэйн уже не будет.

Глава 5

То ли откровения Лэйна так на нее подействовали, то ли Кара стала суевернее, но, когда на тропе к Овражьему Гару она нашла мертвую белку, девушка повернула назад. Знаков ей и вчера посылали предостаточно. Не стоило вновь искушать судьбу.

Она всегда успеет узнать про этого Асхара, раз он купил дом и переселился в деревню. В Тихий лес морты без надобности не совались, предпочитая охотиться южнее. Но, вероятно, в Каре говорила досада на то, что вчера она так и не навестила Стену. А ведь то был ее путь к свободе, главная цель, которой следовало уделять больше внимания, чем всему остальному. Из всех заговорщиков Каре легче других было добраться до Стены, и она, не возмущаясь, взяла на себя эту обязанность. Встреча с Лэйном всколыхнула давний страх, который она больше испытывать не хотела. У нее все получится, она сбежит, и в новом году в ее жизни не будет ни пьяров, ни рыцарей, ни страха перед ними. Кара затеряется в большом городе и найдет там свое счастье.

И хотя сегодня она не собиралась отвлекаться, девушка вдруг безошибочно узнала место, откуда забрела к Лысой сопке. Два шага от ведущей к Стене тропы – и вот она, совсем другая дорога к злему месту. Туда, где Кара едва не погибла, и где, вероятно, еще лежал мертвый пьяр. В твари должен был оставаться вонзенный в нее санкримий. Только Кара об этом подумала, как уже больше не могла думать ни о чем.

Почему она сразу не забрала кинжал? Такие реликты древности на дороге не валялись. Санкримий можно было продать за хорошие деньги. Например, суеверные охотники, которые иногда охотились близ Лысой Сопки, точно могли заинтересоваться. К тому же где-то в кустах должен был валяться меч рыцаря, который тоже стоил денег. Не говоря уже о самом теле Синеглазки. В племенах брагов и ортов были шаманы, которые не любили деда Ягара, как конкурента, но которые порой покупали у охотников разные «чудеса», добытые в Тихом лесу – двухголовых белок, пятиногих козлят. У Синеглазки можно было отрезать голову, лапы или хвост – вот и ответ, где добыть сорок гольдов, которые затребовал жадный брат Карпа.

Досадуя, что к Стене она сегодня снова не попадет, Кара решительно повернула к Лысой сопке. Солнце стояло высоко, а в то, что ей могло встретиться еще одно чудовище, верилось мало. Тут и один пьяр казался ошибкой.

И все же совпадения случились, потому что у кустов, где должен был оставаться труп Синеглазки, стоял мужчина с лопатой. Молодой, в длинном черном плаще, к полам которого прилипли сухие листья и земляной сор. Вид у него был усталый, но довольный.

При виде Кары, которая собралась броситься наутек, незнакомец предупреждающе вскинул руку. Простой жест Кару вряд ли бы остановил, но тяжелый арбалет, который мужчина держал с подозрительной легкостью, заставил ее замереть на месте. Ягар учил с арбалетами не шутить.

Впрочем, арбалет тут же опустился на землю, а за ним и лопата.

– Стой, Кара, я с миром пришел. Времени у меня мало, не заставляй за собой бегать. Тебя и так нелегко было найти.

Голос у него был мягкий, вкрадчивый. Кара уже догадалась, кто нашел ее в лесных дебрях. Правда, если Стафия описывала новичка-морга, как красивого и обаятельного, сейчас, глядя на черноволосого молодого мужчину со взглядом ворона, она бы с ней поспорила. Внешность у него была необычной – на грани красоты и уродства. Чуть длиннее нос, чуть больше рот – и на нее смотрел бы весьма страшный человек.

– Асхар Ландэр? – вспомнила она его имя.

– Я искал тебя, чтобы ты присоединилась к восстанию мортов, – так вот просто сказал незнакомец. Одно то, что он перешел сразу к делу, заставило Кару насторожиться. Серьезный человек, который мог принести серьезные проблемы.

– В прошлом ты совершила страшный поступок, предав нас, но мы намерены дать тебе второй шанс. Ты обязана всем мортам, Кара. У тебя перед нами огромный долг.

Жаль, что она испугалась арбалета и не убежала сразу. Кажется, этот тип был опаснее рыцарей Сантаны и пыяра вместе взятых.

– Закопал мою добычу? – спросила она, кивнув на холмик у ног мужчины. Перевести тему и отвлечь его внимание, конечно, не удалось.

– Зря ты ее убила, – с явным сожалением отозвался Асхар. – Таких, как Синеглазка, больше нет. Но ничего, сделаем новых.

Кара хотела возразить, что к смерти твари она не имела отношения, но подумав, решила опасной темы не касаться. Она пережила встречу с рыцарями Сантаны, потом нападение пыяра, сейчас нужно было пережить встречу с мормом-психом. Но хуже было то, что этот Асхар Ландэр психом не казался. Он сказал немного, однако его слова задевали потайные струны ее души.

– Вы могли меня с кем-то перепутать, – Кара чуть шагнула в сторону, ближе к кустам, но ее движение не осталось незамеченным. Мужчина вскинул арбалет.

– Сядь, – кивнул он на корягу у ручья, где еще недавно Лэйн Гильяхор обрабатывал ей рану. К слову, мазь оказалась хорошей, потому что утром порез затянулся и почти не беспокоил.

– Я дам тебе время подумать, – произнес Асхар, подходя ближе и усаживаясь на холмик, куда закопал Синеглазку. – За ответом приду послезавтра, но в твоих интересах согласиться на мое предложение. Сейчас ты меня просто слушаешь.

Кара осторожно кивнула. Послушать – это можно. А потом, если этот Асхар окажется по-настоящему опасным, они с дедом его отравят.

– Итак, морты поднимают восстание, – озвучила Кара то, что ее взволновало в словах незнакомца больше всего. – Поверьте, я не обладаю способностями, которые могли быть вам полезны. Пыяра убила не я, а рыцарь Сантаны, который случайно здесь оказался. Вы должны были найти санкристий.

Кара отчаянно старалась не косить в сторону рыцарского меча, который увидела в лопухах. Если с санкристием можно было попрощаться – тип наверняка забрал его, то меч оставался последней надеждой раздобыть сорок гольдов для взятки.

– Да, я заметил, – кивнул Асхар. – Санкрестий пришлось уничтожить – опасная для нас штука. Что до рыцаря, то он, действительно, был случайным элементом и к гибели Синеглазки отношения не имел. Поверь, я знаю, о чем говорю. Однако, если он выжил, у нас могут быть неприятности. Впрочем, я надеюсь на его трусость. Орден Сантаны сейчас далеко не тот, что когда-то сверг Растерзателя. Кстати, его могли звать Асхаром.

– Кого? – совсем запуталась Кара.

– Растерзателя. Мое настоящее имя не имеет значения, поэтому я взял великое имя прошлого. Я готовил восстание в южных деревнях мортов, но мне приснился Растерзатель, который велел найти Кару Королеву Костей и спросить с нее должок.

Кара прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего. Например, то, что во сне чаще всего снится бред.

– Кара – довольно популярное у мортов имя, – осторожно сказала она, решив проигнорировать «Королеву Костей».

– А ты не задумывалась, почему это имя так популярно? – Асхар вонзил в нее острый взгляд темных глаз, и она невольно поежилась. – Не перебивай меня больше. Я собираю людей.

Мне нужны не просто морты, но особенные. Те, в ком сохранилась наша магия. Я хочу вернуть силу каждому мурту, и скоро это случится.

Интересно, знает ли он про наш побег, подумала Кара. Асхар тут же ответил, будто читал ее мысли.

– Зачем ты стремишься в город, Кара? Что хочешь там найти?

Все-таки Стафия болтушка, с досадой подумала она.

– Я не хочу быть муртом, – честно призналась Кара, не найдя с ответом получше. – В городе пойду работать, заведу семью, дождусь внуков, умру от старости. Чтобы все как у людей.

– Плохо ты себе людей представляешь, – хмыкнул Асхар. – От себя не убежать. В тебе спит великая сила, которую я намерен разбудить. Эта сила есть в каждом мурте, но в тебе скрыт особый размах наших способностей.

– Что мешало нашей силе проснуться последние шестьсот лет? Оглянись, мы в заточении, в закрытой деревне-тюрьме на самом дне мира.

– Какая же ты наивная, нашла дно мира, – хмыкнул мурт. – Вот Кальма, где болотники живут, это дно, а мы почти цивилизация. Что мешает нашей силе пробудиться? Ты знаешь ответ. Наверняка дед рассказывал про Куполы. Без алтарей Растерзателя наша магия – только теория. У нас остались книги, которые сохранили предки в тайне от Ордена Сантаны. Но чтобы знания этих книг стали реальной силой нам нужны Куполы. Считается, что после войны рыцари Сантаны уничтожили все алтари муртов, но это далеко не так. Да, есть много подделок, которые остались от сект, подражающих муртам. Ты, наверное, догадалась. Купол – вторая причина, по которой я приехал в Овражий Гар. И об этом мне тоже сказал Растерзатель. Сейчас мы его раскапываем. Не буду говорить где. Как мурт, ты и сама это поймешь. Орден Сантаны может сколько угодно скрывать от нас наши же алтари, но мурты чувствуют их на расстоянии.

– Я ничего не хочу знать про Куполы смерти, – прервала его Кара, чувствуя, как ее пробивает дрожь. От одного их упоминания заломило в костях, а по венам расплескался огонь. Нет и еще раз нет. Ей туда нельзя. Она туда не хочет.

Но она не сказала, что ему не верит.

В учебниках Стафии было написано, что Куполами назывались боевые алтари муртов. Темную магию муртов оживляли с помощью жертвенной крови, которая проливалась на таких алтарях. После того как герой альфаров – Великий Сантана убил Растерзателя, мурты еще сопротивлялись. Но Сантана не только убил злодея, но и пытками вырвал у него знание о расположении всех Куполов. И только после того как рыцари ордена уничтожили боевые алтари муртов, их сопротивление было сломлено окончательно.

Дед Ягар про Куполы говорить не любил, а в альфарских учебниках алтарям смерти была отведена едва ли пара строк. Мол, алтари – зло, и нечего про них говорить. Зато ходило много слухов, большинство их Кара знала от Стафии. Многие мурты считали, что деревни-тюрьмы строились как раз возле таких разрушенных Куполов. Наверное, подобные слухи и убедили Асхара начать раскопки в Овражем Гаре.

Кара с трудом сдержала дрожь. Мысль о том, что она жила рядом с алтарем смерти, волновала. Кроме того, Куполы ей снились. Древние, залитые кровью, переполняемые болью, страданиями и силой.

– Не верю, что тебя не влечет к магии, – вкрадчиво произнес Асхар и вытянул руку. – Все мы, мурты, мечтаем о былом величии. Скажи, разве это не прекрасно?

На пальцах Асхара заиграл голубоватый огонь. Языки пламени лизали кожу, не причиняя вреда, зато искры, отлетающие от ногтей, вполне могли подпалить сухую траву. Впрочем, надолго Ландэра не хватило, и он затряс рукой, прогоняя магию. Ему потребовалось не меньше

минуты, чтобы потушить пламя. Видимо, заминка в сценарий не входила, и морт недовольно встал, потирая пальцы, кожа на которых почернела.

Видя, что Кару не впечатлило, он усмехнулся:

– Выглядит, правда, не очень. Годится для того, чтобы удивить пьяных друзей, но вряд ли полезно в реальной жизни. Спичка практичнее. Когда мы полностью откопаем Купол в Овражьем Гаре, все изменится. Сомневаюсь, что ты захочешь остаться в стороне.

– А если алтарь ненастоящий? – спросила Кара, стараясь сохранять равнодушие в голосе.

Филит как-то пересказал ей историю, услышанную от своего отца-старейшины. Сто тридцать поддельных Куполов построили альфары-победители по всему миру, чтобы спрятать среди них настоящие. И это не считая тех алтарей, что возвели сектанты-фанатики, которые подражали мортам. Боевых алтарей, построенных самими мортами, было куда меньше. Фальшивые алтари понадобились потому, что не все каменные Куполы Растерзателя удалось уничтожить. Поэтому альфары закопали настоящие и поддельные алтари, насыпав над ними одинаковые курганы, изменив вокруг ландшафт и засекретив информацию о их местоположении. Казалось логичным, что никто не стал бы строить тюрьмы-деревни мортов там, где когда-то находился главный источник их силы. Но иногда очевидное оказывалось правдой-перевертышем.

– Овражий Гар – последняя тюрьма-деревня, основанная Орденом Сантаны всего пятьдесят лет назад, – ответил Асхар. – Я знаю, что мы не ошиблись. Как только мы раскопаем алтарь и «накормим» его, многое начнет меняться.

– Мне не нужна магия мортов, – прошептала Кара, внутренне содрогнувшись от небрежно брошенного слова «накормим».

– А как же твой больной друг Карп? – ехидно спросил он. – Ни один врач в мире не сможет вылечить ему голову, но морты, обладающие силой Растерзателя, даруют ему вторую жизнь.

Кара промолчала, так как знала о какой второй жизни шла речь. Называлась эта магия некромантией. Смерть – лекарство от всех болезней, с этим даже не поспоришь. А Стафия, определенно, слишком много болтала.

– Наверное, уже весь поселок помогает откапывать купол, – предположила Кара. – Скажи честно, зачем тебе я? Лопату я, конечно, держать умею, но какой-нибудь Филит будет в разы полезнее.

– Филит с нами, тут ты права. Но, видишь ли, морты из Овражьего Гара ничем не отличаются от других мортов, разбросанных по тюрьмам Альфарского Королевства. Их сила пробудится, когда мы откопаем алтари. Но есть морты иного толка. Ты, я, может, твой дед, хотя в нем я не уверен.

Он замолчал, и Кара в ужасе уставилась на арбалет, вновь появившийся в руках Асхара.

– Скажи, где именно в Овражьем Гаре мы раскапываем старый алтарь, – вкрадчиво попросил морт.

– Откуда мне знать, – нервно буркнула Кара, с трудом удерживая себя на месте.

Болт воткнулась в сантиметре от ее пятки, Асхар же ловко перезарядил арбалет.

– В следующий раз я прострелю тебе ногу, болт сломает кость, и бежать в Имаргон будет сложнее. Где находится Купол Овражьего Гара? Говори!

Кара ни секунды не сомневалась, что он в нее выстрелит, поэтому выпалила первое, что пришло в голову.

– Под мельницей старого Рольда.

– Молодец, девочка, я в тебе не сомневался.

Асхар опустил арбалет и поглядел на солнце, которое едва заметно клонилось к горизонту.

– Времени мало, как бы твой дед не явился тебя искать, – вздохнул он. – Итак, последнее, что я должен сказать, и о чем ты должна хорошенько подумать до нашей следующей встречи. Есть кое-что в твоём прошлом, Кара, что меня тревожит.

Кара тоже считала время, поэтому решила не перебивать. Кажется, ее сегодня отпустят. Следовало не оттягивать этот момент.

– Твой старик сказал, что нашел тебя в корзине в траве на перекрестке, когда бродяжничал по королевству, но у меня другие сведения. Ягар не просто бродяжничал. Его след затесался в истории Секты Красных Воронов, которые двадцать лет назад держали в страхе весь Имаргон. Считается, что это было первым и последним восстанием мортвов. А продержались они так долго потому, что у них имелся покровитель из королевской семьи. Тайный, разумеется. Король тогда дружил с Торговой Гильдией, недолюбливал Орден Сантаны и хотел его ослабить. Потом, как известно, король умер, и расстановка сил поменялась. Наша новая королева любит рыцарей, не дружит с Гильдией, соответственно, всех сектантов погнали поганой метлой, а беглых мортвов казнили. Спаслись единицы, как твой Ягар, например.

Кара ничего не смыслила в политике, хотя о Секте Красных Воронов слышала. Рыцари Сантаны, приезжающие с проверками в деревню, зачитывали мортам отрывки с описанием жестоких казней, которым подвергли восставших Воронов. Каре потом в красках все пересказывала Стафия.

– Теперь о тебе, – продолжил Асхар. – Как и все мортвы, поверившие в колдовские книжки, которые читали в детстве, Красные Вороны мечтали возродить Растерзателя, чтобы вернуть себе возможность колдовать. Я думаю, что ты родилась на одном из их ритуалов. Король уже тогда умирал, мортвы-сектанты знали, что проигрывают, поэтому осмелели настолько, что похитили семью рыцарей Сантаны, которых принесли в жертву, пытаясь вызвать Растерзателя. На том ритуале убили не только рыцарей, но и простых жителей королевства. Среди них были беременные, и одна из женщин родила перед смертью под ножом жреца. В этой части рассказа информаторы обычно несут бред. Их послушать, так живот у этой женщины надулся прямо на алтаре, после чего родилась ты. Скорее всего, она уже была беременна, в темноте просто никто не заметил. Ритуал не закончили, сектантов разгромили взбешенные рыцари Сантаны, которые искали своих. Убили всех мортвов, но некоторым удалось бежать.

– Нет никакой связи со мной, – сердито ответила Кара, не сдержавшись.

– Ну, как же Твой старик был одним из тех сектантов. Последний Красный Ворон. Он сбежал и забрал младенца с собой. Не знаю, что у него тогда было в голове, но, похоже, он думает, что растит дочь Растерзателя.

Асхар наклонился и прошептал:

– И мне кажется, я с ним согласен.

Так как Кара ошарашенно молчала, морт продолжил.

– Таких, как Ягар, остались единицы. Не удивлюсь, если он жил во времена Каменной войны. А теперь слушай внимательно. Я приду сюда через день. И ты тоже. Мне мало одного купола. Нужно больше. У нас есть сведения, что на Лысой сопке, – Асхар махнул за свое плечо, – закопаны, как минимум, три боевых алтаря. Найди их. Ты лучше других мортвов ориентируешься в Тихом лесу.

– И что потом?

– Хочешь сделку? – усмехнулся Асхар.

– Я все равно сбегу в Имаргон.

– Дело твое. Только когда мы найдем куполы и «накормим» их, может получиться так, что тебе не захочется в Имаргон. Ведь, может, ты и правда дочь Растерзателя.

Асхар поднялся, Кара следом.

– Держи.

Морт вытащил что-то из своего кармана, и к ногам Кары упал сверток, замотанный в тряпицу.

– Это книга с нашими ритуалами. Прочитай. Кровь подскажет, что к чему, а все, что не поймешь, я объясню. До встречи, Кара. Уверен, ты будешь ждать ее с нетерпением.

И хотя солнце, действительно, садилось, а дед мог ее искать, Кара еще долго смотрела вслед мурту, но думала не о книге и не об алтарях смерти.

В память врезались слова Асхара про секту Красных Воронов. Собственное происхождение волновало Кару куда меньше того факта, что именно эта секта зарезала родителей Лэйна Гильяхора, раненого рыцаря, который лежал у нее дома в подвале и утром сам рассказал ей об этом. Могло оказаться, что именно на том ритуале, во время которого она родилась, и убили его родителей. Тогда их судьбы оказывались сплетены куда более изощренным образом, чем обоим бы хотелось.

Глава 6

Вечером того же дня, ужиная с дедом, Кара пожалела, что поверила в рассказ незнакомца. Может, морты и поднимали восстание, может, и раскапывали что-то в Овражьем Гаре – ее не касалось. Но по какой-то причине она понадобилась Асхару, и он придумал историю о кровавом рождении Кары на алтаре Красных Воронов. У деда Ягара в прошлом скрывалось много тайн, но он ни разу не дал знать, что считал свою внучку особенной – избранной, наделенной магией или дочерью Растерзателя. А насочинять с три короба она и сама умела.

Ягар оставался трезвым уже несколько дней подряд, и вот то было настоящим чудом.

– Помнишь, чарусу за старыми дубами? – спросил дед и протянул ей миску за еще одной порцией каши. Чарусой он называл цветущее болото. Кара, конечно, помнила то место. Вроде и от Лысой сопки далеко, но до чего же странное. Даже в ноябре болото периодически покрывалось цветами – крупными, сладко пахнущими, яркими. И без напоминаний Ягара Кара никогда к ним не подходила, до того опасными они казались.

Она кивнула и поежилась. Сейчас, как никогда, ей хотелось покинуть Тихий лес, как можно скорее. Скорее бы попасть в город. С ним должны были уйти и все ее неприятности. Кара в это верила.

– Так вот, решил я посмотреть, не поспела ли брусника, и свернул к той чарусе, – неторопливо продолжил дед. – Ягоды не нашел, зато на мертвечинку напоролся.

Кара уставилась на него, не донеся ложку до рта.

– Охотника какого зверь задрал? – осторожно спросила она, встретившись со взглядом Ягара. Тот смотрел странно, не моргая, будто задумался.

– Да нет, чужак. Вроде, на морта похож, но лицо незнакомое. Волосы черные, плащ еще на нем был. Он в нем запутался, когда тонул. Близко к чарусе подошел, вот она его и сцапала. Может, тоже бруснику искал. Надо будет завтра в Овражьем Гаре спросить, не потеряли ли кого.

У Кары даже дар речи пропал.

– Дед, а ты уверен, что он сам утонул? – наконец, спросила она, нарушив молчание.

– Кто его знает, – пожал плечами Ягами. – Может, и не сам, да мне какое дело. Все что мог, я сделал. Толкнул тело подальше в болото и кочками сверху прикрыл. Забирать у чарусы ее добычу – плохое дело, в следующий раз сам на месте утопленника окажешься. Запомнила? Если найдешь в болоте мертвяка, не трогай его. Плохая примета.

– Вот, – видя, что она молчит, дед выложил сверток на стол, потом сам же его и развернул. Перед ними сверкнуло тонкое лезвие санкрестия.

– В кармане плаща у него нашел. Знаешь, что думаю? Этот морт хотел Стену перейти, сбежать. Да только рыцари его поймали и, чтобы шуму не поднимать, зарезали. Потом в болоте утопили. Я этот ножичек завтра охотникам продам. Думаю, полсотни гольдов за него просить. А что? Такие штуки просто так в лесу не валяются. Ох, засиделись мы, пора и спать. Завтра хочу пораньше к роднику одному сходить. Водичка там целебная, раненому нашему не мешает.

И забрав санкрестий, дед удалился в свою комнату.

На следующий день Кара с трудом удержалась, чтобы не пойти к чарусе, о которой говорил дед. Потом поняла, что вряд ли от тела что-то осталось – хищников в болоте хватало. Разумеется, искать алтари смерти на Лысую сопку она тоже не пошла. Зато стащила у деда яд черной ромашки, смазала им пару стрел и отправилась в назначенный день на встречу в полном вооружении.

Асхар Ландэр не пришел к подножью Лысой сопки ни в тот день, ни на следующий. Кара же задумалась, не был ли Ягар тем, кто «помог» чужаку Асхару очутиться в болоте. Старик мог

подслушать, как морт угрожал Каре. К тому же, чем ближе становился день побега, тем больше Кара убеждалась в том, что Ягару и об этих ее планах тоже известно. Но пока дед ничего не предпринимал, она решила не волноваться. Может, он решил ее отпустить?

Следующая встреча заговорщиков состоялась через три дня после разговора Кары с Асхаром, и Стафия подтвердила, что морт исчез.

– Уехал так же внезапно, как приехал, – досадливо пожалала она плечами. – Мог хотя бы предупредить, а то мы его искали. Но дома у него ни вещей, ничего не оказалось. Странный тип, в общем.

Каре хотелось спросить Стафию про старую мельницу Рольда, где, по словам Асхара, морты раскапывали алтарь смерти, но вовремя прикусила язык. Ее дело – побег, и только. Лишь бы она деда успела забрать из этих мест, пока морты восстание не подняли.

Понемногу план побега становился все более реальным, тем более что Филиту удалось продать коня и достать пятнадцать гольдов – к тем десяти, что у них уже имелись. Стафия подарками женихов похвастаться не могла, зато Кара смогла утащить с той несчастной поляны рыцарский меч и спрятать его в надежном месте. Теперь она ждала охотников, которые захватывали к деду в гости, с нетерпением. Когда пойдет их провожать, попробует продать меч. Кара решила просить за него не меньше десяти гольдов.

Она совсем забыла о книге с магическими заклинаниями, которую дал ей Асхар. Вспомнила, когда увидела Ягара, направляющегося к нужнику с колдовским томиком под мышкой. Ей казалось, что она спрятала книжку в сундук, но, похоже, все-таки бросила на стол и забыла. А дед подобрал. Хорошо, что еще вопросов задавать не стал. Наверное, решил, что кто-то из охотников в лесу нашел.

В любом случае судьба книги была незавидной. И хотя Кара любила читать, поняла, что спасти конкретно книгу, значит, нарываться на разговоры с вопросами, ответов на которые у нее не было.

Сложнее было с кошмарами, которые после встречи с Асхаром дополнились яркими образами кровавых алтарей мортов. Каре снились страшные ритуалы, где гасли жизни и звучали страдания. Поразмыслив над тем, что услышала от Ландэра, Кара твердо решила верить только в себя настоящую. И в своего деда. Неважно, где и как появилась на свет маленькая Кара. Неважно, что там случилось у Лысой Сопки, и как именно погибла Синеглазка. Важно, что Кара шла в будущее, а не в прошлое.

А если в ее настоящее и врывались голоса с тревожными именами – рыцаря Зорфуса, который предал орден и убежал к мортам, страшного Растерзателя, Императора мортов, о котором говорить не стоило, и мятежного Асхара Ландэра, который так же загадочно исчез, как и появился, то Каре удавалось их заглушить.

Дни пошли своим чередом. Она, наконец, добралась до Заставы, но там ничего не изменилось. Рыцари вели себя как обычно. Правда, скоро Каре стало не до слезки, потому что очнулся раненый рыцарь, и дед взвалил заботу о нем на внучку. К тому времени Ягару привезли трех порванных волками охотников, подвал оказался занят, и Лэйна переместили в комнату Кары. Ей же пришлось перелечь на неудобную лавку у печи.

Девушка не жаловалась. Ей удалось продать меч, а Стафия добила долгожданных подарков от женихов. Да и Карп уговорил брата снизить взятку до тридцати гольдов. Итого им удалось собрать шестьдесят гольдов, из которых тридцать отложили на обустройство на новом месте. На первое время они договорились снимать одну комнату на четверых, а когда Филит поступит в училище, разойтись своими дорогами, но обязательно поддерживать друг друга. К тому же, Карп узнал о враче в Имаргоне, который умел вырезать опухоли, похожие на его. Уже неделю Карп переписывался с ним, передавая письма через брата. У Стафии нашлись связи в одной придорожной таверне, хозяйка которой была согласна нанять Стафию и Кару горничными. Будущее понемногу открывало двери.

В общем, настроение у Кары было хорошее, и потеря комнаты ее не огорчила.

А между тем рыцарь поправлялся какими-то сказочными темпами. Уже на вторую неделю его раны затянулись, и, хотя Кара долго расспрашивала Ягара, какие такие чудесные мази тот использовал, дед отмалчивался, не желая делиться секретами.

– Ты все равно не этим в жизни будешь заниматься, – всегда уходил он от ответа, кивая в сторону окровавленных инструментов и склянок с мазями. Каре было любопытно, чем же она, по его мнению, будет зарабатывать себе на жизнь, но чувствовала, что в свою медицину дед ее не пустит. Да, если честно, ее туда и не тянуло.

Очень скоро Лэйн Гильяхор стал трудным пациентом – не хотел лежать, отказался от горшка и мужественно топал к нужнику, а по ночам беспокоил Кару разговорами, потому что сам мучился бессонницей. Дед сказал, что «не спать» – это нормально, мол, травы действуют, Кару же отругал, что она позволяет раненому вставать.

Как не позволять что-то делать огромному рыцарю, который делал то, что вздумается, Кара не представляла. Хорошо было уже то, что он, кажется, забыл свои откровения, которыми поделился с ней однажды в беспамятстве. Лэйн больше не рассказывал ей ни о своих родителях, ни о Зорфусе, но охотно рассуждал о добре и зле. По-рыцарски, черно-бело, как в альфарских книжках было написано, чем ужасно бесил Кару. Впрочем, она терпела, так как страх перед орденом Сантаны плескался в ее крови, и побороть его было трудно.

О том, что произошло у подножья Лысой сопки, они не разговаривали. Лэйн не задавал вопросов ни о своем коне, ни о том, куда делись его меч и санкристий. Да и пьяра он вспомнил лишь однажды.

Дед пришел тогда менять повязки и обрабатывать раны.

– Спасибо тебе, старик, – в очередной раз поблагодарил рыцарь. – Вижу, у тебя там в углу у печи кочерга стоит. Раскали и прижги мне ладонь. Я от вас дня через три уйду, своим скажу, что к болотникам в плен попал, да потом сбежал. В Кальме так всех рабов клеймят. Мне по-другому домой не попасть.

Ягар покосился на кочергу, но ответил не сразу. К тому времени Кара рассказала ему, что Лэйн – прислужник в замке ордена Сантаны. Куда труднее было убедить самого Лэйна не рассказывать деду о том, что он рыцарь, но помогла правда.

– Дед рыцарей на дух не переносит, – призналась Кара, когда другие доводы не сработали. – Или говоришь, что ты у них служишь, или молчишь про Сантану все время, пока мы тебя лечим.

До того разговора Кара не знала, что рыцарь выбрал первый вариант.

Не только она боялась Ордена Сантаны. Лэйн предпочел изуродовать себе руку, лишь бы не нарушать негласные правила своего святилища. Верить в пьяров было нельзя. А тем более нельзя было о них рассказывать или вступать с ними в сражения. Вот Лэйн и перестраховывался.

Кара решила, что не хочет видеть, как Лэйну прижигают ладонь, и ушла во двор. Ожидая крики или бранные слова, вызванные болью, она так ничего и не услышала. Минут через пять вышел Ягар с кислым выражением на лице.

– Можно подумать, шрамов у него мало, – хмуро пробубнил он. – Я этому дураку руку обработал, ты потом ожог перевяжи, мне некогда будет. И три дня – это мало. Скажи, чтобы неделю у нас еще полежал.

– Сам и скажи, – заартачилась Кара, но слова улетели деду в спину. Если Ягар что надумал, мнения не изменит.

А на следующий день дед заявил, что ему надо проводить раненых охотников в деревни, и он оставляет Кару одну с Лэйном на неделю. Карп, мол, присмотрит и за ней, и за рыцарем. Кара догадалась, что Ягар решил напиться, так как воздерживался почти месяц, и поделаться с этим ничего не могла.

Как и с тем, что Карп подхватил простуду и передал через Стафию, что неделю работать у Кары с дедом не сможет, будет дома отлеживаться.

– А ты одна в лесу жить будешь? – подозрительно прищурилась подруга, которая каким-то образом узнала, что Ягар собрался в дальние деревни. Кара до сих пор удивлялась, как Стафия еще не прознала про Лэйна. В последнее время Карп приходил работать у деда во дворе всего пару раз, рыцарь же тогда еще лежал в подвале.

Время побега приближалось, и Карп взял на себя заботу о провизии. После перехода Стены беглецам предстояло еще дня четыре идти по зимнему лесу, и Карп сушил сухари и потихоньку таскал вяленую рыбу у рыбаков. Кара заготовила грибов и лекарственных трав, Стафия отвечала за сахар, Филит – за крупу и чай. К тому же Кара в дороге собиралась охотиться на зайцев и мелких птиц, хотя особых надежд на хорошую добычу в первый месяц зимы не питала.

– Я к северным пирами пойду, они мед у меня хотят купить, там и поживу недельку, – солгала Кара. На самом деле она жутко боялась, что Лэйн прознает о ее планах сбежать в город. Лучше было сделать недельную паузу и ни с кем из заговорщиков не встречаться. На том и договорились.

И хотя втайне Кара надеялась, что рыцарь покинет их раньше, он остался на всю неделю.

– Присмотрю за тобой, раз дед тебя одну оставил, – заявил Лэйн растерявшейся Каре. Теперь трудно было поверить, что еще две недели назад Лэйн представлял из себя кусок мяса. Каре до сих пор не верилось в то, что рыцарь остался жив, и с какой скоростью затянулись его раны.

Это была нелегкая неделя, потому что выздоравливающий Лэйн Гильяхор оказался тем еще бытовым деспотом. Он сразу во всем завел свои порядки: когда они встают, едят, ходят к лечебному роднику, куда Ягар наказал Каре регулярно провожать Лэйна, и куда рыцарь сам ходил с большим удовольствием. Кара знала то место, но, кроме того, что вода была там теплой даже в начале декабря, не видела в нем ничего особенного. Ее царапины в том роднике не заживали.

– Ты не так варишь крупу, – раскритиковал Лэйн ее стряпню в первый же день, как уехал Ягар. – Воды надо лить меньше, и крышку сразу не снимать. Отойди, я сам.

Каре оставалось молча глотать язвительный ответ. До нее стало доходить, что она с Лэйном тут одна, и, если рыцарь вдруг сойдет с ума, никто на помощь не явится. Другьям-мортам она солгала, что ушла в дальние деревни, дед думает, что ей помогает Карп, охотники же разбрелись на зимовки, и соседние поселения опустели.

Не то чтобы у Лэйна были предпосылки сойти с ума, но Кара всерьез опасалась, что их негласный мирный договор будет нарушен – рыцарем в первую очередь.

Когда Лэйну не спалось, он часто донимал ее расспросами, почему она живет не в деревне с другими мортами. Кара чувствовала, что его вопросы были вызваны больше простым любопытством, чем желанием вмешаться в ее жизнь, поэтому старалась отвечать искренне, хоть и с осторожностью. Она уже поняла, что Лэйн угадывал ложь с первых слов и бесился от нее. А рыцаря Сантаны лучше было не злить. Впрочем, за все время, что она ухаживала за ним, страх Кары перед рыцарем если не исчез, то заметно ослаб. По крайней мере, они уже называли друг друга на «ты», и это была инициатива Лэйна.

– Дедушка в лесу лучше себя чувствует, чем в деревне, а без меня он тут совсем пропадет, – выкручивалась Кара, пытаясь объяснить, почему они не живут вместе с другими мортами.

– Можешь не притворяться, – спас ее Лэйн. – Не дурак же я. По деду твоему видно, что он беглец из другой деревни, а старосты Овражьего Гара связываться с беглым не захотели. Но кто ж лекаря, да еще такого искусного, в здравом уме прогонять станет? Вот вам и разрешили рядом с Овражьем Гаром остаться. Дед твой мне помог, и я его не сдам, но вот тебе совет. Даже приказ. К весне вам надо подальше в лес переехать. Это сейчас рыцари на Стене сидят,

и в Тихий лес не суются. Но все больше ходит слухов о том, что где-то за Тихим беглые морты собирают восстание, и наши скоро начнут все тут патрулировать. Деда твоего я не подозреваю, стар он слишком для мятежа. Да и помог мне здорово. Ты, пожалуй, слишком доверчива для заговорщицы, у тебя что на уме, то и на языке. Если бы с мятежниками что крутила, я бы заметил.

Кара хотела обидеться и возразить, что не настолько глупа, как он думал, но Лэйн поднял палец, не разрешая себя перебивать. Его хозяйские замашки страшно раздражали.

– Но вот за это – он тыкнул в шкурки белок, которые сушились растянутыми над печкой, – хвалить вас не буду. Закон есть закон, и мортам запрещено охотиться в Тихом лесу. Дед твой знахарь, вот путь лечебным трудом на еду зарабатывает. Вы можете коренья собирать, грибы, а мясо в деревнях покупать.

Кара хотела было съязвить, что раненый Лэйн вряд ли протянул бы у них на кореньях и грибах, но снова заставила себя промолчать. Хоть он и сидел в ее доме на ее лавке, власть принадлежала ему. И эта власть возводила нерушимую стену между Лэйном и Карой, которая в последнее время стала чуть тщательнее следить за тем, как выглядит. Не потому, что в их доме появился привлекательный мужчина. Охотники к ним часто заходили. Четкого ответа у нее не было, но Каре вдруг захотелось стать не просто рядовым мортом в его глазах, но мортом особенным. Хотя в этом она себе бы не призналась.

Кара с детства хорошо обращалась с топором, однако Лэйн категорически запретил ей рубить дрова. Они едва не подрались, потому что Кара представила, как у него расходятся швы от усилий, но одолеть могучего рыцаря не смогла. К Лэйну возвращалась сила, и топор он отобрал у нее с легкостью.

В начале декабря уже выпал снег и установился мороз, но Лэйн сбросил дедов тулуп, и оставшись в одной рубахе – своей, рыцарской, несколько раз Карой стираной, с видимым удовольствием погрузился в работу. За час он перерубил все стволы, которые так и не смог одолеть Карп, обеспечив хозяйство Ягара топливом едва ли не на месяц. Кара не захотела морозиться с ним во дворе и спряталась от стужи и ветра в избе, правда, от окна не отходила. Следила – не появятся ли кровавые пятна от разошедшихся швов у Лэйна на спине. А потом и сама не заметила, как залюбовалась мышцами, перекачывающимися под тканью. Оказывается, работающий мужчина – это красиво.

Он поймал ее взгляд и махнул рукой, веля открыть окно.

– Хватит в духоте сидеть, погода хорошая, – заявил он, справившись с дровами.

По небу бежали сизые тучи, дул пронизывающий до костей ветер, и Кара ни за что не назвала бы такую погоду хорошей. Шел третий день наедине с Лэйном Гильяхором, и ей казалось, что он заполнил собой весь мир. У него была потрясающая способность быть повсюду и рядом одновременно, даже если их с Карой разделяли двери и комнатные перегородки. Кара выросла в одиночестве, дед часто отлучался в лес, оставляя ее одну, и постоянное нахождение еще одного человека поблизости на нее давило.

Хотя, стоило признаться, Лэйн удивлял. Охотники брагов и пилонов были другими – и внешне, и вели себя иначе. Скромнее, гибче. Морты из деревни были, чаще всего, безликими по той причине, что исторически привыкли скрываться и носить маски. Лэйн же был чистокровным альфаром, доминантом по природе, рубил правду с плеча, как те дрова. Преград не было, личных границ тоже. Как только уехал дед, Лэйн вернул ей кровать, но остался в комнате, перетаскив для себя лавку из кухни.

– Нельзя спать там, где готовят, а в подвал я не вернусь, – твердо заявил он. – Я там чуть не сдох. Поживем в твоей комнате. Можешь не стесняться. Женщины-морты меня не интересуют.

Кара так и не поняла, что именно ее разозлило в его словах. Она надулась, решив с ним не разговаривать хотя бы до вечера, но оказалось, что с Лэйном так нельзя. Не получив ответа

на очередной свой вопрос, и поняв, что она молчит нарочно, рыцарь выволок ее во двор и принялся валять в снегу, пока она не запросила пощады. Таким образом, все получилось опять «по-лэйновски». Они вели долгие нудные разговоры перед сном, а в определенный час замолкали, потому что Лэйн командовал «отбой». Как в казарме, с досадой думала Кара.

Теперь он звал ее на ручей.

– Пойдем искупнёмся, вода в мороз там почти горячей кажется. Я таких мест еще не встречал. Тебе тоже будет полезно, вон какая ты чумазая.

Кара чумазой не была, она регулярно мылась в подвале, подогревая воду для мытья на печке, но уже привыкла, что Лэйн вечно придирался к ее внешнему виду. То волосы ей надо постричь, то штаны носить теплее, то уши проколоть.

– Серьги в женских ушках – это красиво, – тоном знатока заявлял Лэйн, Кара же в такие минуты реально опасалась, как бы он сам ей их не проколол. – Ты подумай об этом, тебе сережки пойдут. С синими камнями, из серебра. Если сама достать не сможешь, мне скажешь, я найду. А вот косметика тебе не нужна – ты яркая. Хотя губы можно слегка подкрасить.

Уши он ей, к счастью, не проколол, зато составил длинный список того, что должно быть у настоящей женщины. Вероятно, альфарской. Стафия, наверное, оценила бы.

– Ты тут в дикости живешь, неправильно это, – разглагольствовал Лэйн. – Возможно нельзя вам с дедом глубже в лес переселяться, погубит это тебя.

Он все-таки потащил ее к водоему, Кара же задумалась, когда они успели поменяться ролями – из опекаемого он превратился в опекуна.

– Я устрою так, что твоему деду выделят дом в Овражьем Гаре. В школу пойдешь. Тебе сейчас семнадцать, так? Читать умеешь?

Кара точно помнила, что не называла ему своего возраста, но решила, что дед проболтался. Планы Лэйна на ее жизнь настолько в разрез шли с ее собственными, что она с трудом заставила себя успокоиться. Пусть думает, что хочет. Через месяц ей будет восемнадцать, а сама она окажется далеко отсюда.

На днях Кара подумала, что, возможно, в Имаргоне не останется, а попробует переехать подальше от Ордена Сантаны и мортов. Она до сих пор не поняла, каким образом Асхар Ландэр связал ее имя с восстанием, но определенно не хотела иметь с ним ничего общего. Хорошо, что Лэйн никак не мог догадаться о том, что недавно ее назвали дочерью Растерзателя. За те дни, что они провели вместе, она уже поняла, что Лэйн искренне и глубоко верил всему, чему его научили в Ордене Сантаны, а Растерзателя считал вечным врагом человечества, пусть тот уже и мертв вот уже как шестьсот лет.

Лезть в воду Кара наотрез отказалась, спрятавшись от ветра за стволом могучего тополя. Ей казалось, что время утекает сквозь пальцы, а она застряла – в лесу, в жизни, в чужих мечтах и планах.

– Эй, что грустила? – окликнул ее рыцарь, брызнув в нее водой с мокрых рук. Кара и не заметила, как он выбрался из родника и подошел к ней, небрежно намотав на бедра рубаху. Нет, правда, он ни во что ее не ставил. Пусть Кара и выросла в лесу одиночестве, но кое-что о правилах приличия знала. Среди мортов было недопустимо, чтобы мужчина обнажался в обществе незнакомой женщины, но, видимо, Лэйн думал, что он альфар, и ему все можно. Или, вообще, ни о чем не думал.

Его обнаженный торс, покрытый капельками влаги, – вот, что Кара точно запомнит. Шрамы, оставленные Синеглазкой, не добавили рыцарю красоты, но выглядели отлично зажившими. Впрочем, у него и без них хватало боевых отметин. Она хотела бы знать, кто пытался ранить его в сердце, и откуда такой страшный след от ожога на левом плече. Все тело Лэйна было покрыто прочным мышечным корсетом без капли жира, а цвет кожи имел красивый оливковый оттенок. Кара вдруг поймала себя на мысли, что слово «красивый» слишком часто всплывало в ее голове, когда она думала о Лэйне.

Между тем, почти обнаженный рыцарь стоял на морозе и ветру и не спешил одеваться. Ей бы заподозрить неладное, да Кара думала о том, какие сильные у него ноги, и что рубаха, которой он обвязал бедра, определенно лишняя.

– Ты заснула, что ли? – в нее прилетел снежок, и Кара поняла, что слишком долго молчала, погруженная в свои мысли.

Она часто сначала делала, потом думала. Вот и сейчас, скатав снежок и бросив его в Лэйна, только потом догадалась, что сейчас огребет. Бросилась убежать по сугробам, но Лэйн нагнал ее в два прыжка и повалил в снег. Тот попал ей за шиворот, Кара взвизгнула и попыталась выбраться из-под Лэйна, при этом стараясь не задеть его шрамы и, вообще, не касаться его голой кожи. В результате, они покатались к водоему, хотя, вероятно, Лэйн сделал это специально. Ну, и свалились в него, конечно.

«Как я пойду домой?» – с ужасом подумала Кара, осознав, что ее одежда набухает теплой водой. Теперь она лежала в неглубоком роднике, а Лэйн заботливо придерживал ее голову, по-прежнему нависая сверху. Не придавил – и за то спасибо.

– Какой же ты – слова пришлось проглотить, потому что оскорблять рыцарей Сантаны было запрещено законом. Кара не знала, что именно Лэйн мог посчитать оскорблением, поэтому снова предпочла замолчать. В его компании она сама себя не узнавала. Кара привыкла отвечать словом на слово и делом за дело. А с ним ей постоянно приходилось себя одергивать.

– Купание в целебном источнике тебе не помешает, – смеясь, сказал Лэйн и брызнул в нее водой. – Ты выглядишь истощенной.

А еще – недокормленной, уставшей, худой, бледной и поникшей. То были самые частые эпитеты, какими он ее награждал. И ни разу о том, что у нее красивые черные глаза и стройные ноги.

Кара наконец сумела выскользнуть из-под него и осторожно отодвинулась к невысокому берегу. Сидеть в роднике было тепло, но домой придется бежать очень быстро. Скорее всего, одежда на ней замерзнет (не бежать же голой), и вечером она будет лечить себя от простуды. А болеть ей было нельзя – до побега оставалось три недели.

– Почему ты не можешь просто расслабиться и насладиться моментом? – поругал ее Лэйн. – Небось, думаешь, как побежишь домой в хрустящих штанах. Не пытайся все контролировать. Тем более, когда рядом друг. Я твой друг, Кара, и навсегда им останусь. И по-дружески одолжу тебе свой тулуп.

От такого неожиданного признания у нее даже дар речи пропал. Она считала Стафию, Филита и Карпа друзьями, но никто из них никогда не произносил слово «дружба» вслух. А тут рыцарь Ордена Сантаны, заядлый враг и тюремщик моргов, открыто называл себя ее другом.

– Не понимаю, чему ты удивляешься, – заметил ее реакцию Лэйн. – Я, конечно, не ждал от морта того, что сделала ты там, на сопке, но Это важно для меня, Кара. Я никогда этого не забуду.

Они сидели в воде и молча глядели друг на друга. Кара в мокрой одежде, Лэйн – покрытый своими шрамами, а сверху на них равнодушно глядело бледное зимнее солнце. Уж ему-то точно было все едино, что там за чувства бушевали в сердцах двух совершенно разных людей.

– Ты ведь не хочешь жить с мортами? – вдруг спросил рыцарь, и Кара отметила, что его тон стал серьезным. Из голоса Лэйна исчезли смешинки, и она поняла, что сейчас он скажет что-то очень важное. То, что может изменить и ее судьбу тоже.

– В город хочешь?

Кара кивнула, не в силах выдать ни слова. Он будто читал ее мысли.

– Имаргон – не место для такой девушки, как ты, – со вздохом сказал Лэйн и поднялся. Кара едва успела отвернуться, потому что рубашка рыцаря, хоть и удержалась на бедрах, но тоже намочила, прилипнув к телу. Его же это совсем не волновало.

Взяв ее за руку и, не спрашивая согласия, он поднял Кару из воды, но ладонь девушки не отпустил. Так и стоял, словно забыл, что хотел сказать и сделать.

– Не ходи в город, Кара, – наконец, произнес он, но приказа в его голосе она не услышала. То была просьба, столь необычная из уст рыцаря. – Но ты ведь все равно пойдешь, так?

Кара была ниже Лэйна на две головы, но дно родника было неровным, и она оказалась на возвышении. Его лицо находилось рядом с ее – слишком близко. Кара почувствовала, как ее сердце стукнуло и замерло в испуге. Вдруг он ее поцелует? Она понятия не имела, откуда у нее взялась такая мысль. Та просто появилась и осталась в голове навсегда – пугающая, дающая надежду. Манящая.

– Если бы ты дежурил на Стене и увидел беглых мертвых, а среди них – меня, ты бы нас пропустил? – хрипло спросила она.

Кара потом много раз проклинала себя за тот вопрос, но тогда у нее был только один шанс узнать правду.

Рыцарь откликнулся не сразу. Его глаза так пристально смотрели на нее, будто хотели разрезать и заглянуть внутрь.

– Нет, – наконец ответил он. – Особенно после того, что я о тебе узнал. Я ни за что не пропустил бы тебя к людям, Кара.

Каре хотелось спросить, что именно он о ней узнал, но тут Лэйн ее ошаршил своими следующими словами.

– Вчера я нашел своего коня. Он объедал кусты недалеко от избы твоего деда. А я ведь думал, что Шершень погиб. Но нет – он жив, здоров, даже потолстел. Наверное, испугался тогда, убежал, набродился всласть по лесу, а потом нашел меня по запаху. Бархенторы так умеют. Вот, что я решил, Кара. Я возвращаюсь в орден. Сегодня. Ты взрослая девочка, со всем справишься.

И отпустив ее руку, Лэйн вышел из родника.

– Попрощаемся здесь. Я оставлю тебе свой тулуп. Ты – морт, я альфар. Мы из разных миров. Мой тебе совет. Не делай то, что задумала. Помочь исправить эту ошибку я тебе не смогу.

Лэйн ушел резко, забрав с собой тепло из воды и воздух из ее легких.

Вода в роднике вмиг превратилась в ледяную. Каре же захотелось превратиться в рыбу и остаться в этих водах навсегда.

Глава 7

Ей снилась черноволосая женщина, которая держала ее за руку. Кара лежала в грязи и из груди у нее торчал клинок с причудливой гардой. Черный клуатон, украшавший навершие, был похож на глаз ворона – блестящий, предупреждающий. Целая стая этих недружелюбных птиц кружила над телом умирающей Кары, ожидая, когда живой человек покинет мертвого.

– Время будет безжалостным, как и люди, – шептала женщина, и ее голос пронзал до костей. – Они обглодают тебя, но за то, что ты сделала, я помогу. Ты только не вспоминай.

Кара проснулась внезапно, ловя воздух ртом и цепляясь за вопрос, который задавала себе уже давно: что она сделала? Черноволосая женщина снилась ей не впервые, каждый раз намекая на какой-то поступок Кары и в то же время пугая сочувствием. Казалось, что ее полные сострадания глаза наблюдали за ней и после пробуждения.

Потихоньку возвращалась реальность: раннее утро, остывшая печь, дедова изба.

Снова привыкать к одиночеству оказалось трудно. Кара за много дней проснулась не от гремящей посуды на кухне. Лэйн всегда умудрялся вставать на час раньше нее и готовил им завтрак. И хотя Кара последние дни ничего тяжелого не делала, не таскала ведра воды из колодца и даже не охотилась, она чувствовала себя опустошенной, уставшей и разбитой на кусочки. Ее поломали, а обратно собрали неправильно.

Лэйн ушел – и в это не верилось, а дед еще не вернулся. Надо было навестить Карпа, проверить, серьезно ли тот заболел. Каре стало стыдно, что она не подумала об этом вчера. Но вчера она была другим человеком. Вчера Кара чувствовала себя не мормом.

Она сбежит, что бы там Лэйн ни говорил. Найдет свое счастье и никому никогда не позволит распоряжаться своей жизнью – ни мортам, ни альфарам, ни богам.

А попрощаться он мог и по-человечески, с досадой подумала девушка, понимая, что не в силах сопротивляться мыслям про Лэйна. Побег – вот, о чем нужно думать.

Кара и предположить не могла, что в следующий миг ни рыцарь Сантаны, ни подготовка побега ее беспокоить уже не будут.

От грохота разбившегося стекла она прыгнула с кровати и схватила табурет, готовая обороняться, но то был лишь камень, который прилетел со двора и упал на середину комнаты. Холодный пол обжег босые ступни, а глаза вцепились в клочок бумаги, который был привязан к камню. Крошки разбитого стекла сверкали на полу, похожие на кусочки льда и снега. Солнце уже встало, но ему, как всегда, было плевать на человеческие страсти. Кара могла бы поклясться, что слышала, как снаружи скрипел снег под чьим-то весом. Тот, кто бросил камень в ее окно, стремительно убежал, не желая, чтобы она его узнала.

Кара глядела на разбитое стекло на полу и остро чувствовала неизбежность перемен. Как в прошлом уже не будет. Никто раньше не посмел бы швырнуть камень в окно старика Ягара. Страх не было – лишь просыпающаяся ярость.

Записку, в которую был завернут камень, жгла пальцы и была коротка.

«Кара. Приходи к старой мельнице немедленно. Я забрал твои деньги, Карпа и твоих друзей».

По спине пробежал озноб, потому что эти слова мог написать только один человек. И до сих пор она убеждала себя, что он мертв, хотя интуиция подсказывала, что история, которую рассказал Ягар, сквозила дырами. Она ничего не знала про Асхара Ландэра, кроме того, что такой в болоте сам не утонет. Кто-то пытался его утопить и потерпел неудачу.

Сердце тревожно заняло при мысли о старике Ягаре. Слишком много они лгали друг другу в последнее время. Кара теперь ни в чем не была уверена. Может, дед и не видел никакого утопленника на болотах чарусы. Может, он отправился в лес не пить и не раненых охотников

проводить, а из-за чужаков, появившихся на его территории. В Тихом лесу бродили многие, но Ягар всегда называл лес своей землей

Ей придется пойти к старой мельнице Рольда хотя бы потому, что война уже началась, Кара же каким-то образом пропустила ее начало. Все Лэйн был виноват, хотя и она сама хороша. Нечего было голову терять.

Одежда, в которой она упала в родник, валялась в углу сырым комом, ожидая стирки. Ничего просохнуть не успело. Как назло, накануне весь свой небогатый гардероб Кара тоже решила перестирать, замочила в кадках в подвале, но закончить не успела – Лэйн постоянно отвлекал. В шкафу осталась парадная юбка – длинная, с богато вышитым подолом и клетчатými вставками, да такая же нарядная кофта из красной шерсти. Кара одевала костюм всего раз, чтобы порадовать старика, который ей подарил его на день рождения.

Делать нечего – Кара оделась в то, что нашла. В блеклом зимнем лесу, где отсутствовали краски, ее яркая одежда выглядела, как вызов всему миру.

Дорога много времени не заняла. Снежный наст устоялся, и на лыжах Кара добралась до деревни за полчаса. Она знала, что ее ждали, но не догадывалась, кто именно ее встретит.

– Мы хотели по-другому, но Асхар сказал, что по-хорошему ты не согласишься, – будто извиняясь, развел руками Филит.

– А как же морское училище? – охрипшим голосом спросила Кара, наглотавшаяся холодного воздуха во время бега по лесу.

– Все у него будет, – вмешалась Стафия, которая вышла встречать ее вместе с Филитом. – И у меня, и у тебя тоже. Если мы все сделаем правильно. Филит станет капитаном, но не в мире альфаров, а в свободной империи мортов.

– А ты себя женой Асхара представила, что ли? – не удержалась от яда Кара. – Я думала, что тебя только крупные рыбы интересуют. Не мелковат ли жених?

– Дура, – обозвала ее Стафия. – Ничего бы у нас не вышло. Это ты спишь с открытыми глазами, а нам Асхар все объяснил и показал. Не знаю, чем ты там в лесу занималась, но в последнюю неделю Орден поменял всех рыцарей, охранявших Стену. Плохо ты следила. А с новыми рыцарями не договориться, знакомых там нет. Восстание – вот наш путь.

– Пусть ей Асхар все объяснит, – перебил Стафию Филит. – Ты только лук отдай.

Кара сняла с плеча лук, вложила стрелу и направила ее Филиту в ногу. Разумеется, она пошла на встречу во всеоружии.

– Попробуешь отнять, и я выстрелю, – предупредила она. – Сам знаешь, что я часто мажу. Вдруг попаду в колено или выше. Поднимать восстание калеккой – точно не то, о чем ты мечтал.

Едва успела сказать, и в горле поднялся ком. Обида, злость, горе нахлынули одновременно. Дружбы не существует. Есть только слова лжецов. И Лэйн Гильяхор один из них.

– Наши деньги вы тоже Асхару отдали? Там есть и моя часть.

– Да пропусти ее уже, Фил, – махнула рукой Стафия. – Деньги пойдут на благое дело всех мортов – на нашу свободу. Если честно, лучше бы мы без тебя обошлись, но Асхар уверен, что у тебя какие-то там таланты.

Подруга, уже бывшая, хмыкнула.

– Сразу понятно, что он на твои глаза запал. Говорю же, что дура. Будь я на твоём месте, неженку бы из себя не строила. Тут такие возможности открываются.

Что там думала о ней Стафия, Кару уже не интересовало. Их дружба оборвалась так же внезапно, как и началась – прямо в тот зимний день. Не дослушав ее и оттолкнув Филита, который нерешительно протянул руку в сторону лука, Кара вошла в старую мельницу.

На ходу вспоминала советы Ягара: держать лук со стороны того глаза, что меньше в ходу. Натягивать со стороны того глаза, что больше в ходу. Тремя пальцами держать стрелу на тетиве. Поднимать и натягивать лук, тянуть тетиву до подбородка – все это махом.

Войдя в полутемное помещение, Кара так и сделала. Ноги поставила на ширине плеч, стрелу направила на ухмыляющуюся рожу Асхара, напрягла пальцы, целясь ему в горло. И замерла, встретившись взглядом с удивленными глазами Карпа, который сидел рядом с Асхаром во главе накрытого белой скатеркой стола.

От ароматных запахов жареного мяса, тушеных овощей и свежеспеченных сдобных булок голодный желудок скрутило в комок. Позавтракать она, конечно, не успела. Под высокой крышей мельницы царил уютная атмосфера. Дошатаый пол тщательно вымели и помыли, в центре помещения установили стол с яствами. За ним сидели семеро, не считая Асхара и Карпа. Среди пирующих Кара узнала многих молодых мортов, которые ходили со Стафией в школу. Иду, Домнику, а также Мола Кара знала лично, так как продавала им мед.

Старый боевой алтарь Кара не увидела, но ей и не нужно было на него смотреть. Она знала, где он находился – там, внизу, под дошатаым полом. Как знала, что его уже раскопали и «накормили». И от этого знания ее тошнило сильнее, чем от предательства тех, кого она считала друзьями.

Асхар улыбался, но глаза его оставались серьезными. Его черный сюртук из богатого бархата, расшитый серебряными нитями, больше подошел бы для похорон, однако, вспомнив о своем наряде, Кара замечание проглотила. Сегодня никто на себя похож не был.

– Подойди ко мне, Карп, – сказала она, не сводя глаз с горла Асхара. Стрелу она держала твердо. – Я отведу тебя домой.

– Ты зачем явилась? – серьезно произнес парень, и Каре захотелось его стукнуть. Когда не надо, Карп блистал остроумием, а сейчас корчил из себя идиота.

Словно зная, что она ему сейчас скажет, мальчишка бестолково затараторил:

– Я имею право бороться за свою жизнь. Все от меня отказались. И дед твой, и резальник из города, который сначала сказал «да», а потом «нет». Но я сам нашел, как себе помочь. Выход всегда был только один. Хорошо, что есть человек, который мне его показал. Я стану мормом.

– Поздно, Карп, – не сразу ответила Кара, растерявшись. – Мормом можно только родиться.

– А вот это спорный вопрос, – Асхар хлопнул в ладони и указал на свободный стул, который мог принадлежать Филиту, а мог быть приготовлен и для нее. – Сама сядешь или насильничать?

– В горло могу и не попасть, но стрелы у меня грязные, – сказала Кара, все еще держа его на прицеле. – Любое ранение причинит массу хлопот. А у тебя ведь столько дел. Вон какую паству собрал. Ты им объяснил, почему столько времени на меня тратишь, а не на них?

Кара не сразу осознала, что переступила невидимую черту. Почувствовав, что лук в руке дернулся, она крепче в него вцепилась, стараясь убедить себя, что по-прежнему держит на тетиве стрелу, а не клубок змей, но иллюзия была сильной. Кара решила змей игнорировать, однако последовал болезненный укус, и палец на тетиве стал распухать на глазах. Если это было внушением, то весьма успешным.

Асхару надоело первым, потому что сзади к Каре подъехал еще один стул, и ударив ее под колени, заставил плюхнуться, после чего уже вместе с ней заколдованный табурет подполз к столу, глубоко задвинувшись под столешницу. Кару буквально придавило, но не положение стула было тому причиной, а проклятая магия Асхара, а может, уже и других мортов, так как некоторые из них сидели с закрытыми глазами, неразборчиво бормоча шепотом.

Оглянувшись, Кара увидела клубок змей, валявшийся там, где лук выпал у нее из пальцев. Иллюзия не проходила. Встать со стула тоже не удалось. Ее будто клеем к сиденью приклеили. А когда она решила запустить в Асхара тяжелым блюдом с медовыми орешками, руки сами собой опустились на колени, где и замерли, будто ей больше не принадлежа.

– Все, что угодно, можно с тобой сейчас сделать, Кара, – сказал Асхар, наливая Карпу красного вина из графина. В воздухе разлился нежный аромат малины. – Принуждение всегда

неприятно. Ты могла бы оказать мне успешное сопротивление, если бы относилась к мортам – и к своей сущности – чуть с меньшей неприязнью. Будь моим гостем по-хорошему. По-плохому мы всегда успеем поговорить. Неужели тебе настолько не интересна магия? Иллюзию, – он кивнул на клубок змей вместо лука, – сотворить легко. Заставить тебя сесть было уже сложнее, но вчера мы принесли в жертву двух добровольцев, и алтарь щедро заплатил за угощение.

Пока он говорил, Кара почти убедила себя, что все присутствующие обкурились русалочьей травой, оттого бредили наяву. В воздухе, действительно, витал слабый запах трав, который попытались заглушить ароматными масляными лампами, расставленными по столу. Вероятно, у нее тоже начались галлюцинации. Впрочем, Кара знала куда идет и заранее проглотила шляпку оленьего гриба – универсальное противоядие. Она сюда пришла только ради Карпа, потому решила сосредоточиться на нем.

– Асхар тебя зарежет, – сказала она то, что шептала Тьма внутри нее, и заглянула в глаза парня. Проблеска разума она там не увидела. – Отпусти его, – Кара обращалась уже к Асхару. – А мы поговорим.

– Мы уже разговариваем, – улыбнулся морт и махнул бокалом в ее сторону. – Выпьешь?

– Ты хочешь видеть во мне ту, кем я не являюсь, – Кара попыталась взять себя в руки, зная, что никогда не была сильна в разговорах. Впрочем, сейчас было ради чего стараться. За себя она не боялась, а вот Карп от руки Асхара умереть не должен был.

Неужели лучше в кровати, после долгих мучений и агонии, прошептал насмешливый голос, и она поскорее прогнала Тьму из своей головы. Удалось не с первого раза.

– Во мне нет магии, я сейчас честно стараюсь оторвать тебе голову, – призналась она. – Мне не нравится сидеть на этом стуле в вашей убогой компании. Ты это знаешь, но упрямо продолжаешь ждать дождя во время зимы.

– Оттепели случаются, – улыбнулся Асхар. – Скажи, Кара, какие тебе снятся сны?

Вопрос застал врасплох, и она загнанно обернулась по сторонам. То ли все притворялись, что им не было никакого дела до ее беседы с Асхаром, то ли, действительно, настолько проголодались. Тарелки ломились от яств, молодые морты старательно жевали, глядя себе под нос.

– Разные, – выдавила она, решив, что в ее интересах продолжать разговор. Интуиция подсказывала: стоило потянуть время.

– А мне вот в последнее время снится Растерзатель, – торжественно объявил Асхар. – Про тебя много спрашивает. Фактически я передаю его просьбу. Ты обязана вспомнить, Кара. Вспомнить, что сделала.

Ее будто молнией прошибло. В голове сразу же пробудился образ темноволосой женщины, которая тоже намекала на какой-то ее поступок. Однако в отличие от сна Асхара незнакомка просила Кару не вспоминать. И даже обещала помочь.

Асхар, понятное дело, круглые сутки думал о Растерзателе, еще бы тот ему не снился. Тогда отчего ее ладони вспотели, а щеки вспыхнули, хотя из распахнутых дверей тянуло морозом?

– Интересные у тебя сны, – пробормотала она. – Наверное, спишь с открытым окном? Воздух тут точно свежее, чем в городе.

– В городе, – мрачно передразнил ее Эней. – Ты только о нем и думаешь. Не видать тебе Имаргона, Кара. Если ты нужна Растерзателю, значит, нужна и мне. В городе делать нечего. Я был там и знаю, как там относятся к мортам. Орден Сантаны, Гильдия, столичные дельцы, короли и королевы – на арене сейчас много игроков, все они заняты борьбой за власть, и это лучший момент, чтобы заявить о своих правах. Особенно, когда те, кто правят, уверены, что держат руку на твоём горле. Думаешь, это мы, морты, подняли восстание?

Вопрос казался риторическим, и Кара промолчала, стараясь не запутаться в незнакомых именах.

– Нас в это восстание пригласили, такова горькая правда. Торговая Гильдия и Орден Сантаны – вот, кто стоит во главе. Они наивно думают, что лишь дергают за нити, к которым когда-то привязали мортов. Орден рыцарей умирает и искренне надеется, что, подавив восстание, сумеет поднять свою загибающуюся репутацию. Ты удивишься, но именно Орден Сантаны платил за наши первые мятежи. Его рыцари, конечно, стараются, но следят, чтобы искры погасших очагов падали на благодатную почву, и чтобы пламя не погребло полностью. Восстание по сценарию – вот, чего ждет Орден Сантаны.

Асхар пригубил вина и снова предложил его Каре, которая лишь помотала головой. Она любила историю, но политику ненавидела. А ведь одно от другого было неотделимо.

– Есть еще один игрок, который нам помогает, – продолжил Асхар. – Это Свободная Торговая Гильдия Альфарского королевства. Купцы построили нам штаб-квартиру в Имаргоне и регулярно снабжают деньгами и оружием. У нас с ними взаимовыгодное сотрудничество. Как ты знаешь, только морт может отыскать боевой алтарь Растерзателя. Мы отдаем купцам клуатон, который является не более чем безделушкой. Когда-то этот камешек настолько понравилась Растерзателю, что он украсил им все алтари смерти. Взамен, Гильдия не мешает нам проводить наши ритуалы на Куполах.

Асхар притворно вздохнул.

– И Орден Сантаны, и Гильдия полагают, что используют бедных мортов в своих целях, и мы не мешаем им заблуждаться. В отличие от рыцарей купцы хотя бы искренне верят в нашу победу. По их сценарию, мы начнем побеждать, и тогда ордену понадобится поддержка. А так как регулярная армия занята войной с Кеджаром, поддержку будут просить у третьей силы, то есть, у Гильдии, которая располагает весьма приличным войском наемников. Есть еще один фактор, который волнует Гильдию. Торговые пошлины – вот, о чем мечтают альфарские купцы. Им очень важно, чтобы это право перешло от рыцарей к ним. В их сценарии почти все идеально. Морти поднимают восстание, громят Орден Сантаны, потом идут на Имаргон. Думаю, этот город тоже отдадут нам на растерзание, позволив подойти к стенам Ардора, чтобы окончательно напугать королеву. Не исключено, что в сражении против Ордена на нашей стороне будут тайно принимать участие наемники Гильдии. Города испугаются и согласятся на любые условия Гильдии лишь бы получить поддержку. Даже если они и захотят вернуть регулярную армию на континент, быстро это сделать не получится, так как большинство кораблей принадлежат Гильдии.

Асхар сделал многозначительную паузу, а потом поднял палец, акцентируя внимание. Вероятно, остальные морты уже слышали эту историю не раз, потому что продолжили предаваться обжорству. Кара не узнавала Стафию, которая всегда боялась съесть лишний кусочек мучного, чтобы не растолстеть. Сейчас же бывшая подруга не могла оторваться от сдобной булки – не первой по счету. Карп и вовсе погрузился в какой-то сон с открытыми глазами, перестав замечать все вокруг.

– Но один фактор все эти важные люди не учли, – торжественно продолжил Асхар. – Мы не собираемся проигрывать – ни Ордену, ни Гильдии. Хотя бы потому, что нас много. Купцы не рассчитывают, что к восстанию присоединятся морты из деревень-тюрем. В их глазах они простые работяги, которые и оружия держать в руках не умеют. Но альфары не учли одного. Боевые Купола наших предков способны пробудить в нас темную кровь и древнюю магию. И это лишь первая тайна. О второй я расскажу, когда буду уверен, что ты на нашей стороне. А сейчас ответь: кого ты выбираешь. Остаться в стороне не получится.

Страх тонким лезвием вонзился в грудь, но Кара постаралась дышать ровно, чтобы не дать Асхару ни малейшего повода насладиться ее волнением. Захотелось, чтобы Ягар оказался рядом, но дед, возможно, сам нуждался в помощи. То, что рассказывал Асхар, звучало нереально, но только потому, что Кара вдруг остро осознала, насколько глубоко жила в иллюзиях. Прав был Лэйн Гильяхор. Спокойной жизни в Имаргоне у нее не получится. Нужно бежать в

Тардар или даже куда подальше. Она не хотела выбирать ничью сторону. И ей нравился совет темноволосой женщины из своих снов – не вспоминать. Не думать о том, что сделала.

– И какую роль в восстании мортвов играешь ты? – спросила Кара, продолжая тянуть время. Может, и у Карпа оно тоже еще было.

– Я главный, – без ложной скромности ответил Асхар. – Или тебя что-то смущает?

– Раз ты главный, зачем сюда приехал? – следующий ее вопрос был уже готов. – Не ради же старого алтаря, каких, как я поняла, у вас много?

Асхар ответил не сразу, отпив из кубка и бросив на Карпа взгляд, который Каре не понравился. При свете масляных ламп лицо мальчика казалось хрупким, как чашка из тонкого фарфора.

– Здесь хорошие колдуны, – произнес он и обвел рукой сидящих, которые продолжали насыщаться. Их поведение казалось все более неестественным. – Хотел лично поблагодарить их за то, что они решили присоединиться к восстанию. А вторая причина это ты.

Асхар Ландэр уставился на нее темными глазами, и Кара поняла, что сейчас произойдет. Как поняла она и то, что ничего не могла изменить. Живот пронзила боль, будто в него вонзили острый кинжал, провернув его несколько раз.

– Нет, – помотала она головой, пытаясь пошевелить руками, которые продолжали лежать на коленях, не желая ее слушаться. – Не делай этого. Мы договоримся.

– Я еще ничего не сделал, – удивился он ее реакции. – Растерзатель сказал мне приехать в Овражий Гар, найти тебя и помочь вспомнить. Он считает, что ты уже начала вспоминать, нужно лишь подтолкнуть. Просьба Растерзателя – приказ, который я исполню даже ценой собственной жизни. Поэтому ты вспомнишь, Кара. Хочешь ты этого или нет. А когда вспомнишь, наша победа будет безоговорочной.

Его надо отвлечь, она должна что-нибудь придумать! Кара готова была вопить от беспомощности, потому что такого чувства еще не испытывала. В этом помещении по-прежнему пахло вкусной едой и морозным воздухом, но девушка уже слышала зловоние, которое поднималось из ямы за спиной Асхара. Там находился раскопанный боевой алтарь мортвов, и она слышала тихие, вкрадчивые шаги смерти, зовущий шепот, который будет преследовать жертву до последнего вздоха.

– Давай, Кара, вспоминай, – мрачно произнес Асхар, и его тон не обещал ничего хорошего.

Она вцепилась глазами в его руку с почерневшими пальцами, которую он поднял и держал над головой, словно желая ответить на уроке. В следующую секунду его пальцы резко сжались, а Карп, сидящий рядом, выпучил глаза и с хрипом схватился за горло.

– Спасай его! – закричал Асхар, перебивая ее крик. – Все в твоих силах. Ты должна вспомнить. И если смерть друга не поможет, значит, Растерзатель прав: вмешался кто-то еще. Но ты станешь моим мортвом, Кара. Великие дела вершатся через боль.

Кара почти оглохла от собственного крика, пока Асхар душил парня. Чего она только не делала – прокусила щеку до крови, бормотала заклинания, не понимая их смысла, но уверенная, что слова, которые должны были вызвать у врага агонию, верны. Просто звала на помощь, обращаясь к каждому за столом, а потом выкрикивая имена старейшин по очереди. Стафия, как и остальные, наконец, перестала жевать и глядела на посиневшего Карпа без всякого выражения на лице. Зато, когда девушка перевела взгляд на Асхара, в глазах ее загорелось ничем не скрытое восхищение. И немного зависти – она тоже так хотела.

Помощь не явилась. Карп умер, рухнув со стула, а Ландэр разочарованно опустил руку.

– Надо же, – грустно протянул он. – Не получилось.

Кара закашлялась, широко открыла рот, проталкивая воздух в охваченную спазмом глотку, и вдруг поняла, что шаги и вкрадчивый голос никуда не исчезли. Одной жертвы неви-

димой гостье по имени Смерть было мало. Кара распахнула глаза, вглядываясь в лицо каждого. Никто не обратил внимание на ее поведение, кроме Асхара, который насторожился.

– Что ты делаешь? – тревожно спросил он, но его голос растворился в шепоте, который заполнил голову Кары, не пуская в нее никакие другие звуки. Она лихорадочно металась по лицам, пока вдруг не остановилась на Домнике. Ей бы, конечно, хотелось, чтобы следующим стал Асхар, но, увы, очередь была не его.

– Ты, – прошептала Кара, глядя в лицо той, которая была виновата в том же, что и сама Кара – в бездействии, за которым последовало убийство. – Ты сейчас умрешь.

За столом грянул хохот, но Асхар не смеялся. Подскочив, он растерянно оглянулся по сторонам, однако все равно не догадался. Помощь для Кары и беда для него пришли неожиданно – снаружи мельницы, стены которой вдруг содрогнулись от мощного удара.

Водяная мельница оказалась дряхлым сооружением, так как давно не использовалась по назначению. А возможно, морты изначально строили ее лишь как прикрытие для Купола, не особо стараясь возвести прочную конструкцию. Зимние ветра строение выдерживало, и всем того хватало. Но то, что сейчас со всей дури врзалось в стену, отношения к природе не имело.

Первая отлетевшая доска прилетела прямо в голову Домники, вонзившись ей в череп вырванными из обшивки гвоздями. Молодая ведьма рухнула лицом в тарелку с недоеденным рагу с причудливым «украшением», торчащим из затылка.

Кара была в том состоянии, когда могла либо смеяться, либо плакать. Она выбрала первое и, указав подбородком в одного из незнакомых парней, произнесла, захлебываясь от хохота:

– Ты следующий!

Грохот стоял такой, что ее слов расслышал только Асхар, который метнулся было к ее стулу, но вдруг принялся отчаянно жестикулировать, отгоняя летящие в него обломки. Однако магические силы Ландэра были истрачены на убийство Карпа, и ему пришлось спастись бегством.

Парня, на которого указала Кара, раздавило балкой, прилетевший с крыши. Она все еще смеялась, но уже тише, страстно желая запить водой начинающуюся икоту. Вокруг царил хаос, но не Кара была в нем виновата. Как и к смертям Домники и второго несчастного она тоже была непричастна. Кара просто знала, что они умрут, и с этим знанием ничего поделать было нельзя. Она с ним родилась.

В образовавшийся пролом в стене мельницы забиралось что-то невероятное.

Глава 8

Сначала Кара решила, что это огромное чудовище, новый пыяр, разбуженный неосторожной магией мортов, но потом увидела строгие геометрические формы, деревянные стены, знакомое крыльцо

Она поморгала, крепко зажмурилась, затем широко открыла глаза от удивления – ошибки быть не могло. В мельницу только что проникла их с дедом изба, которая вдруг обрела разум и отрастила лапы. Несмотря на то что снаружи разгорался день, а крыша мельницы превратилась в решето, постепенно разрушаясь, Кара не сразу различила четыре конечности, на которые опиралась изба. Ноги толщиной с приличный дуб заканчивались копытами, которые шуршали соломой и трещали разбитыми досками.

Когда в голову Кары полетела рухнувшая потолочная балка, изба проворно наклонилась, в буквальном смысле заслонив ее своей крышей. По всем правилам кровля должна была проломиться под тяжелой стропилой, но нет, та успешно скатилась с взбесившегося дома, отдавив ногу какому-то марту.

– Я сейчас всех тут прибью за свою Кару! – закричала изба пьяным голосом Ягара, и это стало финалом представления.

Даже Каре показалась, что она бредит. Вокруг поднялась столбом пыль, не давая рассмотреть, что происходит, но теперь Кара отовсюду слышала этот пьяный голос, увы, знакомый. Дед-изба за кем-то гонялся, грозился раздавить и переломать кости, найти каждого и выпотрошить душу.

В конце концов Кара убедила себя, что надышалась той самой русалочьей травы, порошок которой мог быть добавлен в масляные лампы, и теперь вместе со всеми погрузилась в дурман. Понадобилась еще минута-другая, прежде чем она снова стала хозяйкой своих рук.

Это означало, что Асхар либо попал в беду, получив от деда, либо дал деру – в обоих случаях его магия перестала работать. Кара знала, что Карп мертв, но все равно поползла вдоль опрокинутого стола к месту, где видела парня последний раз. На бушующую избу она не смотрела. Ягар-дом гонялся за мортами уже во дворе мельницы. В воздухе стояла завеса непропицаемой пыли, гремело со всех сторон. Она вслепую шарила по обломкам, но нашла лишь основательно придавленное тело Домники.

Новый звук, раздавшийся, казалось, отовсюду, подсказал, что оставаться внутри больше нельзя, и Кара метнулась туда, где сквозь пыль просачивался свет нового дня. Выскочив наружу, она застыла, пораженная нелепой картиной, какая и в самом бредовом сне не могла присниться.

По берегу металась ожившая изба, все еще гоняясь за кем-то из заговорщиков, но внимание привлекал не безумный дом, а старейшины, появившиеся во дворе мельницы. Среди них выделялась огромная фигура Сорды – главной среди местных мортов, которая привлекала к себе внимание не только ростом и телосложением, но и странными движениями рук. Она хлопала, широко разводя руки в стороны и резко соединяя их впереди, но не касаясь ладонями друг друга. Другие старейшины стояли чуть поодаль и повторяли ее движения.

Едва Сорда соединила руки перед собой в первый раз, как дом-Ягар вздрогнул, остановился и буквально затрещал, потому что доски в стенах вогнулись внутрь, будто по ним кто-то хлопнул невидимым кулаком. С каждым ударом ладоней старейшин взбесившаяся изба подпрыгивала, сжималась, а потом вдруг стала кидаться в них досками, но обшивка стен к тому времени значительно прохудилась, да и запал пьяного деда тоже, видимо, проходил.

Чем закончилось противостояние Ягара со старейшинами, Кара не досмотрела, так как мельница рухнула. И хотя она отошла от входа на приличное расстояние, в нее что-то прилетело, потому что Кару подбросило в воздух, а приземлилась она уже на лед, ударившись голо-

вой. Холодная глыба промелькнула синевой перед глазами, сменившись Тьмой, которая поджидала Кару с того момента, как она, кажется, начала вспоминать.

Во Тьме она блуждала долго. Чувствовала, как тепло хлюпает под босыми ногами, а невидимые щупальца мрака пытаются схватить ее за волосы. Во снах у Кары всегда были длинные волосы, окутывающие, словно облако, в котором было легко прятаться от мира. Там, в небытии, казалось важным, чтобы ее не увидели те, кто по другую сторону, кто среди живых. Ее манило взглянуть наверх, но в темноте накрапывала колючая морось, пахнущая кровью, как и грязь у нее под ногами, поэтому Кара сопротивлялась зову, не желая испачкать лицо. Но желание поднять голову становилось все нестерпимее и, в конце концов, она поддалась ему, бросив вверх короткий взгляд и

Девушка заморгала от яркого света масляной лампы, бьющего прямо в глаза. Ее запрокинутая голова лежала на спинке мягкого стула, в уютных очертаниях которого покоилась сама Кара – руки расслаблено свисали вдоль подлокотников, ноги вытянуты вперед.

– Вот и хорошо, что очнулась! – раздался рядом добродушный голос Сорды. – Не весь же день валяться. Конфету хочешь?

Кара окончательно проморгалась, уставившись в побеленный потолок, где прямо над ней висело осиное гнездо. Она хорошо знала эти огромные жужжащие шары, так как дед периодически избавлялся от них в сарае.

Девушка сразу узнала, где находилась. Сорда всегда хорошо относилась к ней с дедом и иногда покупала у них мед. Как казалось Каре, та делала это из сострадания к Ягару, потому что сладостей в доме главной старейшины Овражьего Гара хватало. Обычно с Сордой общался сам дед, но и Каре довелось побывать в богатом жилище старейшины. Комната была убрана так же, как и пять лет назад: уютные коврики и занавески, стол с белой скатеркой, чашки с дымящимся чаем, вазочка с вареньем и конфетами. Сахар был табу только для обычных мортов, Сорда же без него, кажется, жить не могла. Кара подняла голову, чувствуя с каким скрипом ворочается шея. Потрогала шишку на лбу, оглядела себя, других ранений не заметила и с вопросом в глазах уставилась на Сорду.

– Дед твой там, – старейшина махнула рукой в сторону, показывая на проем одной из гостевых комнат. Дверь была распахнута, на кровати лежал беспамятный Ягар.

– Ему проспать надо, – пояснила Сорда. – И когда ж его только жэрэмэ заберет. Жду не дождусь, но, похоже, скорее я вместо него закончусь.

– Жэрэмэ? – переспросила Кара, подумав, что ослышалась.

– Жизнерушительная магия, – старейшина дернула плечом, словно сказала о чем-то грязном и лично ей неприятном. – Только опустившийся морт, вроде Ягара, может ее использовать. Не бери с него пример, девочка. Такие долго не живут, а в лесу тем более.

Она себе противоречила, потому что Ягар как раз считался долгожителем.

– А вы его там, на мельнице – Кара не сразу подобрала нужное слово, – тоже жэрэмэ?

– Скажешь тоже, – фыркнула Сорда. – Дешевое мясо жирного навара не даст. Здесь только Купол помог. Мы сильно рисковали, но выхода не было. Нужно было твоего старика как-то успокоить.

– Сегодня утром Асхар Ландэр убил подростка, Карпа из Тогола, – сказала Кара, глядя ей в глаза. – При мне это было.

– Вечно ты куда-то не туда забираешься, – пробурчала старейшина. – Мельница – место ритуальное, памятное, даже и не такие впечатлительные, как ты, разное там видят. Мы туда стараемся только по крайней необходимости ходить. Со старых алтарей вечно плесень расплзается, от которой дурман в голове. Что мы только с этой мельницей не делали. Плохо, когда над Куполом строение, в нем обязательно потом зараза всякая поселится.

Сорда несла чушь, но Кара уже поняла очевидное: старейшина была не на ее стороне.

– Карпа в город сегодня повезут, доктора ему нашли, – ласково произнесла женщина.
– Точно конфету не хочешь? Повезло тебе не быть сладкоежкой. Я вот совсем без сладкого не могу.

– Значит, все правда? – перебила ее Кара. – Наша черная магия, боевые алтари, человеческие жертвы? Если не жэрэмэ, как вы деда остановили?

– Эх, нет в тебе уважения к роду нашему, – с ворчанием ответила Сорда. – Я сразу поняла, что от вас с дедом только неприятности будут, потому и не разрешила в деревне селиться. А надо было, вообще, гнать. Алтарь мы всегда держим в рабочем состоянии – на всякий случай, да только Асхару приспичило его «накормить». Он еще молодой, дурной. Но друзья у него хорошие, щедрые.

Кара решила не уточнять, что значит «рабочее» состояние алтаря, и как именно морты его «кормили». Если бы Сорда хотела их с дедом убить, давно бы так сделала. А раз разговоры ведет, значит, есть шанс.

– Давайте вашу конфету, – сказала Кара, раздумывая, не спросить ли в лоб, что именно Сорда от нее хочет. Но с такими, как старейшина, «в лоб» было нельзя. И так понятно, что прежней жизни не будет. Хотя бы потому, что у них с дедом теперь нет дома. А у Кары еще и будущего – ведь побегу было не суждено состояться.

Решив, что неприятных вопросов больше не будет, Сорда с довольным видом подала ей сладость.

– У вас с Асхаром разногласия – протянула она. – У тебя вспыльчивый характер, у него тоже. Чуть пожар на мельнице не развели. Не знаю, что у вас друг к другу за интерес, но, к счастью, он у нас надолго не задержится. Его друзья в городе ждут.

– По справедливости выручку поделите? – спросила Кара, проглотив чашку чая и не зная, чем еще запить оглушающую сладость во рту. Конфета оказалась изготовленной из белой приторной массы, такой сладкой, что никакой другой вкус больше не ощущался.

– Ну, а как же, – прищурившись, ответила Сорда. – Все морты – братья и сестры, должны делиться друг с другом. Я ему отдала клуатон с алтаря, а он мне – двадцать процентов. Мы не жадные, хотя знаю, что Торговая Гильдия заплатит ему за этот клуатон в десять раз больше. Мельницу восстанавливать не будем, алтарю лучше, когда он под открытым небом. Ты впредь с Асхаром не связывайся. Друзья у него хорошие, но опасные. Да и сам он непредсказуемый. Если хочет секса, не вижу причин противиться. Он недурен, да еще и богат.

Кара кивнула, мол, спасибо за совет, радуясь, что сумела сохранить самообладание. Если бы Асхар хотел плотской любви, наверное, это было бы меньшим злом. Ведь она до сих пор не разобралась, что именно ему было нужно.

– И никакого восстания? – ровным голосом спросила Кара.

– Никакого, – Сорда посмотрела на нее с таким выражением, будто разговаривала с ребенком. – А теперь послушай меня, девочка. Стафия рассказала, что вы готовились бежать через Стену. Это нормально желание для молодого морта, но рискованное. Могли бы мне хотя бы намекнуть, что ли. Тех, кто не хочет оставаться в деревне, мы насильно не держим. Если мечтаешь о городе, я тебе помогу. И деда своего забирай. Как вы там устроитесь, уже не моя проблема. Завтра я жду почтовую карету. С ней вас и отправлю, и даже денег дам на первое время.

– А как же Орден, рыцари? – растерянно спросила Кара.

– Они за побег каждого морта получают неплохой доход, – вздохнула Сорда. – Но не переживай, взятки рыцарям – наши ежегодные расходы, все учтено. Мне, правда, дешевле отвезти вас с дедом в город, чем прогнать дальше в лес. Вы ведь все равно вернетесь, а ты и так сунула нос не в свои дела. Если захочешь, можешь потом вернуть мне долг. При условии, что выживешь в городе. Поверь мне, это сложнее, чем в лесу. Впрочем, многие наши там неплохо устраиваются.

Кара кивнула, все еще не веря своим ушам. Неужели все было с самого начала так просто? Надо было лишь попросить старейшину?

– Стафия с Филитом тоже хотели, – осторожно добавила девушка, боясь, что Сорда сейчас объявит, что пошутила. Но нет, старейшина говорила всерьез.

– Они с Асхаром уехали, за них не волнуйся. А теперь ступай, отдохни. В моем доме можешь чувствовать себя в безопасности. Завтра утром я отправлю вас в город.

– Завтра, – кивнула Кара, поднимаясь со стула и чувствуя, какими ватными стали у нее ноги. Как и Сорда, а может, даже больше, чем Сорда, она была мормом. Кажется, Кара начала принимать свою сущность.

Вранье, витавшее в воздухе, можно было резать ножом.

– Пойду посплю.

– Вот и правильно, а то на тебе лица нет.

– Можно еще вопрос? – спросила Кара, уже дойдя до двери и чувствуя, как слипаются глаза.

– Конечно, – старейшина глядела на нее добродушно, но в голосе звучало напряжение.

– Осиное гнездо, – Кара ткнула в потолок. – Зачем оно там?

Сорда едва заметно выдохнула. Явно ожидала вопроса с подвохом.

– Ах это, – старейшина даже рассмеялась. – Так от мух. Разве Ягар такие не делал? Осы – прекрасные хищницы, никого рядом с собой не терпят. Летом у меня на кухне ни оводов, ни мухоты. Сейчас в доме тепло, вот мои помощницы еще и не заснули.

Она с любовью посмотрела на слабо гудящее гнездо, Кара поежилась. Хорошо, что они больше не увидятся. Наверное, она бы выбрала мух.

Кивнув Сорде, Кара побрела в комнату, нарочито зевая и загребая ногами. Притворяться уставшей было не сложно, но Кара хотела убедить Сорду, что в ближайшие часы точно будет спать, не доставляя никаких хлопот. Сердце колотилось как бешеное, потому что впереди ждала сложная работа.

Гнилая доска гвоздя не держит, говорил Ягар, и Кара чувствовала, что опора под ногами ее и деда должна вот-вот рухнуть. Она, как всегда, спохватилась в последний момент, что до деда, то тараканы в его голове плодились без устали, рождая отменных особей. Помощник из него был бедовый. Спас ли он ей жизнь сегодня утром оставалось под вопросом, а вот проблем доставил с избытком. Зачем надо было разрушать их дом? Теперь вот приходилось идти на изворотливую ложь.

Речи Сорды о том, что она отправит Кару в город, были такими же сладкими, как и ее конфета. Приторными, ненастоящими. Кара не поверила ни в одно ее слово. Сорда дружила с Асхаром, который, вероятно, пострадал после вмешательства деда и сейчас где-то отлеживался. Старейшина же оставила Кару у себя «под присмотром». Утром с Карой и дедом разберутся по-мормовски. Из всех вероятных сценариев самым логичным был тот, что ими «накормят» алтарь. Сейчас они были живы только потому, что Асхар с ней разговор еще не закончил.

Невольно вспомнился рыцарь Лэйн и его неприязнь к мормам. Еще пару дней назад Кара и не подумала бы, что он мог быть прав – как и учебники альфаров, называющие мормов злодеями.

Войдя в комнату, Кара какое-то время глядела на деда, лежащего на единственной кушетке. Тахта, служащая кроватью, была широкой, но лечь рядом со стариком Кара побоялась. Помнила, как пару лет назад Ягар во сне расцарапал все белье, сражаясь с кошмаром. Она потом еще месяц ему простыни зашивала, так как других не было. К тому же, дед храпел и вонял.

Пододвинув стул к стене, Кара села, прислонила голову к шершавой поверхности и притворилась, что заснула. Труднее всего было изображать спящую, так как несмотря на утреннее беспмятство, бессонная ночь давала о себе знать. В голову лезли привычные кошмары, пре-

следующие ее во сне, но она старательно ловила каждый звук внутри дома и снаружи, цепляясь за реальность.

Наконец, послышался едва слышный щелчок и удаляющиеся шаги. Их заперли. Кара сняла обувь и, подкравшись босиком, попробовала открыть дверь, но догадка оказалась верной. Единственное окно комнаты выходило на задний двор с курятником, но за изгородью маячили головы – Сорда приставила к ней с дедом охрану.

Как легко старейшина продала клуатон из местного алтаря, так же легко она предала Ягара и Кару. При воспоминании о том, как Сорда отмахнулась от смерти Карпа, девушку передернуло. Впрочем, в безвыходность она не верила. В свое время дед много поработал над ее силой воли и твердостью характера. Для начала надо убежать туда, где она чувствовала бы себя в безопасности. В лесу оставалось еще много зимовок и временок, в которых можно было переждать непогоду. А буря над головой Кары и деда Ягара разыгралась нешуточная.

Старик говорил, что, прежде чем думать о привале, надо хотя бы дойти до реки, поэтому Кара приблизилась к глухой стене комнаты и, прислонив ухо, стала слушать. Секунды грохотали в голове вместе с ударами сердца, но она не торопилась. В первый раз важно все сделать правильно.

Женщина из кошмаров просила ее не вспоминать, тогда как Асхар, наоборот, хотел обратного. Вспомнить у Кары не получилось, но вот слово «жэрэмэ», вырвавшееся из уст Сорды, кое-что напомнило. Девушка даже не пыталась объяснить, откуда знает о нем столь много. До сих пор она неосознанно отгоняла и другую правду – именно Кара это слово и придумала. Но Кара другая – из прошлого.

Напрягать память не пришлось, она сама подсказала слова.

Если за магию алтарей морты платили кровью жертв, то за магию «жэрэме» плата взималась из собственной жизни. Обращаясь к жизнерушительной силе, морт сокращал свои года, дни и минуты.

Вся магия Растерзателя была нечистой, уродливой, гадкой. Кару затошнило уже от одного образа того, что требовалось сделать. Однако сколько бы дней, месяцев или годов ее жизни ни потребовало бы заклинание, отныне и навсегда она хотела сама управлять своей судьбой.

Асхар останется ее врагом, но Кара понимала, что никакое «жэрэме» не поможет ей отомстить за Карпа. А вот на то, чтобы проделать дыру в стене, «жэрэме» вполне подойдет. Она была уверена, что слышала снаружи храп лошадей. Логично, что конюшня должна была примыкать к птичнику и скотному двору, а кони у Сорды всегда были хорошие.

Встав над дедом, Кара задумалась, как его разбудить, но, к счастью, старик заворочался, подарив надежду, что тащить бесчувственное тело на себе не придется. Взяв кувшин с водой, любезно оставленный Сордой, она вылила его на старика, а в следующую секунду того вырвало. Кара даже не представляла, как может чувствовать себя человек после превращения в избу, но подозревала, что очень скверно. Выглядел Ягар именно таким образом.

По крайней мере, он избавил ее от одной проблемы: искать ингредиенты для заклинания больше не требовалось. Оторвав два куса простыни, один Кара намотала себе на лицо – из брезгливости, а другой обмакнула в то, что вышло из Ягара и, проклиная грязную магию мортов, принялась мазать ею по стене. Тьма, проснувшись в сердце, подсказывала, что нужно было изобразить что-то похожее на дверь. Для заклинания подходили любые нечистоты – и хотя бы эту проблему Ягар решил. Оставшийся ингредиент – кровь, Кара взяла из своей руки, расцарапав ладонь. Боли не почувствовала, ведь повреждения тела по сравнению с ранами души ничего не значили. Сбрызнув кровью проход, Кара проговорила нужные слова и ничего не случилось. В результате ее стараний на когда-то белой стене появились отвратительные каракули желто-буро-красного цвета, но стена оставалась стеной.

Девушка в нерешительности оглянулась на деда, который, оказывается, пришел в себя и молча наблюдал за ее действиями.

– Могла бы и меня попросить, – пробурчал он. – Мне ведь недолго осталось.

– Заткнись, – прервала его Кара, не особо стараясь быть вежливой. – Что дальше?

– Пойдем, – вздохнул дед и с кряхтением поднялся с кровати. – Помогу тебе.

– Сначала ответь. Это ты утопил Асхара в болоте?

– Пробовал утопить, но не вышло, – пожал плечами старик. – Я ведь сразу понял, что он по твою душу явился. В тебе спит сильная магия, девочка моя, и такие, как Асхар, чувствуют ее, как мухи мед. Думал успею отвезти охотников и вернуться пораньше, но меня задержали

Ягар отвел глаза, и Кара поняла, что именно его задержало – выпивка. Старик проводил раненых и решил, что успеет напиться и протрезветь. Завалился в какую-нибудь берлогу и выпал из жизни на несколько дней. Дед пил всегда в одиночестве и все, что под руку попадало. Теперь Кара знала, каким образом он превращал воду в спирт – то было его «жэрэме». Старик осознанно сокращал себе жизнь всеми способами. А мог бы о ней подумать. Впрочем, он все-таки подумал, ведь явился же Каре на выручку. Вот только пьяный мозг выбрал не самый лучший способ вызволения внучки из беды. Зачем было избу ломать?

Между тем, Ягар решительно шагнул в стену и, исчезнув наполовину, махнул ей, мол, поспеши.

Сделать первый шаг было нелегко, так как Кара до последнего была уверена, что расшибет себе лоб, но стена оказалась водой, правда, воняющей кровью и блевотиной. Второй шаг поставил ее ногу на замерзшую землю снаружи дома, позади же выросла стена, ничем не напоминающая ту податливую поверхность, которую она прошла секунду назад.

Ни слуг, ни охранников в конюшне не обнаружилось. Кара с дедом украли две лошади и умчались подальше от солнца, в ту сторону, где уже просыпалась луна, обещая светить их темным душам на любой дороге, какую бы они ни выбрали.

Глава 9

– Пересидим пару ночей в зимовке Медведя, – предложила Кара, – а потом решим.

Решать нужно было много чего, но прежде – восстановить силы. В Каре бурлила жажда мести, которую следовало успокоить. Наломать дров еще больше она всегда успеет. После убийства Карпа Асхар стал ее личным врагом, но для противостояния с ним у нее пока не было ни сил, ни ресурсов. Что до бывших друзей, то Кара не держала зла ни на Филита, ни на Стафию. Наверное, всегда интуитивно догадывалась, что их пути разойдутся еще до побега. Просто расставаться с иллюзиями всегда больно.

С лошадьми пришлось попрощаться, потому что внезапно заартачился дед.

– В лес с ними нельзя, – пропыхтел Ягар, останавливаясь на границе Тихого. – Да и нам лучше туда не соваться.

– А куда нам еще? – возмутилась уставшая Кара, но дед уже спешился и забрал у нее уздечку.

– Оставим коней у Вольта в сарае, он потом их вернет Сорде. Не знаю куда, но в Тихий сегодня идти нельзя.

Кара всплеснула руками и принялась спорить со стариком, но лишь потеряла время. Впрочем, она и сама чувствовала, что с лошадьми в лесу найти их будет проще, поэтому согласилась спрятать их в сарае старого пчеловода Вольта. А вот нежелание деда идти в лес было странным, ведь больше прятаться было негде.

– В лес нельзя, – заладил дед одно и то же. – Там дьяволы, громадные, как деревья.

В результате, Кара молча потащила его за собой. Дед сначала загребал землю носками сапог, но все-таки послушался и поплелся следом. У нее и самой дурных предчувствий хватало, но не прятаться же им по сараям?

Уж лучше лесные дьяволы Ягара, чем черная магия мортов, с которой она не хотела иметь ничего общего.

Тихий лес встретил их враждебно и настороженно. Она и не заметила, как наступили ранние сумерки. Впрочем, в той части леса, куда они направлялись, всегда царил полумрак, местами переходящий в кромешную тьму. Пахло сухими листьями и морозом.

Кара бросила настороженный взгляд на густые кроны деревьев, царапающих низкие тучи острыми ветками-рогами, потом задумчиво посмотрела на ворон. Они кружили над лесом, напоминая ключья сажи, взметнувшиеся с пепелища.

«Я не собираюсь тут оставаться, – прошептала она насупившимся лесным дьявкам. – Только пережду и вернусь к людям». Кара чувствовала, что лес не хочет ее пускать, однако выбора у нее давно не было.

Страшнее всего страх, у которого нет причины. Почему-то сегодня волоски на теле вставали дыбом при мысли, что светлая полоса леса, откуда они зашли в бурелом, скоро растворится во мраке, закрывшись подлеском и кустарником. Кара выросла в Тихом лесу и знала его, как собственную ладонь. Медведь уже заснул, копытные сюда не заходили, им нравились места повыше и посуше, а значит и встретить волков шансов мало. Что до тигра, то он зверь непредсказуемый, ему никто не закон – захочет, и в деревню придет. Тигр был молнией с неба. Можешь прятаться под высоким дубом, но, если судьбе угодно тебя поджарить, это случится.

Про пьюра Кара старалась не думать, потому что встретить еще одно легендарное чудовище за такой короткий срок – то стало бы уже издевательством судьбы.

Дед больше с ней не спорил и, вообще, не разговаривал, но хотя бы сам передвигал ноги, безразлично цепляясь за ее плечо.

Обычно лес ее успокаивал, однако сейчас в нем настораживало все, включая странную серебристую паутину, опутавшую облысевшие ветви. В этой части тайги даже зимой, когда

листва оказывалась на земле, небо закрывал древесный шатер, бросая непроницаемую тень на все, что под ним находилось.

Кара собиралась передохнуть в убежище, которое она когда-то устроила под корнями старой ели. Нижние ветки дерева устало стелились по укрытой хвоей земле. Один из корней когда-то обнял огромный камень, который со временем раскрошился, корень же форму не изменил, образовав под собой пещеру. Девушка была уверена, что ее займет медведь, однако прошла зима, потом вторая, и никто из косолапых на нору не позарился. Тогда Кара немного углубила пещеру, превратив ее в удобную землянку.

Она вздохнула морозный воздух и прищурилась, выискивая знакомую ель. В таких дебрях их точно никто не найдет. Странная паутина, опутавшая серые ветки и красные волчьи ягоды, сбивала с толку. Девушка намотала ее на палец, но, почувствовав тяжелый запах, напоминающий зловоние падали, тщательно вытерла руку о жилетку. От деда тоже несло, но Кара была уверена, что воняла именно паутина.

Она уже видела темнеющую макушку знакомой ели, когда интуиция или какая другая чуйка заставила ее замереть в паре шагов от колючего кустарника, за которым начинали вздыматься еловые корни, укрытые хвойными лапами. Колючки кусались больно, но кусты давно умерли по неизвестной причине, и лаз, который Кара в них проделала, сохранялся целым, не зарастая.

Как раз сейчас из этого лаза на нее смотрели две пары желтых глаз. Им нечего было отражать, но Кара была уверена, что видела тусклый блеск и мерцание в глазницах, не обещавших ничего хорошего. Во рту пересохло, а рука деда, лежавшая у нее на плече, показалась невыносимо тяжелой, почти каменной. Не могло быть здесь волков! И особенно в ее землянке им нечего было делать. Но тут ее взгляд случайно упал на тропу, которая скрывалась в темноте под этими золотистыми глазами, и Кара заметила три мертвых птицы и крысу, лежащую на спине, тоже не подающую признаков жизни. Более говорящих символов найти было сложно. Если их предупреждали, то буквально.

Что там дед болтал? Дьяволы в лесу?

– Один дьявол, – пробормотал Ягар, будто прочитав ее мысли. Подняв голову, которая до этого болталась у него на груди, он теперь тоже таранился на желтые глаза. Их обладатели пока не проявляли открытой враждебности, но и симпатии в них не наблюдалось.

– Отходим, пятимся, – прошептала Кара, не уверенная, сможет ли старый Ягар осуществить такой маневр на узкой тропе между зарослями волчегонника. Сделав шаг назад, она почувствовала сопротивление деда и зашипела:

– Одна из них точно волчица. Нашла мою берлогу и щенят навела. У меня с собой только нож.

Но старик всегда поступал по-своему.

Он протянул руку к ветке, и Кара даже не заметила, когда именно пламя вспыхнуло на его пальцах. Если у Асхара руки во время такого фокуса сразу почернели, кожа Ягара оставалась обычной, старческой, в морщинах, но без намека на сажу. Однако возле его пальцев колыхалось самое настоящее пламя, которое тут же переметнулось на ветку, жадно облизав ее сухую кору и сразу потянувшись к стволу.

– С ума сошел! – Кара даже волчицы бояться перестала, так как огонь мгновенно охватил дерево. – Мы же сами не выберемся.

Она боялась лишний раз огонь в лесу развести, чтобы не обидеть местных духов. Тревожить Тихий лес пламенем было настоящим безумием.

Но дальнейшие слова упрека застряли в горле, так как пламя осветило пролом в кустарнике и два волчьих черепа, чьи глазницы, уловив отблески огня, засветились сильнее. Кость черепушек не белела, как полагается материи, выбеленной солнцем и стихиями, она была серо-розовой, с царапинами, клочьями кожи и шерсти. Черепа волков буквально образом обгло-

дали, содрав с них все питательное, а после насадили глазницами на ветки, оставив в качестве намека или предупреждения.

Кара дернула деда, чье тело будто окаменело. Старик глядел не на волчьи черепа, а в темноту, скрывающуюся за ними. Рядом трещало охваченное пламенем дерево, плюясь брызгами искр, от которых вот-вот мог загореться весь лес, воздух дрожал от внезапного жара, но Кара была готова поклясться, что мрак там, где находилась ее землянка, шевелился, будто обретая плоть.

– Шига Нечистоплотная, – выдохнул Ягар и, наконец, очнулся. – Скорее дай мне ту крысу! И птицу тоже возьми.

– Что?

– Легче самому сделать, чем дурехе объяснять, – заворчал дед, направляясь к трупикам грызуна и птицы, но Кара уже поняла, что они вляпались и, схватив два тельца, сунула их старику в руки.

– Зачем они?

Ягар объяснять не стал. Бросил мертвых животных на землю и тут же взгромоздился на труп мыши, поставив на нее одну ногу, вторую же неловко устроив на мысок первой. Он тут же закачался и наверняка рухнул, если бы не плечо Кары. Поняв по его глазам, что она нежилец, если не поступит так же, Кара наступила одной ногой на тельце пичуги, стараясь не вслушиваться в треск хрупких косточек. Деда качало, будто бурелом на ветру, и чтобы не рухнуть с ним, ей пришлось уцепиться за волчягодник, который, похоже, был единственный на ее стороне – протянул ветку и даже не согнулся.

В ситуации нелепее она еще не оказывалась, но, когда мрак отделился от ели и, поглотив волчьи черепа, приблизился, Кара прикусила язык и вцепилась в волчягодник, молясь, чтобы дед ничего не перепутал. Если тельца мыши и птицы должны были стать их защитой от чудовища, которое сгущалось, обретая формы по мере приближения, Кара готова была так стоять хоть вечность. Потому что она даже не представляла, какое оружие могло одолеть тварь, бредущую на них.

Нечто высокое, метра два с половиной ростом, в саване из золотистой паутины, носило маленькую, но определенно тяжелую голову на длинной шее, которая гнулась в разные стороны под весом даже не головы, а, скорее, странной прически из черепов птиц и животных, нагроможденных друг на друга. Эта ничем не скрепленная пирамида будто жила собственной жизнью, потому что, казалось, что черепа крутятся в разные стороны, высматривая во тьме новых жертв. Сейчас ими стали Кара с дедом, так как все глазницы разом посмотрели на них, отчего в Каре проснулась необъяснимая тоска, будто нечто родное протянуло к ней руку из давно забытого мира детских сновидений. Правда, в данном случае – кошмаров.

Маленькое фарфоровое личико, прятавшееся под космами из той же золотой паутины, пугало неподвижностью, напоминая куклу, и Кара заподозрила, что с лицом человека оно не имело ничего общего. То было очередной маской, настоящие же глаза, нос и рот твари скрывались где-то под саваном или наверху среди костяной пирамиды. Что удерживало золотистый кокон в воздухе – ноги, лапы, копыта или что-то совсем невообразимое, было не разглядеть. Из-под савана вытекал поток густой грязи, которая в миг образовала небольшое болотце на месте, где тварь остановилась.

Ярившееся на дереве пламя привлекало ее внимание больше, чем Кара с дедом, замершие в нелепых позах, потому что в следующий миг создание потекло к горячей древесине, очевидно, нисколько не страшась огня. Волосы Кары давно бы вспыхнули от близости жара, но серебряная паутина кокона даже не расплавилась. Во тьме что-то сверкнуло, вылетев из савана, и горящее дерево развалилось, распиленное на аккуратные небольшие брусочки, опавшие фейерверком на землю, изрядно залитую грязью, которая продолжала сочиться из твари. Кара с ужасом заметила, что и ее сапог касается липкая жижа. Не нужно было обладать богатой фан-

тазией, чтобы представить, как разваливается на такие же части тело смельчака, осмелившегося встать на пути демонического создания.

Тем временем Шига, или как ее там назвал дед, нависла над кусками дерева, замерев посреди догорающих деревяшек.

– У нее там нож? – прошептала Кара, чувствуя, что стоять на одной ноге становится труднее из-за грязи, уровень которой уверенно поднимался.

– Можешь не шептать, – мрачно произнес дед. – Шига не видит и не слышит, но нас чувствует, она ведь из нижнего мира.

– Что это за тварь? Что нам делать?

– Как что? Умирать, глупенькая, – ответил старик, нехотая проявив свое дурацкое чувство юмора. – Ладно, сейчас что-нибудь придумаем. Она болото делает, видишь? Скоро затопит тут все к дьяволу.

– Ее можно убить? – Кара все равно шептала, не в силах избавиться от ощущения, что золотистый кокон сейчас поползет к ней.

Дед ответил не сразу, вертя по сторонам головой, но не найдя ничего интересного, посмотрел ей в глаза.

– Нет, она уже мертва, – честно признался он. – Ее можно успокоить, но для некромантии такого рода нужен боевой алтарь Растерзателя. И сам Растерзатель.

– Асхар Ландэр нашел алтарь мортов под водяной мельницей, – выдохнула Кара. Догадка была слишком очевидной. – Это он пробудил Шигу!

– Ничего этот олух не находил, Купол всегда там был, – отмахнулся дед. – Толку от этих алтарей, как от тебя сейчас. Не могут морты колдовать без Растерзателя, а его самого убили шестьсот лет назад.

Кара хотела было поспорить, что у Асхара получалось использовать силу Купола для колдовства, но время и место были не для споров.

– Но ведь это пыяр, верно? – скептически спросила Кара, наблюдая, как грязь заливают тропу. – Чудовище, порожденное древними мортами?

– Похоже, что так, – проворчал дед. – Только мы, морты, называем их немертвиями. А пыярами их зовет Орден Сантаны.

– Рыцари Сантаны в Тихом лесу бывают регулярно, думаешь, они не заметили бы такое? Эта Шига ведь в норе не прячется. А значит, она появилась здесь недавно. Ее сотворили морты из Овражьего Гара, используя силу боевого алтаря под мельницей. Или призвали с Лысой сопки. А ты говоришь, что современные морты колдовать не могут.

– Не могут, – уверенно покачал головой дед. – Тут какое-то другое объяснение. Твой Асхар Ландэр – дешевый циркач, не имеющий ничего общего с истинным слугой Растерзателя.

«Он не мой», – хотела огрызнуться Кара, но Ягар ее перебил.

– Неважно, откуда здесь появилась Шига, надо убраться отсюда поскорее, пока она не вымыла своей грязью мертвые косточки у нас из-под ног. Вот тогда мы и станем еще двумя черепушками у нее в прическе. Шиги Нечистоплотные создавались из человеческих грехов, а замешаны были на самовлюбленности и гордыне. Впрочем, что мне тебе объяснять. Давай к делу. Поройся в земле. Нам нужны любые мертвые насекомые. Тела млекопитающих подошли бы лучше, но где их тут взять. В общем, копай червей и жуков, дави их, бросай в эту жижу, по ним и будем отступать. Иначе никак.

– Может, она сама уйдет? – с надеждой спросила Кара. – Если не видит нас, то вдруг ей наскучит тут стоять.

– Раньше одна Шига могла затопить грязью целый город, – задумчиво произнес дед. – Некромант Растерзателя выбрасывал ее у ворот крепости, и она начинала ползать вокруг стен, заливая грязью ров. Ее нечистоты быстро высыхали под солнцем, создавая вал, направляющий грязь на городские улицы. Мы с тобой морты, потому не чувствуем зловония. Будь на нашем

месте человек, давно потерял бы сознание от одной вони. Шига отравляла собой все водоемы и источники, кромсая воинов, как это дерево. Эту тварь сотворить сложно, только Растерзатель и еще один некромант были способны на подобное колдовство. Я понятия не имею, что это такое стоит сейчас перед нами, но надеюсь, что это лишь жалкое подобие древней Шиги. Наклоняйся и ищи насекомых. Если я двинусь, то точно рухну.

Время утекало, как грязь у нее между пальцев, Ягар терпеливо ждал, Шига заинтересовалась было черепом волка, но он по какой-то причине не годился для ее прически, и кость вернулась на место. Кара разглядела, что внутри черепа прятался клочок серебристой паутины – он и создавал эффект, будто светилась глазница. Наконец, она показала деду пару дождевых червей, личинку жука навозника и гусеницу, когда-то мохнатую, но после купания в грязи ставшую такой же гладкой, как и червяк. Гусеница обожгла ей ладонь. Некоторые насекомые, уже впавшие в зимнюю спячку, слабо шевелились.

– Чего ждешь? – отчитал ее дед за медлительность. – Дави их и бросай на тропу. Надо убираться, пока другие немертвии не объявились.

– А могут быть и другие? – вытаращила глаза Кара. – Откуда?

– Не мне знать, но за Шигой часто гудзии следуют. Для защиты от них нужна плоть мертвеца – это как минимум. Мне не хотелось бы тебя убивать.

Кара решила не спрашивать, кто такие гудзии, и приступила к делу. Казалось, что червяки плюхаются в грязь оглушающе громко. От гусеницы на ладони остался волдырь, поэтому Кара наступила на нее первой, потом перешла на жука, уступив место деду. Ягар, хоть и вцепился в ее ладонь, но равновесие держал. Оставив деда стоять на жуке и гусенице, Кара вернулась за останками крысы и птички, чувствуя себя грязно и внутри, и снаружи.

Они удалились на пару метров, когда Шига вдруг засуетилась и принялась кружить по грязи, с каждым разом делая круг шире. Звериные черепа в ее прическе напряженно глядели в сторону Кары с дедом. Старик, идущий впереди, что-то почувствовал, оглянулся на Шигу, потом взглянул на внучку, уже не пряча страх.

– Ты забыла раздавить червяка, – бросил он, глядя расширенными от ужаса глазами на золотистый кокон, ползущий к ним. Кара была уверена, что Шига могла убить их и не меняя положения, но по какой-то причине той захотелось приблизиться.

– Я его на две части разорвала, – мрачно прошептала Кара.

– Так это ж червяк, – протянул дед таким тоном, словно сказал прописную истину, которую должны знать все. – Выжил. А нам конец.

Глава 10

Кара выхватила нож и принялась оглядываться по сторонам, решив, что она-то могла попытаться залезть повыше, например, на тот тополь, что чернел неподалеку, но как быть с дедом? Шига Нечистоплотная неумолимо наступала.

Между тем, Ягар уже все решил.

– Руку, – скомандовал он и, не дожидаясь ее реакции, схватил Кару за запястье.

От неожиданности девушка вскрикнула и едва не огрела старика рукоятью ножа по макушке, когда он укусил ее за ладонь, но дед тут же ее отпустил, впрочем, набрав полный рот ее крови. На миг Каре стало страшно, что она, оказывается, совсем ничего не знала о Ягаре. Ей даже подумалось, что он тоже пыяр, или немертвий, или еще какой демон, спрятавшийся под личиной ее деда, но тут старик надул щеки и со всей силы плюнул в Шигу, которая оказалась уже совсем рядом.

Кара помнила, что дед наполнял рот ее кровью, но вырвалась из него струя чего-то ярко-голубого – таких сочных цветов и в природе-то не было. Жидкость попала прямо в кукольное лицо Шиги, и, хотя Кара была уверена, что это лишь маска, тварь вдруг выпростала из кокона тонкие хитиновые лапки и, прижав их к белым щекам, принялась дико выть, растирая голубую жидкость по лицу. Казалось, о Каре с дедом она забыла.

– А теперь бежим! – рявкнул дед, да так властно, что Кара, приготовившаяся с ним ругаться, тут же повиновалась.

– Туда! – махнул старик, показывая на заросли волчегонника. – Давай без троп, напролом, у нас минут пять, потом ничего не поможет.

И они рванули сквозь кусты, причем дед обогнал Кару уже на полпути и даже дожидаться на стал, когда она поскользнулась и едва не рухнула в овраг, по краю которого они удирали от Шиги Нечистоплотной. Впрочем, равновесие удалось чудом восстановить, и Кара, едва ли не лопааясь от злости на деда, уже бежала во весь дух следом. Догнать его ей так и не удалось. Дед остановился только раз, когда она замерла на кромке леса, догадавшись, куда они направлялись. Ягар вел ее обратно в их хижину, туда, куда враги нагрянут в первую очередь.

– В дом, – махнул он ей, указывая на родную избу. – Я там все заговорил, давай быстрее.

И уже не проверяя, следует ли она за ним или раздумывает, дед чесанул к дому, да с такой скоростью, что Кара всерьез задумалась, сколько ему лет на самом деле. Может, он и не старик вовсе, а просто притворялся? Впрочем, выбора особого не было. Других убежищ в лесу у нее не осталось, а до зимовки было далеко – Шига нагонит быстрее.

Едва Кара забежала в дом, как дед захлопнул дверь и трижды плюнул на засов, прежде чем повернуться к ней.

– Дерьмо собачье, – выругалась Кара, плюхаясь на скамью. – Вот же чертяка!

– Сопли Растерзателя, харкните духи в королеву, что это было? – в тон ей ответил Ягар. Подойдя к шкафу, он взгромоздился на табурет и мрачно уставился на полку, где раньше стояла бутылка с маковой настойкой, которую Кара стащила, готовясь к побегу и спрятав в тайнике в лесу. В том самом, где поселилась Шига Нечистоплотная. В ответ на гневный взгляд деда девушка закатила глаза, сделала вид, что ни при чем и пошла возиться с печкой, так как горячего чая хотелось нестерпимо. Да и промыть на руке рану от грязи и дедовых слюней тоже не мешало бы.

– Ты меня укусил, – мрачно заявила она, решив напасть первой, пока Ягар не накинулся на нее с обвинениями. Маковая настойка считалась в их доме неприкосновенной собственностью Ягара.

– Здесь безопасно, – пробурчал он, отвечая своим мыслям. – Какого такого потного морта ты пошла на старую мельницу? Разве я не говорил держаться от Асхара Ландэра подальше?

– Нет, не говорил.

– А, точно, не говорил, – согласился дед, хлопнув себя по лбу. – Забыл.

– Ты его в болоте утопил, – напомнила Кара.

– Было дело, – признался Ягар. – Но не вышло. Самое безопасное место во всей округе – это дом старого Ягара. Знаешь, сколько сил я угробил, чтобы его заговорить? Не знаешь, потому что сейчас ты глупая и наглая девка.

– Сейчас? – уточнила Кара. – Но были моменты, когда я такой тебе не казалась?

Дед пожевал губами и перевел тему:

– За маковый настой еще получишь от меня, но позже. Шига к дому не пойдет, хозяина у нее нет, по ней сразу видно, вот она и топчется на одном месте. Не знаю, откуда эта немертвия взялась, да и не хочу знать. Хорошо, что мы только Шигу встретили, а вдруг бы на Пустотела наткнулись?

Каре много что хотелось спросить у деда, например, что он такого знал про Асхара Ландэра, что решил сразу его утопить, но боль в ладони напомнила о ране.

– Вот, – она протянула руку, – лечи.

– Само заживет, – прокряхтел дед и, опустившись на колени, полез под свою кровать. Скрылся в темноте, будто демон, затем показался весь в паутине, с бутылкой под мышкой. Кара закатила глаза.

– Укусил я тебя потому, что моя старая кровь для того заклинания не годилась, – дед точно был законченным алкоголиком, потому что от прикосновения к записке у него даже лицо просветлело. – Садись со мной, выпьем. Потом же не свидимся. Сама знаешь, помру я на днях.

Кара скептически посмотрела на старика, который после бега по лесу даже за спину не хватался, тогда как она до сих пор в себя прийти не могла. Не верилось как-то в эту его смерть.

Хмыкнув, она плеснула теплой воды в таз, бросила пригоршню сушеных листьев лопуха, крапивы и подорожника, опустила в раствор раненую руку, шипя сквозь зубы. Кара поежилась, вспомнив Шигу. Ни за что в жизни она не хотела бы больше встретиться с такой тварью.

– Смотрю, не понравилась тебе Шига? – хмыкнул дед, опрокидывая уже второй стакан. Кара потянула носом – в воздухе пахло спиртом и смородиной. – А раньше пришла бы в восторг.

– Ты о чем? – буркнула Кара, перевязывая себе руку. – Надо бы деревенских предупредить. Утром кто-нибудь может на охоту пойти.

А сама подумала, что еще пару часов назад эти «деревенские» могли, не задумываясь, зарезать их на алтаре. Мир поменялся, и все в нем теперь было с ног на голову.

– Скажу им потом, – пообещал Ягар. – Как только ты свалишь отсюда.

– Так ты знал о побеге?

Дед хмыкнул.

– Я твой мешок с сухарями еще летом нашел. Одно время хотел тебя к охотникам в дальние леса отослать, да потом вспомнил, какое это гиблое дело – тебе перечить.

«Как и тебе», – хотела было ответить Кара, но вслух сказала:

– Я тебя здесь одного надолго не оставляю. И мне налей.

Дед скептически поглядел на стакан, который она ему протянула, отодвинул его, и достав из кармана рюмку, плеснул на доньшко. Рюмка подъехала к Каре, оглушив ее ароматом сухих августовских трав. А ведь секунду назад ей казалось, что пахло смородиной.

– За твою человеческую жизнь, – сказал дед и присосался к горлышку.

Тост Каре не понравился, поэтому она произнесла свой:

– За свободу!

Опрокинув в рот те капли, что он ей налил, Кара не сразу поняла, что глотнула жидкого огня. Выпучив глаза, она закашлялась, уверенная, что вслед за слюной и соплями на пол полетят ошметки легких, но, видя, как зашелся в хохоте старик, бросилась к чайнику и припала

к носику, заливая водой ярящееся внутри пламя. Получилось только хуже, потому что огонь взметнулся к горлу, и ее все-таки вырвало.

– Пить тоже не умеешь, – разочарованно протянул дед. – Еще налить?

– Нет! – прохрипела Кара, запихивая в себя краюху хлеба.

Следующие несколько минут они провели в молчании. Старик пил прямо из бутылки, а Кара тушила пламя, бушевавшее в животе, кусками полупрожеванного хлеба. Наконец, к ней вернулись дыхание и способность говорить.

– Мы собирались подкупить одного из рыцарей, что дежурил на Стене, – разочарованно протянула Кара, понимая, что говорит о прошлом, а будущее скрылось в тумане. – Карпа теперь нет, денег на взятку тоже, и друзья мои уже не друзья.

– Мальчишке светлого пути на небесах желаю, – сказал Ягар и, подняв стакан, залпом выпил. – Дорогу в город через Стену знаю, провожу тебя. Но сейчас не будем об этом, позже. Надо переждать.

– А раньше не мог сказать? – вспылила Кара.

– Не мог. Но собирался. Думал вас перед самым побегом «осчастливить».

Странно все это звучало из уст деда, но Кара решила не усложнять то, что и так уже было сложно. Если бы дед заявил о том, что знал другой путь, перед побегом, она, скорее всего, ему не поверила бы. Но прошлое осталось в прошлом, а сейчас ей хотелось поверить в будущее.

– Это ведь наш дом был там, у мельницы? – спросила Кара, решив сменить тему. По лицу старика было видно, что о побеге он сейчас говорить не станет.

– Откуда ты взял силу для магии? Использовал алтарь? Или, как ее, «жэрэмэ»?

– У Сорды всегда был слишком длинный язык, – поморщился дед. – Любой морт от рождения владеет жизнерушительной магией. Для нее не нужны боевые алтари Растерзателя. Достаточно того, что наши предки присягнули ему, поклявшись служить и после смерти. Это плохая магия, никогда больше не используй ее. Орден Сантаны сделал многое, чтобы морты о ней забыли, потому что перед «жэрэмэ» рыцари бессильны. С другой стороны, не каждый морт решится на жизнерушительную силу. Даже если этот морт хочет поднять восстание и обрести власть над миром, как в былые времена, он постарается завладеть боевым куполом, чем прибегнуть к жизнерушению.

– А что с ней не так? С этой магией? – спросила и поняла, что знала ответ. Но Каре хотелось услышать его от деда.

– Когда ты научишься слушать? – недовольно пробурчал Ягар. – Правильно говорят: «Лучше с умным воевать, чем с дураком пировать». Слово «жизнерушительная» тебе о чем-нибудь говорит? Тот, кто использует этот дар Растерзателя, вычитает из своей жизни месяцы, годы, а иногда и десятилетия. Можно всего раз использовать жизнерушительную силу, а завтра уже не проснуться. Никто не знает, сколько в нем жизни. Поэтому, если не боишься смерти, можешь колдовать «жизнерушительно».

У Кары даже в горле пересохло.

– Дед, – наконец, произнесла она после долгого молчания. – Скажи мне честно. А ты Растерзателя видел?

– В кошмарах, что ли? – хмыкнул Ягар, но почему-то тепло улыбнулся, словно Кара затронула какую-то очень приятную для него тему. – Я видел иглы санкрестия, которые вонзились мне в голову. Что было до них – все во мраке.

– Откуда в лесу взялась эта Шига? – снова перевела тему Кара, решив отвлечь деда от воспоминаний о пытках, которым его когда-то подвергли рыцари Ордена. – Ты уверен, что молодые морты не могли ее вызвать?

– Вот же заладила одно и то же! – дед в сердцах хлопнул ладонью по столу. – Не могли! Нет в нынешних алтарях такой силы. Даже если они всю нижнюю деревню перережут и кровью

Купол зальют – толку не будет. Я думаю, что тварь откуда-то спугнули, вот она к нам и пришла, мигрируя, как тигр или медведь.

– Хочешь сказать, что Шига еще со времен войны по земле ползает? Ведь всех же убили?

– Оставшись без хозяев, немертвии разбрелись кто куда. Некоторые и на север, в Тардар, уползли, а там власти Ордена нет. Тардар, конечно, выдал мортов, а вот отлавливать по лесам пьяров никто не стал, и рыцарей к себе они тоже не пустили. В Тардаре свой мрак, свои законы. Если куда и бежать от власти альфаров, то это к северянам. Вот там точно новая жизнь. Тебе туда надо.

– Мне и в Имаргоне хорошо будет, – сказала Кара и неожиданно зажмурилась от удовольствия. Дедово пойло на нее все-таки подействовало. Мечтать стало в разы приятнее. Даже усилий не требовалось, чтобы представить, какой радужной у нее станет жизнь в городе.

– Как же этих немертвий все-таки убивали? – задумчиво протянула она. А сама подумала о Синеглазке, которая, разумеется, тоже была немертвием или пьяром.

– Санкристием, конечно, – вздохнул дед, Кара же подумала, что Синеглазка санкристия не больно-то испугалась. Тот пьяр сдох от чего-то другого. И она до сих пор старалась долго об этом не думать.

– Что такого в этом санкристии?

Странно, что раньше она об этом не задумывалась. Будто то были очевидные вещи, о которых не говорят. Дед ответил не сразу, с трудом оторвавшись от горлышка.

– А пес его знает, – пожал он плечами. – Все забыл. Помню, что больше таких кинжалов не делают. Все, что есть у рыцарей сегодня – из запасов, оставшихся со времен войны. Но говорят, этих запасов столько, что хватит вооружить каждого жителя империи, включая младенцев. Сантана постарался на века. Болтают, что это добро хранится в подвалах Ордена и далеко не всегда используется. Рыцарей-то сегодня мало.

Кара слушала очень внимательно. Никогда раньше дед не говорил столько слов одновременно. И тем более – про мортов. Ягара либо пробрала настойка, либо ностальгия по прошлому. Или то и другое одновременно, потому что он разоткровенничался.

– Мы, морты, уже шестьсот лет морочим голову Ордену с нашими алтарями. То было нелегко, но нам удалось их обмануть, чтобы закрытые деревни-тюрьмы изначально строились вокруг Куполов. Да, алтари разрушены, зарыты в землю и лишены своей мощи, но для кое-какого колдовства еще годятся. Орден Сантаны до сих пор считает, что мы используем клуатон, когда колдуем. Много мортов отдали свои жизни, чтобы рыцари сейчас так думали. По сути, я рассказываю тебе самую главную нашу тайну. Кровь Растерзателя – вот, что делает алтарь смерти алтарем смерти. Растерзатель помечал своей кровью каждый боевой купол, который строил, клуатон же – этот древний камешек, упавший с небес, служил не более чем украшением. Герой альфаров – тот самый Сантана, сообразил насчет наших алтарей, потому что постарался уничтожить кровь Растерзателя с каждого купола. Но кое-что все-таки осталось, и даже спустя шестьсот лет этих крох хватает, чтобы творить слабое подобие былой магии. Поэтому Асхар и не мог вызвать Шигу. Жизнерушительная магия может напугать или отвлечь врага, превратить масло в вино, но никак не вызвать немертвия. Для такого колдовства всегда использовались боевые куполы, причем новые. Ты понимаешь, о чем я?

Кара отрицательно покачала головой, дед же горестно вздохнул.

– Все эти повстанцы, вроде Асхара, такие же, как сегодняшние рыцари Сантаны. Первые могут пукнуть огнем, вторые – порезать их санкристием. Ни о какой новой войне и свободе речи быть не может. Я предупреждал, чтобы ко мне не совались. И чтобы тебя не трогали. Сорда, старейшины – все они знали. Как думаешь, если бы Асхар Ландэр владел магией мортов и использовал силу куполов, мог бы я утопить его в болоте? Одно не учел старый дурак. У молодого дурня оказалось много денег и хорошие связи, старейшины его быстро нашли и

вытащили. Если бы Асхар дня три в чарусе пролежал, никакая магия его оттуда уже не подняла бы.

– Так он мертв? – уточнила Кара, стараясь не выдать голосом бушевавшие в ней эмоции. Ярость, гнев, месть накрывали с головой, не оставляя места хладнокровным решениям.

– Ну, как сказать – дед пожал плечами. – Мы, морты, все немного от живых отличаемся. Вот что, Кара. Да, я не твой родной дед, и ты это всегда знала, но я тебя полюбил, хотя мне плевать, веришь ты мне или нет. Это мое эгоистичное чувство любви. Когда попадешь в Имаргон, в городе не оставайся. Тебе нужно уехать из Альфарской империи. В Кеджаре война, да и мортов там не любят, а вот Тардар – самое то. В их города не суйся, осядь в деревне и начни новую жизнь. Ты кое-что смыслишь в знахарстве, такие люди везде нужны. Пообещай, что хотя бы об этом подумаешь. Морты рано или поздно поднимут восстание, но, если ты откажешься к ним присоединиться, а я знаю, что ты откажешься, тебя убьют. Ты должна пожить, Кара, слышишь? Иначе все будет напрасно.

Она только начинала его понимать, как дед снова все запутал.

– Обещаю подумать, – Кара положила ладонь на его заскорузлую руку. – Я не останусь в Имаргоне. Мы вместе сбежим в Тардар. Но мне нужна правда. Как я родилась?

– Если ты про мое прошлое, то да, я когда-то был Красным Вороном, – прокричал старик. – То, что тебе рассказали про тот ритуал, когда мы хотели вызвать Растерзателя, – все правда. Но про твою мать, честно, ничего не знаю. Я ее впервые увидел там, на алтаре. Не оправдываюсь, но лично я ее не убивал, хотя, наверное, мог спасти. Ты такая же красивая, как она.

Никто раньше не называл Кару красивой.

– Дед, – позвала она, чувствуя, что больше такого разговора у них не будет.

Он долго не отвечал, но, в конце концов, проворчал:

– Чего тебе?

– Я помню заклинания, – прошептала Кара. – Ту книгу, что ты разорвал в нужнике, я знаю ее наизусть. И не только ее. Но там, на мельнице у боевого Купола я не смогла защитить Карпа, не смогла противостоять Асхару. Что со мной не так? Повстанцы считают, что я дочь Растерзателя, потому что родилась во время того ритуала. Почему тогда я не могу колдовать?

– А ты хочешь? – пылливо спросил дед. – Я спрашиваю не про желание защитить Карпа, а про тягу к магии, вообще. Ты мечтаешь о магии мортов?

– Нет, – быстро и искренне ответила Кара. – Но я жалею, что ты не смог убить Асхара на болотах. И что я не смогла прострелить ему глотку на мельнице.

– Помнишь нашу песню?

– «У моего племени нет себя, у моего племени нет меня, – прошептала Кара слова, которые дед пел ей вместо колыбельной. – Наши реки темны от грязи, а вода не показывает больше, что лежит на дне».

– Верно, – вздохнул Ягар. – Тебе ведь не нравится то, что ты вспоминаешь? Все эти заклинания, обрывки образов, которые потом превращаются в кошмары. Чтобы ты ни вспомнила, Кара, знай одно. Сейчас ты хороший человек. Им и оставайся. Главное держись подальше от мортов. Завтра мы отправимся на дальнюю зимовку, где останемся на пару недель. Надо завершить твоё обучение. Ты умная девочка, и так уже много знаешь. Из тебя выйдет хорошая знахарка. А потом, под новый год, мы расстанемся. Я с тобой отправиться не смогу. Во многих альфарских городах меня хорошо знают. Я был Красным Вороном недолго, но след оставил.

– Я заберу тебя, обещаю.

– Ха, – хмыкнул Ягар. – Давно хочу задать тебе один вопрос, но, если не ответишь, не обижусь. Только ответ ищи в глубине себя, он должен быть честным.

Кара напряглась, не желая продолжать разговор.

– Я скоро умру? – спросил старик, пылливо глядя ей в лицо.

Кара сглотнула, чувствуя, как в глотке мгновенно пересохло.

Неожиданно вспомнилось, как она почувствовала смерть человека там, на мельнице Всего за минуту, но то была даже не интуиция, а настоящая уверенность.

Дед, конечно, не вечный, все умирают, но дело было не в расставании с близким человеком. Босые ступни Кары, мерзшие на холодном полу, вдруг почувствовали тепло, разливающееся по всему телу, будто прилив на большую луну. Тепло нарастало, превращаясь в жар, открытый огонь которого мгновенно вспыхнул до самого неба. Ложь была правдой, а правда – чем-то невидимым и ускользающим. Кару тошнило от правды.

– Да, – прохрипела она, понимая, что солгать не сможет. – Тебя убьют.

– Страшно, – признался Ягар. – Думал, что готов, столько раз ведь ждал, но нет – все равно неожиданно. Ты всегда будешь идти двумя дорогами, девочка. Одна – человеческая, но второй твой путь – мортовский, и от него не убежать. Не знаю, как долго продержишься, но уж попытайся. Предателям редко дают второй шанс. Я умру завтра?

– Нет, – солгала Кара, молча глотая слезы.

– Значит, послезавтра, – кивнул своим мыслям старик. – Иди спать. Мне еще нужно многое успеть сделать.

«Тебе нужно успеть побыть со мной», – хотела сказать ему Кара, но все, что она услышала сейчас, говорило об одном: расставания, как обычно бывают у близких людей, у них не будет. На языке вертелся вопрос про предателя, но она его проглотила. Дед тщательно хранил свои секреты.

– Я не готова, – прошептала Кара ему вслед.

– Приправь травой забвения свой хлеб, старого колдуна провожая, – пропел Ягар и принялся бормотать неразборчивое под нос, вычеркнув Кару из беседы. И вероятно, из своей жизни.

Глава 11

Ночью Кара проснулась. Тьма съела луну, окна зияли чернотой, будто глаза скелета, по лесу гулял ветер, скрипя замерзшими ветками и стволами. Но Шиги снаружи не было – Кара ее не чувствовала. И хотя накануне она заснула сразу, разбудила ее тревога, вызванная минувшими событиями и разговором с дедом. Хотелось все обдумать и понять, но ждать ясных ответов – все равно, что пытаться разглядеть луну сквозь плотные тучи.

А ведь еще недавно жизнь казалась спланированной и предсказуемой. Побег из леса, Имаргон, новая жизнь, новые люди. Именно люди, потому что мортами Кара была сыта по горло. За последние дни она успела узнать о сородичах достаточно, чтобы мечтать не иметь с ними ничего общего. Если дед сдержит обещание и поможет ей сбежать в город, первым делом Кара поменяет цвет волос и кожи. Черную смоль в волосах обесцветит сок муравьиного дерева, а белизну кожи можно скрыть косметикой. Кара не хотела быть мортам. И прошлое деда ее тоже не касалось. Она отправится с ним на дальнюю зимовку, чтобы завершить обучение и стать знахарем, но это будут последние две недели, которые она проведет в лесу. Каре казалось, что чем дольше она находилась среди черных стволов, пораженных зимой, тем больше заражалась сама – мраком, стужей и вековым злом. Дед ее дождется. Что касалось их вчерашнего разговора про его смерть, то в нем виновата смородиновая настойка. А сам Ягар, конечно, будет жить долго.

Планы – это хорошо. Они означали будущее.

Понимая, что уже не заснет, Кара решила скоротать ночь там, куда, вероятно, больше не вернется. Безрассудно было шараться во тьме по лесу, но события последних дней отключили чувство безопасности в ее голове. Смерть присутствовала в жизни Кары и раньше – у деда в подвале умирали раненные охотники, она сама охотилась и убивала дичь, которая служила ей пищей, но, когда Асхар на ее глазах убил молодого Карпа, что-то в Каре надломилось. Будто сломали замок на двери, которую не следовало открывать. Не было страха перед тигром или медведем, не страшили больше пияры. Она поверит, что все страшное осталось позади.

То, конечно, было ложным чувством, но, натянув дедов тулуп и сапоги, Кара довольно быстро добралась до теплого родника, где в последний раз виделась с Лэйном. И хотя в последние дни произошло много чего, рыцарь Ордена Сантаны прочно поселился в ее голове.

Наверное, потому она и не удивилась, увидев его на берегу.

– Это я камешек в твоё окно бросил, прости, что разбудил, – сказал он, придерживая коня, которому не нравился ни лес, ни ночь. Шершень выглядел бодрым и ухоженным. И не скажешь, что пару недель назад он валялся у Лысой сопки со вспоротым брюхом. А вот рыцарь выглядел уставшим – словно и не спал с тех пор, как они расстались на этом же месте. Под глазами залегли круги, а скулы заострились.

Кара не помнила, чтобы ее будил стук камня, брошенного в окно, но задумываться об их странной встрече не стала. Несмотря ни на что Лэйн вызывал приятные воспоминания, и Кара не сдержала улыбки. Тепло было на него смотреть. Словно Лэйн впитал силу ручья и теперь отгонял от себя зиму. Или был тем самым солнцем, каким считались рыцари Ордена Сантаны. Помня, какими холодными были его руки, Кара с трудом заставила себя остаться на месте. А так хотелось сжать его ладони, чтобы убедиться, что с Лэйном все в порядке.

Уже по его взгляду и по тому, что он ждал ее посреди ночи у ручья, можно было догадаться, что все совсем не в порядке. Не с ним, не с конем и не с ней – это уж точно.

– Привет, – с трудом придумала, что сказать, Кара.

Сделать бы два шага, подойти ближе, почувствовать его рядом. Она ни за что не призналась бы себе в том, что хотела вновь оказаться с ним в том ручье, что плескался у их ног. Кара

чувствовала пар, которым исходила вода, но представить, как теплые струи обнимают его и ее, то казалось уже невозможным.

Наверное, он здесь из-за Шиги, подумалось ей. Кто-то из рыцарей заметил тварь со Стены, вот Лэйн и пришел меня предупредить.

– Я пришел тебя предупредить, – сказал Лэйн, и Кара зарделась, потупившись в землю. Хорошо, что была ночь, и что он не видел ее алеющих щек. Хорошо, что он пришел ее пови-
дать. Плохо, что их пути разойдутся сегодня. Плохо, что он был рыцарем Сантаны, а она –
проклятым мортом. Плохо, что ее дед участвовал в ритуале, когда убили родителей Лэйна.
Кара прожила относительно недолго, но уже знала, что прошлое не даст о себе забыть. Как ни
крути, но «плохого» было больше, чем «хорошего».

Лэйн оставил уздечку Шершня, которую до этого нервно теребил в пальцах, и тоже сделал шаг ей навстречу. Еще полшажочка с ее и с его стороны, и они столкнулись бы носами. Если бы кто-нибудь протянул руку, если бы

– Завтра в полдень в Тихом лесу будет облава, – сказал Лэйн, разрушив момент. Они не шагнули навстречу друг к другу, потому что между мортом и рыцарем Сантаны всегда будет лежать прошлое, залитое кровью их предков.

– Почти весь наш гарнизон отправляют прочесывать окрестности вплоть до Лысой сопки. Будем искать повстанцев и тех, кто их прикрывают. Не знаю, что у тебя за враги, Кара, но нам сказали искать хижину, где живет одинокий старик-травник с внучкой. У нее черные, длинные косы, большие глаза, белая кожа. Среди мортов много девушек с такой внешностью, но я-то знаю, о ком речь. Ты перешла кому-то дорогу, Кара. Кому-то опасному.

– А ты, значит, не веришь, что я прикрываю повстанцев? – прошептала она, чувствуя разочарование от того, что Лэйн пришел лишь потому, что терзался чувством долга. Дед с Карой спасли ему жизнь, и он хотел расплатиться с ними, как умел.

– Я это знаю, – твердо произнес рыцарь, – но ношу лишь Зеленый плащ, и даже будь я статусом выше – с Алым плащом, меня бы не послушали. Тебе и деду нужно бежать, причем немедленно.

«Мы и так собирались уходить», – хотела сказать Кара, но придержала язык. Пусть Лэйн и предупреждал ее из лучших побуждений, откровенничать с ним не стоило. Тем более рассказывать про дальнюю зимнюю зимовку. Какие же длинные руки оказались у Асхара Ландэра. Или у его союзников, которым он, вероятно, пожаловался.

– Знаю, времени осталось мало, – стал оправдываться Лэйн, – но я, правда, не мог предупредить раньше. У меня есть пара часов, хочешь я помогу тебе собраться? Я взял Шершня, хоть он лес теперь и не любит. На север вам нельзя, туда отправляют подкрепление из столичного Ордена. Лучше бежать на юг.

Зимовка как раз на севере, подумала Кара. Вряд ли Ягар захочет менять свои планы.

– Как он? – спросила она, кивнув на коня. На самом деле Кара хотела спросить, как Лэйн, но решила, что про Шершня – безопаснее.

– Не знаю, – рассеянно произнес рыцарь и все-таки сделал шаг навстречу, опасно уменьшив расстояние между ними. – Но я точно не в порядке. Все время думаю о тебе, Кара. Наверное, по-другому и быть не могло. Ты ведь морт, а я человек. Может, ты того и не желала, но каким-то образом наколдовала на меня. Думаю, ты и сама не знаешь, как снять эти чары.

Звучало, как обвинение, но Кара не стала оправдываться.

Лэйн был в доспехах, но она слышала, как грохочет его сердце, нарушая все законы Тихого леса. Да и ее сердце звучало похоже.

– Мы с дедом сами уйдем, – прошептала она. – Спасибо, что предупредил.

На самом деле ей очень хотелось, чтобы Лэйн их проводил, но тогда Ягар узнал бы, кого именно он лечил. А вдруг в старике разыгралась бы жажда мести? Ягар не мог простить рыцарям пытки, которым они подвергли его в молодости. С другой стороны, он был тем самым сектан-

том из Красных Воронов, которые убили рыцарей, чтобы вызвать Растерзателя. И по жестокой случайности его жертвами были родители Лэйна. Кара не верила, что сам Ягар держал в руках нож. Она убедила себя, что старик был кем-то из рядовых сектантов, не имевших отношения к убийствам, и в этой правде ей было комфортно.

– Только поторопитесь. Мне не хочется вешать тебя в замке Ордена.

– Я тоже думала про тебя, Лэйн Гильяхор, – сказала Кара, и это были самые искренние слова, на какие она была способна.

– Через три недели я буду дежурить на восточных воротах Стены, – сказал Лэйн и окончательно уничтожил то крошечное расстояние, что было между ними.

Каре стало горячо. Он поправил ей капюшон, да так и оставил руки на ее плечах. Даже сквозь плотную ткань, Кара чувствовала, как они обжигают. Когда Лэйн был у нее в гостях, он казался трупом, но пребывание среди людей вдохнуло в него жизнь и вернуло тепло. Между ним и Карой лежала пропасть – вековой вражды их рас, льда и пламени.

– Помнишь, ты спрашивала, пропущу ли я беглых мортов, – прошептал Лэйн ей в лицо. – Так вот, мой ответ – да. Я помогу тебе бежать в Имаргон. И своего старика бери. В порту у меня есть знакомый корчмарь, он вас приютит. И знаешь. Я, возможно, покину Орден. Возможно, я не хочу носить Альий плащ, который мне обещали. Возможно мы с тобой еще встретимся, Кара.

Через три недели наступит новый год, а мне исполнится восемнадцать, рассеянно подумала Кара. Слова Лэйна звучали хорошо, но ее старик ни за что не поверит в то, что рыцарь Ордена Сантаны поможет им бежать. Впрочем, все то было неважно. Важны были его последние слова. Они еще встретятся. Заглянув внутрь себя, Кара уже знала, что это правда.

Не было ни прощаний, ни поцелуя, которого она, наверное, ждала.

Лэйн молча развернулся и ушел в лес, уводя за собой Шершня. Кара же еще долго не двигалась, пытаясь сохранить тепло его дыхания на своей щеке и вслушиваясь в треск сухих веток, ломающихся под шагами рыцаря и коня. Ходить по лесу эти двое явно не умели.

Внезапно все проблемы показались Каре надуманными и легко преодолимыми, а на ее губах расцвела глупая улыбка. Шига Нечистоплотная, которая все еще пряталась где-то в лесу; Асхар, веривший, что Кара, рожденная во время вызова Растерзателя, принесет удачу его востанию; рыцари Сантаны, собравшиеся устроить облаву по Тихому лесу, – все это поблекло по сравнению с глазами Лэйна Гильяхора. Рыцарь был немногословен, но такой же была и сама Кара. Все то, что осталось несказанным, она прочитала в его глазах.

Девушка еще немного рассеянно побродила по лесу, прежде чем повернуть домой. Светало. Сквозь злые, замерзшие деревья поднималось такое же злое солнце, но Кара видела в нем жизнь, которая обещала ей счастье.

Наверное, ее должна была насторожить тишина, воцарившаяся во дворе перед дедовой избой. Наверное, в Каре должна была проснуться интуиция, а может, ей стоило глядеть не на солнце, а на то, что творилось под ногами. Ведь чужаки не особо пытались скрывать следы. Но Тихий лес злился за шум и знаков не подал. А перед глазами Кары все еще стояли глаза Лэйна Гильяхора.

Все случилось в мгновение. Она увидела сломанные перила крыльца, комок грязи, прилипший к порогу, вырванную с петель дверь И в ту же секунду со всех сторон появились бархенторы – огромные боевые лошади рыцарей Сантаны. На самом деле их было всего пятеро, трое выскочили из кустов, а еще два всадника вышли из-за угла дома. Один рыцарь держал коней под узды, а другой другой волочил по земле ее старика Ягара, которому скрутили руки, накинув на шею веревочную петлю.

– А вот и девчонка, – сказал знакомый голос, и Кара, не веря в то, что видит и слышит, уставилась на Лэйна Гильяхора. – Мы тебя заждались.

– Хватаем ее и сматываемся отсюда, – распорядился пожилой рыцарь в алом плаще, который вышел из-за деревьев вместе с Лэйном. – И так уйму времени потеряли.

Во взгляде Лэйна не было ни извинения, ни страха, ни ненависти. Одна пустота. Наверное, именно она и должна была смотреть из глаз предателя. А кем еще он был, если пару часов назад предлагал помощь в побеге, а сейчас вероломно громил их дом. Кара хотела выплюнуть слова о предательстве ему в лицо, но Лэйн отвернулся и махнул рукой другим рыцарям – мол, заканчивайте быстрее, сам же спрятался за своего бархентора, сделав вид, что копается в седельных сумках. Именно слово «спрятался» пришло ей в голову, когда она пыталась поймать его взгляд.

Все произошло стремительно, Кара не успела сделать ни шага.

Ягар, ее старик, который собирался умирать со дня на день, удивил ее, но особенно – рыцарей Сантаны, которые не ожидали такой прыти от восьмидесятилетнего деда. Ягар только что стоял скрюченный и убитый горем, но в другую секунду уже восседал на бархенторе, каким-то чудесным образом стащив с него всадника. Рыцарю тому подняться было не суждено. В тот момент, когда дед уверенной рукой метнул ему в горло нож, который вытащил из седельных сумок, Кара поняла, что назад пути нет. Убитый рыцарь Сантаны был той пропастью, которая разверзлась между ее будущим и прошлым. А в настоящем она зависла над бездной.

Еще секунда – и крепкая рука деда, схватив Кару за плечо, затащила ее в седло. Кара никогда не проделывала такого трюка прежде – запрыгнуть с земли на разъяренного коня, но тело сделало все, что требовалось, словно вспомнило нечто глубоко забытое, нечто, о чем вспоминать не стоило.

Бархентор брыкался недолго. Над головой Кары, приникшей к дедовой спине, пролетела стрела, но Ягар сунул в морду коню пучок каких-то трав, и больше бархентор не пререкался. Послушно помчал во тьму леса, оставляя на поляне дом, в котором Кара выросла и где чувствовала себя человеком. Цепляясь за деда, девушка твердо знала: ей придется стать мормом. После всего, что произошло, другого выхода не было.

– Лучше день прожить львом, чем десять тысяч – овцой, – крикнул ей дед, ловко направляя бархентора в одно ведомое ему направление. Впрочем, Кара вскоре узнала дорогу. Они направлялись не к дальней зимовке и не в деревни охотников. Позади уже раздавались звуки погони, но Ягар не сбавлял темпа. Он вел преследователей на Лысую сопку.

– Там земли пыяров, – пробормотала Кара ему на ухо. – Нам туда нельзя.

– Как раз сейчас нам туда нужно, – хмыкнул Ягар. – Поищем твою подружку.

Кара решила, что от перенесенного стресса дед бредил, но тратить силы – его и свои, на расспросы не стала. Ее терзал один вопрос: а если бы она пришла раньше? Если бы не бродила по лесу, витая в глупых фантазиях, успели бы они бежать?

Так хотелось убедить себя, что Лэйн не хотел зла, что он предупредил – только поздно. Однако реальность разбивала любые иллюзии. Мормы и рыцари Сантаны – непримиримые враги. Лэйн говорил, будто ему казалось, что на него наколдовали. Вдруг он на самом деле так решил и попытался избавиться от «колдунов» единственным известным рыцарям способом – насилием.

Правда, все равно было не совсем понятно, зачем понадобился тот разговор у ручья.

Лысая сопка встретила их равнодушным карканьем ворон. Рассевшись на старых кедрах, растущих у подножья, птицы кричали на чужаков – и не только на Кару с дедом. Погоня приближалась. С опушки Кара разглядела цепочку всадников, уверенно продвигающихся по лесу. Первым шел конь старшего в алом плаще, за ним ехал Лэйн. Теперь Кара была способна узнать его на любом расстоянии.

Она поторопила деда, но Ягар лишь прищипнул в ответ. Их одурманенный бархентор шел неспеша, тщательно выбирая путь между кустарниками. Не колючки – и то хорошо. Опушка скоро закончилась, всадников поглотил лес, и Каре стало спокойнее. Запретив думать о том, что с ними сделают рыцари, если поймают, а также о том, что они вторглись в опасные земли

Лысой сопки, она сосредоточилась на невидимой тропе. Ягар направлял коня весьма уверенно, а значит, знал, что делал.

Зимнее солнце, нелогично жарившее весь день, вдруг устало и покатилося к закату с бешеной скоростью. Чем дальше они углублялись в чашу, тем плотнее становилась темнота вокруг.

Остановились внезапно. Сердце стукнуло, пропустило удар и заколотилось так часто, что Кара не выдержала и взялась за рукоять ножа, найденного в седельных сумках бархентора.

Там, на краю холма, откуда начинала виться вниз крутая тропа, что-то блестело среди колючих ветвей кустарника, будто серебряные нити опутали шипы. Невидимый паук постарался на славу, оплетая не только куст, но и жухлую зимнюю траву, расстелив по ней блестящую паутину.

– Тише, – прошептал дед, и Кара едва не вскрикнула от неожиданности. Нервы были накалены до предела. Она и не заметила, как догорел день. Сколько же они плутали по лесу? Ночь выдалась безлунной, но ясной и звездной. Яркие россыпи созвездий бросали слабые отблески на землю, но их хватило, чтобы Кара увидела, как из-за холма начинает вырастать тьма, постепенно обретающая формы огромной женщины.

Она была словно увеличена под той самой лупой, которой иногда пользовался дед, читая книги. Размах плеч шире, чем у Лэйна, голова большая, но будто кукольная, с фарфоровой кожей и темными, влажными глазами. Руки длинные – если схватит за горло, легко придушит, а толщиной они с бревно не меньше. Волосы на ее голове показались гнездом, но, приглядев-шись, Кара судорожно сглотнула. В замысловатую прическу были хаотично вплетены черепа людей и зверей, прикрытые сумраком и туманом, который расползался под пыяром и на холме, по мере того как существо поднималось к поляне.

К ним направлялась Шига Нечистоплотная – сомнений быть не могло.

Серебряная паутина покрывала туловище твари от горла до пят, и Кара была готова поклясться, что видела еще пару рук, прятавшуюся в коконе в районе живота и на бедрах. Движения нежити сопровождалась хлюпаньем, доносившимся снизу из-под кокона, и Кара вспомнила грязь, в которой они с дедом чуть не залипли в прошлый раз. Наверное, лицо женщины можно было назвать красивым, если бы не демонический взгляд, который скользил по людям, будто не замечая никого и в то же время выделяя каждого.

И в этот миг на поляну вышли бархенторы рыцарей Сантаны.

Кара давно потеряла всадников из виду, надеясь, что они сбились со следа, но, похоже, рыцари их обманули, где-то сократив путь. Крик застрял у нее в глотке, но в тот момент ни Кара, ни дед рыцарей не интересовали.

– Это пыяр, достать санкристии! – крикнул старший всадник в алом плаще и первым метнул свой клинок в нежить.

Кара вдруг почувствовала спокойствие, словно пружина, растянувшись до предела, лопнула, перестав больше причинять боль. Она ничего не знала об этой твари, кроме одного: перед ними стояло зло, и оно собиралось их всех убить.

Лэйн атаковал следом за старшим рыцарем, и вид у него был, будто жил он только ради этого момента – чтобы встретить пыяра и испробовать на нем остроту своего меча. И на этот раз к встрече с тварью он был готов.

Кукольный рот существа открылся в беззвучном вопле, и в следующий миг меч Лэйна сломало пополам, словно соломинку. Острейшие когти второй руки пронесли в сантиметре от его груди, но Лэйн, не готовый к потере оружия, был готов к контратаке и успел отклониться, впрочем, заполучив быстро набухающую кровью царапину. Когти твари легко рассекли доспехи, процарапав их от плеча к плечу. Лэйн даже в лице не изменился. Между тем, ему на помощь подоспели другие рыцари. Атаковал старший. Кара слышала, как кричали его имя – Марван.

Все, что происходило той ночью на опушке, казалось нелогичным и необъяснимым.

Защищаясь, Шига выбросила вперед бледную, как кость, руку и отбила клинок, который, не причинив твари вреда, отлетел прямо в своего хозяина. Санкрисбий ударил Марвана рукоятью по лбу. Сотни вариантов исхода событий промелькнули перед глазами Кары, наблюдавшей эту сцену: рыцарь мог увернуться, кинжал мог прилететь в него острием, а не рукоятью, Марван мог успеть выхватить второй санкрисбий, который висел у него на поясе. Но из всех возможностей случилось самое заурядное: Марван получил удар в лоб и рухнул прямо под ноги Лэйна, то ли мертвый, то ли без сознания.

Тем временем Шигу с двух сторон атаковали другие рыцари, и каждый держал в обеих руках по мечу и санкрисбию. Но, глядя, как чудовище с легкостью разрубает мечи, уклоняется от кинжалов санкрисбия, а потом разрезает пополам и самих воинов, Кара поняла, что боевой опыт нынешних рыцарей Сантаны не может противостоять женоподобной твари в серебряной паутине.

Внезапно Шига перестала кромсать рыцарей и уставилась Каре прямо в глаза. Представить, что произойдет дальше, девушка не успела. Дед хлестнул бархентора, и конь стрелой понесся с холма. Кара же разрывалась между противоречивыми чувствами. С одной стороны, не хотелось бросать Лэйна. Даже при понимании того, что он предатель, а они с дедом помочь в его битве с Шигой вряд ли смогут. С другой стороны, в Каре проснулся глубинный, животный страх человека перед неизбежной гибелью с одним желанием – спастись. Она была благодарна, что дед сделал выбор за них обоих.

Бархентор мчался с бешеной скоростью, сердце Кары готово было взорваться, а сзади слышались звуки, которые она никогда не забудет – чавканье вперемешку с мычанием и криками. Наверное, там убивали Лэйна. Между тем конь вломился в чащу, и Кара не смогла избежать царапин на руках, которыми прикрывала лицо: мелкие ветки хлестали жестоко. А потом бархентор увяз в буреломе, снизив скорость и хрипя так, что их должны были услышать по всему Тихому лесу. Ягар спешил и за узды потащил застрявшего бархентора из бурелома. Потом они снова куда-то мчались, чувствуя на себе хлесткие удары веток, петляли между стволами в кромешном мраке, пока внезапно не оказались на тропе, вьющейся по холму.

Лысая сопка смеялась, приведя их обратно к Шиге. Тропа пропетляла по лесу и вывела Кару с дедом на прежнее место – туда, где из всех рыцарей, в живых оставались двое. Лэйн и его старший наставник Марван, уже пришедший в себя.

Шига напознала на раненого Лэйна, когда сзади на нежить прыгнул рыцарь алого плаща.

– Сдохни! – кричал Марван, вонзая санкрисбий в серебристый кокон пьяра. Когда Шига завертелась, пытаясь сбросить алого рыцаря, к атаке присоединился Лэйн, казавшийся неубитаемым.

Было видно, что кинжалы санкрисбии не могут достать до тела твари, увязая в коконе, зато санкрисбий Лэйна легко отрезал новую костяную лапу, которая выросла из левого бока пьяра. Затем закричал Марван, упав со спины Шиги и прижимая к себе обрубок руки без запястья. Лэйн успел спрыгнуть с твари раньше, чем клыкастый рот, открывшийся в недрах живота нежити, цапнул его за колено, едва не оставив без половины конечности.

Похоже, Шиге надоело с ними возиться, потому что из кокона вдруг выросло сразу два десятка лап с когтями-лезвиями. Бешено вращая ими, пьяр напомнил воина, который закрутил «мельницу» мечами, не давая шанса к себе подобраться.

Но и Лэйн не собирался сдаваться. Забрав у корчащегося от боли Марвана санкрисбий, Лэйн принялся кружить возле Шиги, выбирая подходящий момент для атаки.

– Мы должна что-то сделать, – прошептала Кара, с трудом приходя в себя. Она вдруг поняла, что все это время будто пребывала под гипнозом, сонно наблюдая за убийством рыцарей Сантаны.

– Тут только ждать надо, – также шепотом ответил ей старик. – Лысая сопка нас не отпустит, пока Шига не успокоится. Немертвия скоро заснет. Она старая и слабая, на нас у нее сил не хватит. Сейчас покровсает последнего гада и отправится нору рыть. Они только в норах спят.

Кару поразило не то, что дед назвал Шигу «слабой», а то, что в его голосе звучала плохо скрытая радость. Ягар с нетерпением ждал, когда «покромсают» Лэйна. Разумеется, он узнал того человека, которого когда-то лечил и пустил в свой дом, но к Каре по этому поводу с расспросами не приставал. На потом оставил.

Между тем, Шига преследовала рыцаря, успешно отбивая удары его кинжалов. Она замедлилась, но Каре показалось, что вовсе не от усталости. Шига Нечистоplotная растягивала удовольствие от убийства последнего врага.

Окончательно пробудилась Кара тогда, когда нежить повернула к ней голову и подмигнула накрашенным глазом на кукольном личике. Девушка знала, что настоящая голова твари скрывалась в коконе, а на мир смотрела лишь маска, но именно этот жест пырра вывел ее из оцепенения. В голове что-то щелкнуло, загудело, хлестнуло огненной болью, которая в тот же миг прошла, оставив воспоминание. Кара поняла, что нужно делать, и это знание было простым и ошеломляющим.

– Лэйн, убей мортовскую девку! – захрипел раненый Марван, показывая окровавленным пальцем на замершую Кару. – Она создательница. Эта девица управляет пырром. Заруби ее, и нежить тоже умрет.

Кара слышала странный звук за спиной – то ли рык, то ли треск, но не обратила на него внимание. Ее поглотил обвиняющий взгляд Лэйна, в котором сквозила ненависть к ней и преданность своему Ордену. Он верил каждому слову старшего рыцаря. А потом Кара увидела костяные руки-лезвия Шиги, поднятые в атаке, и поняла, что времени на размышления не осталось. Нужно было либо бежать в лес, либо принимать Тьму, что неожиданно проснулась в ее голове.

Она открыла рот и произнесла негромкие слова, которые тем не менее рокотом прокатились по Тихому лесу.

– Успокойся, ляг на землю и лежи там тихо.

Лэйн замер в удивлении, решив, что Кара обращалась к нему, но тут раздался треск, сопровождающийся чавканьем, сопением и стоном. Запахло кровью и нечистотами, и это зловоние могло исходить только одно существо. Шига Нечистоplotная расплылась, со стремительной скоростью впитываясь в землю. И только фарфоровое личико торчало из бесформенной массы, застывшей на земле. Казалось, будто кучу с дерьмом опутали серебряной паутиной.

– Сзади! – закричал вдруг Лэйн. Кара обернулась, но так и не поняла, кого именно хотел предупредить рыцарь. Ее или своего наставника Марвана, который подкрадывался к Каре, готовый пронзить ее со спины мечом. Но наперерез рыцарю в алом плаще метнулась другая фигура, и то был не немощный старик, который воспитал Кару, а огромный разъяренный медведь на задних лапах.

Ягар всегда защищал свою Кару, не изменил себе он и в этот раз. Его жизнерушительная магия была сильна и всемогуща, а медведь больше походил еще на одно чудовище, чем на привычного хищника леса. Зверюга уже собиралась снести голову Марвану, но тут Лэйн Гильяхор сделал свой выбор. И выбрал он Орден Сантаны, убедив себя, что сражался со злом. А может, так оно и было на самом деле.

Санкристий послушно вылетел из пальцев рыцаря и вонзился медведю-старика под лопатку. Наверное, если бы то был обычный кинжал, оборотень его даже и не почувствовал, но санкристий был создан специально, чтобы убивать мортов, и старый колдун взревел от боли.

– Деда! – Кара бросилась к зверю, Лэйн и Марван метнулись следом.

Рыцарь алого плаща, несмотря на все свои ранения, оказался удивительно быстрым. Поспев раньше Кары, он проткнул раненого медведя мечом.

Лэйн же Лэйн снова выбрал Орден и свою веру. Хватая воздух ртом и не в силах справиться с бешено грохочущим сердцем, Кара вдруг поняла, что ночь давно прошла, а над ее головой мерцало бледное зимнее солнце. На его фоне кулак Лэйна показался страшно огромным. Рыцарь вырубил ее одним ударом, и Кара рухнула в небытие, получив тяжелый урок: никогда не думать о рыцарях Сантаны хорошо. Даже о том, кто казался другом.

Глава 12

Кара проснулась, обливаясь потом и чувствуя, как от жары плавится тело. Ее мечта сбылась. Она впервые покинула лес, но оказалась не в заветном городе, а в тюремной камере замка Ордена Сантаны.

Измученная наручниками с иглами санкрестия, которые втыкались в запястье при каждом неловком движении, Кара умудрилась задремать, впрочем, сразу же пробудившись от кошмара. Ей снился Растерзатель. И хотя ни его лица, ни голоса, ни фигуры она не запомнила, девушка была уверена, что во сне приходил он. Император и главный колдун мортов, чернобог и дьявол во плоти, Растерзатель ругал и поносил ее, но обещал простить за некоторые услуги, которые от нее ждал. Звучал он при этом так хитро, что Кара не сомневалась: прощения за то, что сделано раньше, не вымолить никакими подвигами.

А ведь в какой-то момент Кара решила, что им с дедом удастся сбежать. Сейчас будущего не осталось – только прошлое. Там, на холме Лысой сопки Кара поступила, не думая, доверившись интуиции и искренне желая спасти Лэйна. Но все-таки никудышная из нее была провидица. Если бы Кара хоть немного догадывалась о том, что Лэйн поднимет руку на своего спасителя – на Ягара, который буквально вытащил его с того света, она бы и пальцем не шевельнула. Если бы ее попросили выбрать из двух сценариев, в одном из которых Шига, как и ее дед, остаются в живых, но люди в деревнях и рыцари Сантаны оказываются под угрозой, а в другом все наоборот – мертвы Ягар и нежить, зато в безопасности ближайшее население, Кара, не раздумывая, выбрала бы первый вариант. За последние часы сердце ее ожесточилось так, что она сама себя не узнавала.

Усни, успокойся, ляг на землю – так всегда успокаивали пьюров. Отрицать очевидное было бесполезно. По какой-то причине Кара знала темные заклинания мортов-некромантов – не только в теории, но и мельчайшие детали практики. Используя жизнерушительную силу и сократив свою жизнь, Кара успокоила Шигу Нечистоплотную, но удовлетворения от ее гибели не получила. Только горе – будто потеряла друга.

Возможно, Асхар и мог объяснить, почему Каре удалось то, что не смог сделать опытный колдун Ягар, но она знала, что не поверит ни одному слову Ландэра. Ложь – второе имя мортов, а уж мортов-повстанцев и подавно. Она встретится с Асхаром только по одной причине – чтобы убить его. Впрочем, лист тех, кого она собралась отправить на тот свет, пополнился еще одним именем.

Все происходило, как во сне, и в какой-то момент Кара решила представлять, что продолжает спать. Час назад в соседнюю камеру бросили связанного Лэйна Гильяхора, который в лесу едва не снес ей челюсть. Теперь у Кары ныли все зубы, распух левый глаз, показывая мир через щелочку, а половина лица вместе с ухом потеряли чувствительность.

Лэйна втащили уже избитым, тюремщики добавили, после чего в сознание он не приходил. Кара слышала, как рыцари, которые его привели, говорили что-то о предательстве и о сговоре с мортами, но ей было плевать, в чем там его обвиняли. Она лишь надеялась, что еще успеет увидеть его страдания до того, как ее жизненный путь закончится на пыточной башне Сантаны.

Долгое время Кара думала, что старший рыцарь в алом плаще заколол ее старика мечом, однако судья, зачитавший приговор, внес ясность, хоть и не обнадежил. Деда Ягара лишь ранили. Он остался в живых и должен был понести наказание вместе со всеми причастными к вызову Шиги Нечистоплотной. Помимо создания пьюра Кару и Ягара обвинили во всех убийствах, совершенных Асхаром и старейшинами деревни. В том числе и Карпа.

Обидно было за то, что к их маленькой компании присоединили еще и Лэйна. Его обвиняли в измене ордену, в сговоре с мортами, в убийстве тех рыцарей, которых погубила Шига, а

также в участии в ритуале вызова нежити. Лэйн Гильяхор лишился всех званий и права носить фамилию своего рода, а также земель и угодий, которые переходят во владение Ордена Сантаны. Приговор – смертная казнь.

Кара подозревала, что главной причиной неприятностей Лэйна были его богатства, которые, вероятно, всегда не давали покоя руководству Ордена. А тут – такой хороший предлог. Но на рыцаря и его проблемы ей было плевать. Он уйдет на тот свет непрощенным, потому что она не собиралась забывать ничего. В том лесу Лэйн сделал свой выбор, и он был не на ее стороне.

Исполнение приговора назначили на час рассвета, рыцари Ордена Сантаны были лишены эстетики. Кару собирались посадить на кол, деда сжечь, а рыцаря-предателя повесить. Сначала его хотели четвертовать, но за какие-то там былые заслуги перед Орденом заменили мучительную казнь на быструю. Кара не понимала, откуда у нее такие познания, но была уверена, что повесить человека можно сотней разных способов, в том числе, и мучительными. Все зависело от умения палача.

Когда скрипнула дверь, она вздрогнула, одновременно радуясь, что все закончилось, но и страшась страданий, которые ее ожидали. Кара не сомневалась, что ее смерть растянут надолго. Асхар Ландэр, примчавшийся следом в замок, уже сообщил ей об этом.

Теперь она знала, кем был тот самый важный друг Асхара, которым тот хвастался на старой мельнице и который помогал мортам с восстанием. Почему-то она не удивилась, когда узнала, что им оказался прасал Ордена Сантаны – Рим Лакадон. Асхар так легко назвал его имя только по одной причине: в живых Каре предстояло числиться недолго. Ей хватило одного взгляда на то, как главный рыцарь Ордена Сантаны и Асхар приветствовали друг друга, чтобы убедиться в их полном единодушии. Слабо утешало одно – гнить они тоже будут вместе.

Кара всегда боролась до конца, и, хотя тюремщик предупредил, все же попыталась использовать жизнерушительную магию, чтобы растворить решетку и стену. Иглы санкрестия, вонзившиеся в руку из браслета, вырвали ее на целый час, а послевкусие было настолько ужасным, что Кару еще какое-то время рвало и мутило только от одной мысли о магии.

Но ее час не настал, потому что в тюремный коридор перед камерой зашел только один человек, замерший возле решетки с задумчивым видом. Судя по его богатому кафтану, расшитому серебром и жемчугом, человеком он был небедным и со статусом. Высокий, словно жердь, с нескладными длинными руками и убеленными волосами – не сединой, но какой-то косметикой, незнакомец был хоть и не молод, но крепок телом, а его взгляд мог, наверное, пробить камень. Когда его цепкие глаза уставились на Кару, она с трудом поборола желание встать и поклониться. С таким взглядом – только в короли.

– Меня зовут Сатис Труамон, я глава Свободной Торговой Гильдии Альфарского королевства, – представился человек.

Кара еще не слышала этого имени, как не имела ни малейшего представления о том, чем эта Гильдия занималась. Но так как этот Сатис не относился ни к мортам, ни к рыцарям, она решила быть вежливой. Поднялась с кучи соломы и, расправив испачканную и порванную юбку, представилась.

– Кара из Овражьего Гара.

Скорее всего, человеку было известно ее имя. Ей не нравилось прибавлять к нему название ближайшей деревни, но таковы были правила. У всех свободных жителей Альфарского королевства имелась фамилия, и она подумала, что взяла бы себе имя деда. Кара Ягар – звучало неплохо. Впрочем, жалеть стоило о многом, но она запретила себе даже думать в эту сторону. Жалобы – молитвы Растерзателю, а она, даже будучи мортам, решила стать его врагом.

– Мне кажется, мы с тобой договоримся, – улыбнулся мужчина и, достав из кармана свиток, развернул его, пробежав глазами по верхним строчкам.

– Я заменил твою казнь на ссылку в Болота Кальмы. Тебя продадут болотникам как рабыню. Вот письмо королевы.

Сердце глухо стукнуло и бешено забилося от волнения, но Кара заставила себя остаться внешне спокойной и, сцепив трясущиеся руки позади, заметила:

– Вы собирались договариваться, а ваше предложение звучит, как приказ.

– А это и есть приказ, – кивнул Сатис. – У меня мало времени, поэтому буду краток. Гильдии нужен клуатон, который мы достаём из старых алтарей мортов. Но так как большинство куполов в Альфарском королевстве мы уже откопали, то теперь расширяем границы наших интересов. Кальма – место дикое, но раньше в тех болотах велись ожесточенные бои с мортами, а значит, боевых куполов там достаточно. С болотниками договариваться сложно, деловой язык они не понимают, приходится идти на ухищрения. Отыскать новый купол можно только с помощью морта, увы, таковы правила игры. Однако морты добровольно идти в рабство к болотникам не желают, к тому же, в Кальме не очень-то любят ваше племя, поэтому морты-рабы там долго не живут. Так получилось, что твоя ситуация нам очень подходит. Асхар сказал, что ты сразу нашла старый купол в Овражьем Гаре. Мы продаем тебя болотникам, ты у них работаешь и стараешься выжить. Можешь задать мне вопрос.

– Что будет с дедушкой?

Сатис поморщился.

– Все-таки ты деревенщина, Кара. Правильный вопрос звучит так: что я могу для вас сделать за спасение моей шкуры от ужасной казни? Я однажды видел, как человека сажают на кол, кошмары до сих пор снятся. Но, если тебя интересует судьба Ягара, то твой дедушка побудет у меня в гостях, пока ты оказываешь нам кое-какие услуги в Кальме. Подлечим его и приглядим до твоего возвращения.

– Что вы хотите? – Кара не смогла сдержать дрожь в голосе. Спасение казалось нереальным. Впрочем, то, что она слышала о Кальме, раем тоже не являлось. Лучше провалиться ранней весной в берлогу медведя, чем попасть в лапы болотников, говорил Ягар.

– Скажем, пятьдесят камушков клуатона. Рабы болотников добывают глину в долине, где, по нашим сведениям, велись крупные бои ордена Сантаны с мортами. Не знаю, как ты это сделаешь, но тебе нужно будет найти боевые алтари, которые где-то там затоплены в болоте. Ничего подсказать не могу, кроме того, что куполы мортов там точно есть. Наш разведчик сумел достать один камень, но нам нужна добыча крупнее. Как только соберешь клуатон в нужном количестве, свяжешься с нашим человеком, я дам контакт. Он организует тебе побег и отвезет в Альфарское королевство.

– Свинья туда спешит, где больше грязи, – задумчиво произнесла Кара, не веря ни одному слову этого крайне делового человека.

– Что ты сказала?

– У меня условие.

Удивление купца Сатиса было неподдельным.

– Вообще-то, в твоём состоянии не торгуются, дорогуша.

– Но это же вам нужны пятьдесят камней клуатона.

Какое-то время купец пристально изучал ее, потом, вздохнув, напряженно произнес:

– И чего же ты хочешь?

– Пусть этого тоже на каторгу отправят, – она махнула в сторону рыцаря, который к тому времени пришел в себя и безучастно сидел на своей куче соломы, обхватив разбитую голову руками.

Сатис Труамон удивленно поднял бровь, выпрямился и рыцарь, сидевший в соседней камере.

– Никаких проблем. В компании веселее, правда, Лэйн?

Вероятно, они были знакомы, потому что рыцарь встал, упершись макушкой в низкий потолок камеры и, взявшись за решетки, пристально посмотрел на купца, потом на Кару:

– Мне не нужны подачки, – хрипло сказал он. – Я никуда с ней не поеду.

– А кто тебя спрашивает? – рассмеялся ему в лицо делец. – Ты сейчас человек без имени, статуса и фамилии. Тебе везде дороги закрыты, путь только на виселицу. Ну, или на каторгу к болотникам. Мне абсолютно плевать, где и как ты сдохнешь. Разумеется, я не верю в то, что ты способен на сговор с мортами. Причина твоего нынешнего положения весьма проста. Видишь ли, на территории твоей родовой усадьбы нашли боевой купол мортов, причем, весьма крупный. А так как ты заведомо не дал бы согласия на раскопки, я решил этот вопрос так, как обычно веду все свои дела.

– Такие, как ты, прут напролом, как козел через терновник, пока не встречаются своего волка, – ответил ему Лэйн, и в голосе его звучало спокойствие. Кара бы даже восхитилась его реакции, если бы он не был рыцарем Сантаны. Для нее он всегда останется человеком из Ордена, а значит, врагом.

– Ловит волк, но и волка ловят, – парировал Сатис Труамон и покинул тюрьму, не сказав им больше ни слова и всем видом показывая, что дел у него невпроворот.

Кара с рыцарем остались стоять напротив друг друга, но сказать каждому было нечего. Между ними едва насчитывалась пара метров, но они были так же далеки, как закат и рассвет. Взаимная ненависть пронзала пространство невидимыми молниями. Кара не знала, что ее ждало на каторге у болотников, но была уверена, что смерть этого мерзавца должна быть долгой и мучительной, а его виселица еще подождет. С таким характером служить рабом ему будет трудно. Кулаки и плети надсмотрщиков – вот, что станет его наказанием. Она же сделает все, чтобы вернуться в королевство как можно скорее. Долгов у нее здесь оставалось достаточно, и дело было даже не в старике, за которого Кара не переживала. Ягар всегда был полон сюрпризов и умел за себя постоять. Раз этот Сатис хотел клуатон, она его добудет.

Едва Кара вспомнила главную причину, почему ей нужно вернуться в страну альфаров поскорее, как дверь подземелья снова отворилась, явив эту самую причину.

Асхар Ландэр вырядился как на парад, очевидно, отмечая какое-то особо важное для него событие. В белых перчатках, синем камзоле и высоких лакированных сапогах, да еще и с тростью в руках, он совсем не походил на того Ландэра, который убегал от ее деда-оборотня на старой мельнице. Почему-то привлекли внимание его руки, затянутые в перчатки. Подумалось о его пальцах, черневших после колдовства. Вероятно, с тех пор как они виделись в последний раз, Асхар слишком много практиковался, и кожа потеряла возможность возвращаться к прежнему цвету. Такое случалось с неопытными колдунами, которые еще не умели грамотно пользоваться силой купола. Кара просто знала это.

Она думала, что, если увидит Асхара, поток ее брани, угроз и ругательств невозможно будет остановить, но не смогла выдать из себя ни слова. Образовавшийся ком в горле было не проглотить. В нем кололись обида со злостью, а также слезы по Карпу и своей убитой жизни, потому что сколько угодно можно было винить рыцаря, но настоящий враг у нее был только один.

– Сатис выторговал тебе жизнь, – процедил Асхар, безглаголиво разглядывая ее камеру, но обходя взглядом саму Кару, будто боялся о нее испачкаться. Он изменился, но и она уже не была прежней.

– Так получилось, что приглядывать за твоим стариком буду я, – быстро перешел он к делу, сразу испортив ей настроение. – И поверь, я сделаю все, чтобы каждый его день, пока ты будешь трудиться на каторге, добывая клуатон для Сатиса, превратился в изысканную пытку. Чтобы ты поторапливалась.

Кара не выдержала и, глухо зарывчав, вцепилась в решетку. Ее лицо оказалось в каких-то сантиметрах от лица Асхара, но морт не отстранился. Спокойно разглядывал ее, будто она была лишь крысой, попавшей в ловушку.

– Мне тоже кое-что от тебя надо, – заявил он, пристально глядя ей в глаза. – Болота Кальмы притягательны не только для Гильдии, но и для нас, мортов. А так как болотники нас

к себе не пускают, ты сделаешь то, о чем мы давно мечтаем. Все равно толку от тебя больше никакого. Растерзатель считает, что ты уже вряд ли вспомнишь, а вот польза от тебя в Кальме может быть огромной. Мне нужен первый алтарь Растерзателя. Самый большой, самый мощный Купол. Мы тщательно изучили все архивы Каменной войны и уверены, что первый алтарь находится где-то на территории Кальмы. Клуатон нам не нужен, пусть его забирает Сатис. Чем скорее ты справишься, тем быстрее получишь свою награду.

Интересно, кого он имел в виду под «мы»? Того рыцаря-предателя, который возглавлял Орден? Или еще одного союзника? Первый алтарь Растерзателя был легендой, но Кара точно знала, что когда-то на нем стояла. Воспоминания просачивались помимо ее воли, но по мере того как ее загоняли в угол, ручеек превращался в ручей и грозил стать неуправляемым потоком. Самый мощный, самый кровавый Купол за все войну – только такой мог удовлетворить неумные амбиции молодого Ландэра, который даже не скрывал, что он считал себя вторым Растерзателем. Вон, даже во сне с ним разговаривал.

– Дед сожрет твою печень, а из крови сделает бражку, – выплюнула Кара, понимая, что проигрывает. Эмоции сейчас были лишними, но нервы сдавали.

Асхар поморщился и слегка отстранился.

– Вообще-то, мне на твоего старика плевать, – скривился он. – Как и на тебя. Я умею признавать ошибки, а то, что я пытался пробудить в тебе темную силу, было ошибкой. Ведьма из тебя никудышная. Зато ты чувствуешь алтари с клуатоном, и в этом твое спасение. Найдешь первый купол, и мы больше никогда не увидимся. Я куплю тебе и деду билет на корабль в Тардар или в любую другую дыру мира, и мы друг о друге забудем. Договорились?

Кара сглотнула и медленно кивнула. Асхар рассуждал здраво и логично во всем, кроме одного. Они обязательно увидятся. Кара сделает все возможное, чтобы их встреча состоялась как можно скорее. Только тогда улыбаться он уже не сможет.

Однако Асхар умел бить исподтишка.

– Держи, – сказал он, протягивая ей сквозь решетку маленький плоский предмет. – Это ухо твоего деда. Сейчас оно желтого цвета, значит, твой старик жив. Когда ему станет худо, ухо покраснеет, а если вдруг Ягар умрет, ты увидишь здесь черноту. Тебе стоит поспешить. Сатис солгал, сказав, что старика поставили на ноги. Я не дам его ране затянуться полностью. Так скажем, чтобы ты не расслаблялась. А вдруг тебе понравится у болотников, и ты еще захочешь у них остаться? Кто тебя знает, Кара?

Асхар рассмеялся собственной глупой шутке, бросил презрительный взгляд на бывшего рыцаря Лэйна Гильяхора, который внимательно слушал, пристально разглядывая морта, и насвистывая, покинул тюрьму, исчезнув из жизни Кары. Временно.

Кара посмотрела ему вслед, видя перед собой цель.

Их скорая встреча была predetermined.

Глава 13

Замок Сантаны собрал свою кровавую жатву. Никто не должен был заподозрить Кару в том, что она морт, потому что черных колдунов болотники к себе не пускали. Морт не имел шанса попасть на земли Кальмы, поэтому люди Гильдии, готовя Кару к продаже на рабовладельческом рынке, постарались сделать ее похожей на альфарку, которую семья продала за долги. Такое не делало чести альфарским семьям, но широко практиковалось.

Прежде всего ей свели метку Овражьего Гара – бесхитростно, кислотой. Теперь на животе Кары разлился безобразный шрам, который останется с ней до смерти. То была не первая сильная боль в ее жизни, но Кара не старалась быть мужественной – кричала до хрипа.

По мнению Сатиса, она была слишком красива для безродной альфарки, поэтому палачи сломали Каре нос, порезали скулы и обкромсали волосы. С ее белой кожей поделаться ничего не смогли. Кара даже не поверила, когда ее просто обвалили в кирпичной крошке, не став увечить сильнее. Грязная, оборванная, изуродованная, раненная душой и телом, она не узнала себя в тусклом отражении металлической петли на дверце закрытой кареты, куда ее затолкали, чтобы отвезти на рынок.

Сатис, который заглянул к ней еще раз, чтобы напомнить о сделке и убедиться, что девушку-морта не узнать, остался доволен. Он был из тех, кто любил все делать по плану и по порядку. Торги должны были состояться по закону, и палачу, который изображал из себя торговца, пригрозили виселицей, если Кару не купят.

Лэйна она увидела, когда их сажали в разные кареты. Бывшего рыцаря вынесли на руках и бросили в соседнюю повозку. Кара ему не сочувствовала. Ей нужен был главный виновник всех бед, и она постоянно занималась тем, что перекладывала этот статус с Лэйна на Асхара и обратно. Но Лэйн появился в ее жизни первым, а предательство его имело особенно изощренный вкус, поэтому сейчас она больше ненавидела Гильяхора, решив, что достанет ненависть к Асхару из сундука памяти, когда придет время.

Вот так разбивались мечты. Кара оказалась в заветном городе Имаргон. Даже в оглушенном состоянии она нашла в себе силы заглянуть в щель между досок. Разглядеть толком ничего не удалось. Зима стояла сухая, улицы клубились пылью, сквозь которую едва проглядывали такие же запыленные дома и люди. Горожане бежали по своим делам и ничем не отличались от жителей Овражьего Гара. Разве что одеты были пышнее и красочнее.

Кара никогда не видела столько людей одновременно. В клетке с ней тряслись десятка два женщин: должницы, преступницы и военнопленные. Шла долгая война с Кеджаром. Пленных кеджарцев альфары себе не оставляли, опасаясь бунтов, и тюрьмы ими не переполняли, зато успешно продавали их болотникам, которые покупали любую рабочую силу. Все покаленные, кривые, некрасивые и буйные рабы, как правило, отправлялись на Болота Кальмы, где и встречали смерть.

Кеджарки выделялись сразу. В Кеджарском королевстве женщины сражались наравне с мужчинами, и воительницы, попадавшие в плен, были не редкостью. Из-за репутации особо агрессивных, их перевозили связанными по рукам и ногам. Кара, страдающая от собственных ран, тем не менее искренне посочувствовала трем кеджаркам, которые были связаны так, что у них должны были отняться и руки, и ноги. Смуглые, темноволосые, крепкие кеджарки буквально метали голубые молнии из глаз. Сочетание лазурных радужек и рыжевато-коричневых волос показалось Каре красивым. О своей внешности и о том, насколько сильно ее изуродовали, она думать перестала. С тех пор как за ее спиной закрылись ворота Ордена Сантаны, Кара жила исключительно мстью.

Справедливо считая, что Лэйн должен был испытывать к ней похожие чувства, она испугалась, когда он, растолкав других рабов на площадке, стал рядом. Но Лэйн ничего не сделал – даже не взглянул в ее сторону. Лишь стоял со связанными руками за спиной, вероятно, просто напоминая о своем присутствии. Наверное, он тоже хотел мести, но, что там делалось в голове бывшего рыцаря, понять было сложно.

О том, что сделали с Лэйном, Кара узнала, когда на бывшего рыцаря объявляли цену. Они оба были слабым подобием себя прежних. На Лэйне живого места не осталось и плевался он кровью. Очень скоро Кара узнала почему. Цена за него была снижена из-за отсутствия языка – ему отрезали его палачи Ордена. Наверное, чтобы не рассказал, что Кара из мортгов, а заодно молчал о темных делишках Ордена Сантаны. Это у Кары был Ягар, к которому она хотела вернуться, а Лэйну возвращаться было не к кому.

Кара искоса поглядывала на него и понимала, что теперь он никогда не расскажет, почему ее предал.

В тот день ударил мороз, и людей на рынке было немного. Сразу стало ясно, что партию рабов из тюрьмы привезли для особых покупателей, которых ждали. Палачи разожгли огонь в бочках и позволили своим жертвам греться – не из милосердия, а ради сохранения их сносного торгового вида. Сама Кара осталась в рваной юбке и в такой же рубахе. От холода у нее зуб на зуб не попадал, а так как из-за сломанного носа дышать приходилось ртом, болело еще и горло.

Ждать долго не пришлось, и это было единственным хорошим событием в то проклятое утро. Болотники появились внезапно, заполонив собой рынок. Закутанные с ног до головы в многослойные плащи, они походили на трупы в черных саванах. С детства Кара слышала о болотниках достаточно, чтобы бояться их, если не больше рыцарей Сантаны, то, по крайней мере, примерно так же.

«Тупые культисты», «черви болот», «рабы ада», «падальщики земли» – так величал их Ягар, который и сам когда-то служил в секте Красных Воронов. Но одно дело – мортги с их древней историей, другое – болотники Кальмы, занявшие пустоши между Альфарским королевством и Тардаром в послевоенные годы. Альфары называли их «черными могильщиками» и то было самое понятное из всех прозвищ болотников, ведь помимо рабов, они еще покупали у альфаров и трупы.

Бедняки, которые не могли заплатить за место на городском кладбище, часто продавали своих мертвецов болотникам Кальмы. Считалось, что «черные могильщики» топили купленных мертвецов в болотах, чтобы умиловить своих богов. В городах орудовали целые банды, которые по ночам охотились на «ненужных» мертвецов, оставшихся после драк, ограблений и других преступлений. Специально не убивали: живой на рынке рабов стоил дороже, но за «случайными» трупами охотились.

Все это Кара узнала от двух болтливых альфарок, стоящих рядом. Семьи обеих разорились из-за нападения кеджаров на альфарский порт Сарангат в прошлом году. Были сожжены родовые мастерские, и старшие братья продали сестер в рабство за долги, оставшиеся от погибших родителей. Кара даже представить не могла какво это – чувствовать предательство семьи. Ее тоже предали, но Лэйн родным не являлся. На какой-то миг ей казалось, что он мог стать кем-то особенным, но то была лишь очередная иллюзия, каких в той, уже прошлой жизни, было слишком много.

Девушки выглядели ненамного старше нее, но отнюдь не придавленными безнадежностью ситуации. Дерзили охране, бранились в ответ на тычки и тумачи, которыми пытался успокоить их торговец, задирали покупателей, которые спешили скорее пройти мимо. Впрочем, жирного торговца поведение молодых альфарок не сильно заботило, потому что покупатель на их группу уже имелся. Они все должны были стать рабами болотников.

– Зачем им рабы? – невольно вырвалось у Кары, когда от черного пятна большой группы болотников отделилась часть и направилась к ним. Только сейчас она различила, что эти стран-

ные люди передвигались на животных, похожих на крупных собаках. И хотя зловоние было ожидаемо, от болотников пахло чем-то специфичным, но вовсе не противным. Запах напоминал жженую хвою, сухую грибную пыль, которую дед использовал в своих мазях, и раскаленных песок. Мысли о Ягаре вызвали слезы, но Кара сердито сморгнула их. Не то время для них и не то место. А еще привлекали внимание странные животные, сидящие на плечах «черных могильщиков» – не то птицы, не то мыши с крыльями. Черные клювы были спрятаны в шерсти на груди, а кожистые крылья аккуратно сложены за спиной. Специфичный запах исходил именно от них.

– Чтобы стену строить, – отозвалась одна из альфарок. – Они же чокнутые. Скупают мертвецов, чтобы из них кости доставать и на границах болот складывать. Этот костяной вал уже не одно поколение рабов строит. Говорят, болота иногда поднимаются и топят эту проклятую стену в пучине. Так болотники заново начинают. Потому рабы им всегда нужны.

– А зачем стена? – спросила Кара, чувствуя, как нехорошо заколотилось сердце. Как будто она уже знала ответ. Между деревнями моргов и альфарскими городами тоже строили Стены, но тут причина была явно другой.

– Говорят, много живых пьядров на границе с Тардаром осталось, а колдовство моргов можно только такой же магией остановить – черной, мертвой.

– Неправда, – вмешалась другая альфарка. – Стену строят от других болотников, которые ближе к варварам Тардара живут. Дерутся они между собой, словно псы бешеные.

Вспомнив, как они с Ягаром спасались от Шиги, наступая на тела мертвых грызунов и насекомых, Кара решила, что первая версия звучала правдивее.

– Да не все ли равно, зачем стена та? – вздохнула пожилая, почти лысая альфарка, которая всю дорогу звала свою дочь. – В болотах редко кто больше года живет. Они, – женщина кивнула на приближающихся «могильщиков», – изуверы и садисты, хуже моргов. Лучше сразу топиться, девоньки. Там вода повсюду. Бабку мою через полгода рабства на Кальме семья обратно выкупила, да та, как вернулась, так руки на себя и наложила. Не смогла после ада к обычной жизни вернуться.

Кара подумала, что в этом мире можно найти много кого хуже моргов, но, разумеется, промолчала.

Продали их быстро. Высокий болотник, замотанный в черный плащ с капюшоном, сунул тугой мешок в руки торговцу, и вот уже их группу вели к фургонам, ожидавшим за рынком. Кара только и успела взглянуть в сторону Лэйна, который в тот момент тоже оглянулся. Их взгляды встретились, и, хотя Кара хотела испепелить бывшего рыцаря ненавистью, вышло иначе. Спрятать страх, который грыз изнутри, не удалось, и Лэйн это понял, слегка кивнув ей в ответ. Что это означало – «держись», «будь ты проклята» или «так тебе и надо», Кара не разобрала, досадуя на свою слабость.

Потом было не до взглядов. В фургоны их загоняли палками. Били всех подряд, стараясь попасть по спинам. Догадаться было не трудно: побои носили воспитательный характер. Кара не успела даже поглазеть на странных животных, которые должны были волочь фургоны. Вместе с остальными рабами ее одной волной, бегущей от боли, внесло внутрь, а она только и запомнила огромные рогатые головы тварей и их большие черные глаза. Не коровы и не быки, животные тем не менее их смутно напоминали, отличаясь прежде всего размерами. Кара со своим мелким ростом вряд ли бы дотянулась до морды.

Женщин снова загнали отдельно от мужчин, тесно набив в один фургон с другой группой рабынь. После тюремных побоев Кара почти не почувствовала удары по спине, которая превратилась в сплошной синяк. Кеджаркам досталось больше, и Кара подозревала, что у одной, как минимум, сломана ключица. Первый урок был получен – бить будут по поводу и без.

Ехали долго, и на этот раз подглядывать, что там снаружи, не удалось. Перед тем как фургоны тронулись, болотник с замотанной тканью физиономией, забрался в повозку и, свя-

зав каждую, уложил рабынь лицом в пол, вплотную друг к другу. Кара лежала, уткнувшись в лопатки одной из болтливых альфарок, которая стонала и плевалась кровью. Удар палкой пришелся той по зубам, из чего Кара сделала неутешительный вывод: внешность рабынь болотников не волновала.

Людей было много, дорога утопла в рытвинах и канавах, фургон дергался и прыгал, отчего пленники наваливались друг на друга, заставляя раненных кричать от боли и ругаться. Чувство времени потерялось, и Кара в какой-то момент просто отрубилась – как и большинство пленниц.

Придя в себя, она подумала, что оказалась в бане. Дышать было нечем, будто внутри фургона расплыли на мелкие капли воду. Стало жарко и не только от того, что рабынь в повозке было слишком много. В щели больше не проникал свет, а фургон не раскачивался. Не слышался и мерный шаг гигантских коров. Зато оглушал гомон птиц – и это ночью-то!

Мошка, набившаяся в повозку, тоже стала неприятным открытием. Кара потеряла сознание зимой и днем, а очнулась жарким летом и ночью. Но кто-то не проснулся вообще. Одна из кеджарок лежала без движения, а ее шея была повернута под неестественным углом. Гадать о том, «помогли» ли воительнице или она в толчее случайно сама ушла на тот свет, не пришлось. Полог фургона распахнулся, и Кара прищурилась от яркого света факелов.

Криками и пинками болотники вытолкнули их наружу. Кара только и успела заметить, что на полу фургона остались лежать еще несколько тел. Одни, вероятно, умерли от удушья, другие от побоев. Дышать, правда, было сложно. Ей казалось, что с каждым вздохом она набирала в грудь одну воду, отчего хотелось постоянно кашлять. В Имаргоне Каре было холодно в тонкой рваной юбке и рубаше с длинными рукавами, здесь же, не понять где, с нее градом лил пот и хотелось снять с себя кожу. По обеим сторонам грунтовой дороги вздымались темные кручины покрытого буйной листвой леса, а над их головами раскинулся чернильный купол ночного неба, усеянного яркими звездами. Ни одну из них Кара не узнала. Другое место, другой воздух, другие люди.

Остановка оказалась временной. Рабов развязали, а один из болотников принялся бросать в толпу куски черствого хлеба. Возникла давка, потому что мешок в руках болотника был тощий, а значит, кормить абсолютно всех не собирались. Воды им тоже не предложили, но выжившая кеджарка подала пример: жадно припала к луже в одной из колдобин. Кара представила, что в такой жаре в этой луже должна водиться масса разной живности, от которой потом будешь ходить кровью не меньше месяца, но жажда терзала сильнее голода. Вкус и запах у воды оказался тошнотворным. Кара сделала два глотка и закашлялась, тогда как кеджарка пила не отрываясь. К ним присоединились и другие рабыни, а давка у фургона с хлебом продолжала расти.

Решив, что с водой лучше повременить, Кара выпрямилась в тот момент, когда одна из пленниц, воспользовавшись толчеей, нырнула в высокие заросли травы на обочине. Кара затаила дыхание. До этого момента о побеге она даже не помышляла. Все мысли были заняты тем, как побыстрее найти клуатоны для купца из гильдии. Кара решила сделать ставку на Сатиса. Если она докажет свою ценность, вдруг купец поможет ей выбраться с болот раньше, чем Асхар потребует с нее Первый Купол Растерзателя. Сатис был жадным, Асхар – идейным. Если и выбирать меньшее зло, то пусть это будут человеческие слабости. Деньги любили все, а, судя по речам Сатиса и Асхара, клуатоны в цене никогда не падали.

Факелы, закрепленные на фургонах, освещали лишь ту часть дороги, куда выпустили рабов. Весь остальной мир тонул в темноте. Тем не менее болотник, раздававший хлеб, бросил мешок, и в его руках, затянутых в черные перчатки, появился лук. Кара даже не заметила, как человек извлек стрелу. Все его движения были ловкими и быстрыми. Секунда – и стрела устремилась в темноту ночи, в сторону, куда убежала женщина. Не было никакого шанса попасть

хоть во что-то в непроницаемом мраке, но раздался короткий вскрик, хрустнули ветки, упало тело.

Дед Ягар рассказывал о меткости болотников, но одно дело целиться в мишень при свете, другое – стрелять наугад в темноту. До этого момента как минимум в глазах еще двух рабынь Кара видела желание нырнуть в кусты следом за первой беглянкой, но сейчас все взоры потухли. Особенно после того, как спустили с цепи огромных собак, на которых ездили болотники. Если убежавшая рабыня и не была убита одним выстрелом, сейчас у нее не осталось шансов. Болотники отпустили всего двух собак, но те нашли жертву буквально за секунды. Раздались истошные вопли, и на этот раз они не смолкали долго.

Тот, кто раздавал хлеб, принялся бросать остатки хлеба, и Кара вдруг поняла, что не имеет права сдохнуть от голода по дороге. Страх, заставивший стоять истуканом, разбился о гнев и решимость. Она принялась проталкиваться сквозь толпу рабов, но вскоре поняла, что с ее ростом могло повезти только в первых рядах. Локти тоже не помогли. Кто-то схватил ее за волосы, отшвырнув в сторону. Вторая попытка вклиниться в толпу закончилась тем, что ее пнули в живот, потом саданули между лопаток, заставив опасно наклониться к земле. Понимая, что сейчас ее затопчут, Кара попятилась, защищая одной рукой еще незаживший сломанный нос, а другой живот, когда вдруг почувствовала, что ее схватили за воротник рубашки и поволокли из толпы.

Разглядев нависшего над ней Лэйна Гильяхора, Кара не выдержала и попыталась выместить на нем свое дурное настроение, но, схватив ее за макушку, он успешно держал ее на расстоянии, пока она колотила воздух. Дождавшись, когда Кара выдохнется, Лэйн сделал и вовсе необъяснимое. Порывисто притянул ее к себе, прижал к своей вонючей рубахе, а потом сунул ей в руки краюху хлеба и также быстро отстранился, пока она не пришла в себя.

Когда Кара очнулась, Лэйн уже забирался в свой фургон и на нее даже не оглядывался. Несмотря на бурю нахлынувших чувств, ей хватило ума спрятать хлеб, так как болотник уже закончил раздачу, и многим рабам еды не досталось. Кара ненавидела жалость – ни к другим людям, ни к себе. И хотя ей очень хотелось швырнуть корку хлеба вслед Лэйну, есть хотелось больше. Но в покровительстве она точно не нуждалась, а тем более в извинениях предателя. Впрочем, она не была уверена, что Лэйн извинялся. Ведь он должен был испытывать к ней такие же чувства, как и она к нему: ненависть и жажду мести. И уж точно не отдавать ей свой хлеб.

Вторая часть пути прошла без остановок и длилась куда дольше первой. На этот раз их не связывали, и Кара поняла почему. Прошла ночь, прокатился день, накаливший тесное пространство внутри фургона почти до атмосферы печи, потом снова навалилась темнота, которая лишь ненадолго остудила их тюрьму на колесах. Если бы рабы лежали все это время связанными, на ноги они бы уже не встали. Больше их не кормили и не поили. Кара успела съесть половину корки хлеба, пока всех загружали в фургон, другую половину у нее все-таки отобрали. Но без того хлеба до конечного пункта в сознании она бы не добралась. Помогла также влага, которая выступила на изнанке тента утром. Кара сидела с края у стенки, поэтому одна из первых заметила росу, за которую пришлось тоже драться.

На третий день изнурительного пути повозка остановилась.

Кара вывалилась вместе со всеми из душного фургона и, уткнувшись коленями в сырую, хлюпающую землю, жадно хватала влажный воздух, которым, конечно, нельзя было надыхаться. Она была уверена, что сейчас задохнется, и уж тем более, никогда не встанет на ноги, когда почувствовала, что ее тянут вверх – не за волосы, но за шиворот. Лэйн грубо встряхнул ее и кивнул вперед. Кара хотела огрызнуться, но проходивший мимо болотник огрел их хлыстом, удар которого должен был ужалить обоих, но почему-то достался Гильяхору. Наверное, потому что тот подался вперед, загородив ее своим великаньим ростом. Прежде чем Кара успела что-то сказать или сделать, и прежде, чем снова вмешался болотник, Лэйн толкнул ее

в спину. Каре пришлось быстро пойти вперед. Остановись она – непременно бы упала. А так, заковывая на негнущихся ногах вслед за теми, кто смог подняться. Тех, кто задержался на земле, приходя в себя после тяжелой поездки, настигли плети жестоких хозяев, сильно уменьшив шансы несчастных подняться.

Кара заставила себя идти, не оглядываясь. Она и так знала, что среди тех, кто не встал, осталась еще одна ее часть. Возможно, последняя из той, что принадлежала бывшей Каре. Ведь сама она затерялась в Тихом лесу, растворилась в нем вместе с Шигой и Синеглазкой. Сюда же, на Болота Кальмы, приехала другая Кара.

Та, которая отчаянно хотела вспомнить все то, что скрывали от нее память и прошлое. Та, которая хотела во Тьму.

Глава 14

Впереди маячили огни ее новой тюрьмы, которую Ягар считал «адам на земле». Не город и не деревня, поселение выглядело хаотичным и удручающим. У этого места и названия-то отдельного не было. «Болота Кальмы» объединяли земли от северо-восточных границ Альфарского королевства до юго-запада Тардара и представляли из себя, собственно, болото. Удушьющее, бездонное, смердящее. Насколько поняла Кара из перешептываний рабынь во время пути, поселение здесь было только одно. То, на которое она сейчас смотрела.

Из утреннего тумана проступали кособокие хижинки из тростника без окон и дверей, но с огромными щелями в стенах. Хижинки рабов отличались от хижин хозяев тем, что были больше, так как вмещали человек по сто, и стояли прямо на воняющей испарениями земле. Дома, в которых обитали болотники, располагались на сваях, имели лестницы и пристройки для ездовых собак и буйволов, которых Кара никогда раньше не видела. Примерно пять десятков хижин вытянулись в линию, насколько хватало взгляда влево и вправо. Ширина этой линии не превышала двух домов, но чаще всего, состояла из одной постройки. Хижинки служили границей, отделяющей сушь от топи.

Вначале Каре показалось, что курились соломенные крыши, но то поднимались сизые и бледно-зеленые испарения, сочившиеся из болота, которое подступало к стенам домов. Рабов привезли рано утром, еще до рассвета, но небо уже посветлело, позволяя разглядеть нерадостную картину ее ближайшего будущего. Внимание привлекали высокие сторожевые башни из тростника с лучниками на открытых площадках, а также огромные собаки, бродившие стаями между домов. К их группе сразу подвели несколько крупных псов, очевидно, вожаков, которые тщательно обнюхали каждого раба. Кара посмотрела в глаза одной из собак, не увидела в них ничего, потом взглянула на лучников, для которых все рабы уже были мертвецами, оглянулась назад. Там вздымался чужой непроходимый лес. Побег казался безумием. К тому же, у нее здесь имелось дело.

Когда ее колени почувствовали местную землю – еще там, у фургона, Кара поняла, что попала в правильное место. Здесь много раз умирали, а жирная грязь под ногами была перемешана с человеческими и животными останками. Она чувствовала себя корнем сорняка, который после длительной засухи впитал первые капли дождя. Ее черный одуванчик еще не очнулся от мертвецкой спячки, но Кара чувствовала, как с каждой минутой пребывания в этих проклятых землях разбивается вдребезги дело Ягара. Все то, от чего он ее ограждал, жадно тянулось к ней со всех уголков этого пропитанного влагой мира, но прежде всего – из земли.

А еще Кара сразу почувствовала клуатон, и его здесь было много. Разрушенные алтари мортов звали ее со стороны болот, обещая награду и скорое возвращение домой.

Приди к нам, вспомни, мы тебя ждали, звали они. Кара не знала, был ли среди них Первый Купол, но была уверена, что, по крайней мере, торговец Сатис останется довольным. Она завалит его клуатоном. Чтобы бороться с Асхаром, Каре нужны были союзники, пусть и временные. Сатис казался идеальным партнером хотя бы потому, что его интересовали деньги, а она была способна его озолотить.

Кара нащупала в кармане ухо деда и велела себе крепиться. Интуиция подсказывала: первые дни на болотах будут самыми трудными, но она должна выстоять. Ради деда и ради того будущего, которое их ждало. Они уедут в Тардар – сами или с помощью тех, кого она подкупит. Наконец, Кара поверила в себя достаточно, чтобы смело шагнуть в барак, где ей предстояло жить.

На Лэйна она не оглянулась, хотя чувствовала, что тот на нее смотрел. Кара еще не решила, должна ли ему за помощь в дороге. В конце концов, это благодаря ей он сейчас был жив. И это его проблемы, если он хотел сдохнуть в тюрьме своего ненаглядного Ордена.

Их привезли рано, остальные рабы в бараке только просыпались. Пол, устланный полу-сгнившей соломой, сверху – длинные ряды таких же неопрятных циновок. На испуганных лицах рабынь выразался весь спектр негативных чувств: от страха до ненависти. Стоявший в бараке запах говорил о болезнях, голоде, грызунах и нечистотах. Отхожее место у прохода представляло собой зловонную дыру, закрытую тряпкой. Личных вещей у рабынь не имелось, а обноски на грязных телах, скорее всего, были тем, в чем их сюда привезли.

Ее собственная юбка порвалась во многих местах, как и рукава рубашки, которые буквально болтались на нитях. Еще в дороге рослая кеджарка отобрала у нее сапоги, и пока Кара не придумала, как забрать их обратно. Они были в разных весовых категориях, к тому же боевой опыт кеджарки-воительницы заставлял Кару опасаться открытых конфликтов. Она умела драться, но события последних дней научили ее, что в некоторых случаях лучше уступить. Например, отдать сапоги, зато остаться с зубами. Кара видела, как кеджарка изуродовала лицо девушки, которая не захотела отдавать меховой жилет. Несчастливая до сих пор плевалась кровью, а в ее рту не осталось ни одного целого зуба. Та Кара, которая бросилась на рыцарей Сантаны в Тихом Лесу, осталась в прошлом. Новая Кара предпочитала сидеть тихо и ждать. Ждать своего часа.

– Это барак, – сказал болотник, носивший, как и другие хозяева, длинный плащ с капюшоном, маску на лице и тяжелые перчатки по локоть. – Я Усай, и я буду убивать всех, если все не подчинится. Сначала тут, потом работа. Вечером еда. Ночью сон. Утром еда. Мой Покрыль следит везде.

Он указал на полуптицу-полумышь, сидевшую у него на плече. Каре эта тварь сразу не понравилась, впрочем, как и собаки, и буйволы. Ей показалось, что Покрыль уставился сразу на нее. Будто именно она мечтала здесь о побеге.

Усай обращался ко всем сразу, говорил криво, неграмотно, зато доходчиво.

– Женщины копать глину и таскать кости, мужчины рубить лес, носить стволы. Это работа.

Пока новенькие молча тарасились на гнилые циновки и грязные тела, в барак протолкались еще двое болотников с хлыстами в руках. Изнемогая от жары, Кара могла только гадать, как местные ходили закутанными в длинные плащи и не умирали от теплового удара. А ведь еще и утро толком не началось. При виде болотников с хлыстами рабыни принялись торопливо подниматься с циновок, и тут приоткрылась первая дверь ада.

Тот, кто не смог подняться, признавался негодным для работы. Кара видела, как две девушки тащили за руки третью, пытаясь поднять ее с циновки, но та хваталась за живот, перевязанный грязной тряпкой. Из раны сочилась кровь с гноем. Где и как несчастную ранили, было уже неважно. Надзиратели огрели хлыстами всех, кто пытался помочь, отогнав их от раненой девушки. После чего грубо опрокинули ту на землю и выволокли за ноги из барака. На миг у Кары в груди все затряслось, а в сердце что-то оборвалось, но она заставила себя стоять на месте. Когда раненую тащили на улицу, ее голова ударилась о камень, на котором остался сгусток крови, а сама девица после этого замолчала. Звук, с которым безвольное человеческое тело волокли по чавкающей влажной грязи, Кара запомнила навсегда.

Еще семь рабынь не смогли подняться после ночи. Пятеро уже умерли, вероятно, до рассвета, а двух постигла участь первой рабыни. С той разницей, что они кричали всю дорогу, пока их волокли куда-то в недра поселения.

Когда болотники вышли из барака, вперед выступила рослая рабыня, которая, наверное, могла посмотреть в глаза Лэйну, не задирая голову.

– Меня зовут Хильма, я тут старшая, – сказала она. – Восемь мест освободилось, но вас больше. Остальные пусть ложатся в проходе. Завтра утром еще кто-то не встанет, получите свои циновки.

– Куда их утащили? – не выдержав, задала волнуящий всех вопрос одна из новеньких.

– Мяса здесь мало, – устало ответила Хильма. – Правило простое. Кто не поднимается утром, идет на корм собакам. Я скажу один раз, повторять не буду. И объяснять тоже. Сами разбирайтесь. Все плохое, что могло с вами случиться, уже случилось. У вас два пути. Утопиться в болотах и стать собачьей жратвой. Или вцепиться в жизнь зубами и держаться столько, сколько получится. Сейчас пойдем на кормежку. Дают кашу из корней тапиомуса. Первые дни от еды будет тошнить и выворачивать, потом привыкнете. Наш барак работает на третьем участке. Задача простая. Мы все тут строим стену. Утром поднимаем со дна глинистый ил и торф, складываем в корзины, тащим их к стене, опрокидываем, идем обратно. Ближе к вечеру мужчины приносят стволы деревьев, которые рубят весь день. Местная древесина очень твердая. Пока они укрепляют стену стволами, мы разбираем кости. Их приносят болотники. Складываем кости в корзину и втыкаем их в стену. Теперь слушайте внимательно. Я не знаю, зачем мы это делаем. Не спрашивайте. Кости – наши, то есть, тех, кто умер за день или не встал утром. А также мертвецов, которых болотники скупают в городах. Пока днем женщины собирают торф, а мужчины валят лес, жители этого ада – болотники, варят трупы. К этому делу они никого не пускают. Вечером нам приносят вываренные кости, которые мы втыкаем в стену. Это их ритуал, о котором я не хочу ничего знать. Работаем до заката, потом едим и сюда. Самая страшная беда на болотах – мошка. От нее можно спастись только грязью, но в ней много заразы. Если есть порезы и раны, они воспалятся, и вы умрете от заражения. Нас не лечат, мы не моемся, мы существуем. Пока я не сдохла, мое слово в этом бараке – закон.

– А сколько здесь всего участков? – Кара не знала, что ее потянуло за язык, но вопросу удивились все, и новенькие, и сама Хильма.

– Если хочешь бежать, лучше просто выйди ночью из барака, – ответила та. – Тебя загрызут либо комары, либо собаки. Сможешь сделать два шага – и получишь стрелу. Если повезет, даже мучиться не будешь. Здесь, на болотах, бежать некуда. Там, за стеной, непроходимые топи, но их непроходимость – меньшая из проблем. Болотники – не люди, а твари с колдовским умением стрелять в темноте на любую дистанцию. При мне пятеро девчонок пытались бежать в болота за стену. Собаки притащили всех в тот же день – уже подстреленных.

– А если назад бежать? – робко спросила одна из новеньких альфарок. – Там, вроде, леса, не болота. Вдоль дороги, по которой нас везли Кто-нибудь пробовал?

– Да, – кивнула Хильма. – Пробовали. Я же сказала. Мяса тут мало, собаки всегда голодные. Но преданные. Любую добычу сначала приносят хозяевам. При мне три раба бежали в те леса. А потом видела, как псы возвращались из дебрей с кровавыми кусками в зубах.

– Значит, ты не знаешь, сколько участков на этих болотах? – переспросила Кара, чувствуя, что дерзит, но в то же время понимая, что ей нужна любая информация.

– Восемь, – не сразу ответила Хильма, смерив ее взглядом с ног до головы. – Ты мне не нравишься, спать будешь у порога.

Если старшая по бараку ожидала возражений и ругани, то ошиблась. Отхожее место, которое находилось там же, у двери, источало зловоние, но Кара не собиралась сражаться за иерархию в этом «дворце», потому что воняло в нем везде – где-то слабее, а где-то сильнее. К тому же, она была мормом, и к запахам относилась иначе, чем другие люди. Не было запахов плохих или хороших. Были запахи, предупреждающие об опасности. И в таком случае сон на циновках, оставшихся после умерших от неизвестных болезней женщин, которые, в том числе, ходили под себя, казался ей опаснее, чем сон у прохода, где ходил легкий сквозняк. Он же заносил мошку с комарами, но Кара уже поняла, что чистота – не про это место. От гнилой соломы, которую расхватывали другие рабыни, она тоже отказалась. В ней просыпались странные инстинкты, которые подсказывали, что у стены лучше выкопать небольшую яму и стать в земле, а не в гниющей траве или на заразной циновке.

– Здесь ты лежать тоже не будешь, – кеджарка, которая забрала у Кары сапоги, и которая уже сдружилась со старшей Хильмой, вдруг возникла рядом. – Ступай за тряпку, к сральной яме. Там будешь спать.

Каре стало заранее жаль своих зубов, но поднялась она с камнем в руках. Не получалось у нее быть незаметной и угодливой. Как говорил Ягар: от волка побежишь, на медведя нарвешься.

Она напала первой, выбросив руку с камнем в живот кеджарке. Та легко уклонилась, попыталась поймать локоть Кары в захват с явным желанием сломать его, но дед вовремя нащептал, как избежать ловушки, и Кара кувыркнулась между ног кеджарки, и, оказавшись у той за спиной, швырнула камень противнице в затылок. Удар достиг цели, полилась кровь, но с ног кеджарка не свалилась. Здоровая была, как тот буйвол. Обернувшись, она метнула в Кару взгляд, от которого сжались внутренности.

Ни Хильма, ни другие рабыни вмешиваться в драку не спешили, болотники тоже на шум не заявились. Очевидно, своры в бараке были привычным делом.

В то утро Каре грозило остаться без зубов как минимум и с переломанными руками и ребрами, как максимум, но тут в проходе замаячили гости. Две альфарки уверенно вошли в барак, вклинившись между Карой и кеджаркой, а за ними зашла тень. По крайней мере, Каре сначала так показалось. Старуха, которая опиралась на палку, была ветхой и еле передвигала свои ноги-тростинки, обтянутые грязным тряпьем. Метнув взгляд на улицу, Кара увидела рабынь, толпившихся у соседнего барака, из чего сделала вывод, что процессия явилась оттуда. Судя по тому, как вытянулись лица у всех рабынь, старуха имела особый статус, хотя и сама, вероятно, была в рабстве.

Кеджарка, дравшаяся в Карой, попыталась было воспользоваться ситуацией и схватить Кару за волосы, но Хильма, до того равнодушная к сваре, резко ее окликнула и кеджарка нехотя отступила, решив не портить отношения с той, кто старше.

– Крайна, – прошептала Хильма, склоняя голову перед старухой. Также поступили остальные рабыни и те из новеньких, кто был подогадливее. Правильно вписаться в местную иерархию – основы выживания. Очевидно, старая Крайна была старожилкой, кем-то вроде главной старосты, слово которой имело вес, куда больший, чем у тех, кто заправлял в бараках.

Хильма вытолкнула вперед новеньких рабынь, и старуха принялась их разглядывать.

– Слабая кровь, – наконец, изрекла она скрипучим голосом. – Умрете быстро.

– Помоги нам, Крайна, – сказала Хильма и протянула старухе крупную голубую бусину. – Заговори, зашепчи, дай силы.

Старая карга нехотя взяла украшение паучьими пальцами и, повертев его, опустила в кошель на поясе.

– Саргуль с тобой, милая. До конца недели жить будешь.

Хильма просияла так, будто ей пообещали вечную жизнь. Потом другие рабыни потянулись к старухе со своими скудными дарами: причудливые травинки, головки цветов, необычной формы камни, кусочек красивой ткани, гладкая косточка, яркая шляпка гриба. Все, что можно было найти в болоте и тайком принести старой ведьме в обмен на обещание, что ты проживешь еще пару дней.

Кара с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. И даже сюда мошенницы добрались! Новенькие рабыни тоже принялись рыться по карманам, но дарить ведьме тем, кто прошел через тюрьму, палачей и рабовладельческий рынок, было нечего. Некоторые, гонимые страхом, снимали с себя последнее, но привередливая ведьма брала не все. Косынку, которую ей протянула одна альфарка, старуха швырнула обратно:

– Вечером после работы приходи. Найдешь что стоящее, жить будешь еще три дня. Ничего не принесешь – сдохнешь сегодня ночью.

Кара с трудом удержалась от язвительного слова, но тут маленькие глазки карги остановились на ее кармане, в котором Кара держала руку, крепко сжимая дедово ухо.

– Что у тебя там? – спросила Краяна, не удосуживаясь взглянуть ей в лицо.

– Что там – то мое, – Кара знала, что прямо сейчас наживает врагов, но не могла ничего с собой поделывать. В ней поднималась буря. – А хочешь я скажу, когда умрешь ты?

И тут ее будто в жар бросило. Каре и так было душно, но чувство, которое поднялось из груди, создав ощущение, будто она горит, ничего общего с нагревающим мир солнцем не имело. Она не знала ни имени старухи, ни того, кем та являлась на самом деле, но была абсолютно уверена, что жить той осталось не больше недели. Более того, Кара знала, что если коснется старушечьей кожи, то назовет не только день, но и точное время ее смерти.

– Ишь побледнела вся, – хохотнула Хильма. – Правильно боишься, сейчас с тобой Краяна разберется. Не видать тебе ни третьего участка, ни восьмого. Здесь сдохнешь.

Сопровождающие старуху рабыни тоже заголосили, что Кара сейчас непременно умрет, сама же Кара сердито уставилась в полуслепые глаза Краяны, которые та наконец удосужилась на нее поднять.

А дальше случилось непредвиденное. Едва взглянув в лицо Кары, старуха сначала подавалась вперед, будто не веря глазам, а затем отшатнулась назад, врезавшись в Хильму.

– Великая Темная, – пробормотала она, потрясла головой, потом, снова уставившись на Кару, вытаращилась пуще прежнего. – Ты пришла, как обещала. Прости, старую, я сослепу не заметила.

– Сходи с ума где-нибудь еще, а ко мне не подходи, – грубо ответила Кара и направилась к своей яме.

– Нет-нет, только не сюда, ты не должна здесь спать, – засуетилась старуха, не обращая внимание на встревоженные взгляды Хильмы и своих компаньонов. – Пойдем в мой барак, я тебе лежанку свою уступлю, она чистая, каждый день меняют.

– С чего бы такая доброта? – спросила Кара, уперев руки в боки. Мало у нее своих проблем, что ли? Теперь еще и с безумной старухой разбираться. – Ты меня, старая, попутала с кем-то.

– Может, я и старая, да тебя, Кара, ни с кем не перепутаешь, – сказала Краяна и кивнула своим «служанкам». – А ну, тащите сюда мой лежак, я теперь в этом бараке живу. И девушке этой циновку и свежую солому принесите. Поступай, как хочешь, Кара, ты ведь всегда так делала. Кто я такая, чтобы с тобой спорить. Тебе ведь лет семнадцать сейчас, верно? Не вспомнила, наверное, еще. Да только, когда вспомнишь, помяни старую Краяну добрым словом. Я всегда тебе верна была, как и Саргуль, повелитель наш.

Рабыни замерли, не зная, как реагировать на странное поведение старой ведьмы, но репутация Краяны была непоколебимой и вот уже все засуетились, выполняя ее поручения.

– Дочка ее, наверное, – услышала Кара шепоток Хильмы. – Лучше ведьму не злить, делайте, как сказала.

– И мои сапоги отдай, – Кара кивнула кеджарке, решив воспользоваться ситуацией. Неважно, с кем ее там перепутала старая карга, и неважно, откуда та знала ее имя, важно вернуть обувь, чтобы не ходить по грязи голыми пятками.

Кеджарка было заартачилась, но Краяна только рукой махнула, и к новенькой сразу направились ее крепкие помощницы. К Каре в миг вернулись сапоги, а старуха тем временем продолжила хозяйничать в бараке. Прогнала с циновки едва ли не половину рабынь, велел им перейти в свой барак, а на освободившееся место водрузила свой лежак, который представлял собой огромный мешок, набитый соломой – с виду чистый.

– Прошу, не гневайся, – промолвила старая, – позволь мне устроить тебя получше. Смотри, какой хороший матрас. Мягче на болотах не найти.

Но в Каре поднялось какое-то внутреннее сопротивление. Крайна ей не нравилось, и друзей она заводить не собиралась. Как не собиралась задерживаться в этом месте надолго. Кара уже чувствовала клуатон. И меньше всего на свете ей хотелось привлечь внимание.

– Я останусь там, где останусь, но циновку новую возьму, – решила она. – А почему тебя, старая, до сих пор не отправили на корм собакам?

Хильма, которая вытащила откуда-то новую циновку, даже замерла на полпути от такой дерзости.

– Потому что я каждое утро сама поднимаюсь, – даже без намека на обиду сказала Крайна. – Теперь же, когда ты явилась, мое бдение подходит к концу. Пусть ты не помнишь и пусть тебе не нравится то, что я говорю, но прими мое почтение, великая Кара. Пока ты делаешь то, что привело тебя сюда, я всегда буду твоей опорой. Все, что хочешь, будет исполнено.

– Девочек перестань грабить, – бросила Кара, порядком уставшая от чужих игр.

– Все, как ты скажешь, – покорно склонила голову старая ведьма.

А потом в барак заявили болотники и показали, кто тут настоящий хозяин, погнав всех на работу. Крайна, действительно, встала сама и поковыляла вслед за остальными.

Глава 15

Кухня, где рабы завтракали, располагалась на солнцепеке за постройками. И хотя поднявшееся светило жарило знатно, у кухни имелось и преимущество: здесь отсутствовали комары и мошка. Мужчины у трех огромных котлов разливали похлебку в тугие свернутые листья, похожие на лопух. Похлебка воняла носками и служила и едой, и питьем. Ели, сидя на земле. Очувтившись среди других рабов, Кара невольно поискала глазами Лэйна. Как происходил дележ мест в мужском бараке? Вероятно, там тоже не должно было обойтись без драки.

Несмотря на то что на Болотах Кальмы собрались рабы с разных частей света, Лэйн по-прежнему выделялся ростом. Свежих синяков на нем не появилось, зато у некоторых рабов, вышедших из его барака, кровоточили носы, из чего Кара сделала вывод, что драка все-таки состоялась. Впрочем, ей было все равно, как там устроился Лэйн. Он был ее прошлым, она же смотрела в будущее.

Встав в очередь к котлу, Кара удивилась, когда повар, разливавший похлебку, ее окликнул. Перестав черпать вонючее варево и гаркнув на возмущенных рабов, чтобы те замолчали, мужчина направился к ней.

– Ты Кара из Овражьего Гара? – спросил он, нависая неопытной тучей.

Бороду он подрезал явно сам, неровно, как мог, волосы свисали грязными космами, руки – черные по локоть, совсем не походили на руки повара. Представив, как он чистит этими руками корни тапиомуса, из которых состояла похлебка, Кара с трудом сдержала тошноту. Кстати, этот тапиомус она совершенно неожиданно вспомнила. И нет, не из дедовых рассказов. Растение всплыло из недр памяти таким же образом, как и заклинания из книги Асхара. Тапиомус использовали, когда варили зелье покорности. Корень притуплял волю, из чего Кара сделала вывод, что болотники все же боялись бунта.

Она перехватила встревоженный взгляд Лэйна, который будто спрашивал: нужна ли помощь? Кара вспыхнула и коротко мотнула головой, что бы этот взгляд ни значил. Мол, не вмешивайся. Впрочем, на нее и повара тарасились многие.

– Да, это я, – наконец, сказала она, решив, что скрывать имя нет смысла. Старуха, вон, тоже ее откуда-то знала.

– Подыграй мне, – шепнул повар, а вслух сказал:

– По праву белой собаки я забираю эту девчонку.

Кара злобно уставилась на него, но повар уже схватил ее за руку и потащил с холма.

– К другим котлам вставайте, – крикнул он недовольным рабам.

Кара не знала, что и думать. Кричать, сопротивляться или послушаться и пойти следом, чтобы посмотреть, что будет дальше, когда на их пути вырост Лэйн. Болотник с ближайшей вышки даже голову в их сторону не повернул, а значит, с точки зрения хозяев, на поляне не происходило ничего необычного.

– Уйди с дороги, мужик, – буркнул повар и поворотил рожу, не желая встречаться с Лэйном взглядом. – Это мое право. Хочешь, чтобы тебя стрелы утыкали, только скажи.

– Лэйн, уйди, – повторила Кара. – Это мое дело. А твое – не попадаться мне в жизни больше никогда.

– Брат, жених, муж? – спросил повар, по-прежнему не глядя на бывшего рыцаря.

– Тебя не касается, – отрезала Кара. – Чего сам-то хотел? И что это за право белой собаки?

– Там скажу, – мужчина кивнул на хижину под холмом. – Времени мало, скоро на работу, надо спешить.

Решив, что в словах Хильмы звучала правда, и что хуже с ней уже ничего быть не могло, Кара уперлась рукой Лэйну в живот, понимая, что отодвинуть его у нее все равно сил не хватит, но он отошел сам. Однако взгляд его на своей спине Кара чувствовала до самой хижины.

Внутри было темно и душно, но, судя по всему, долгие разговоры повар разговаривать не собирался.

– Я Зорфус, и я человек Сатиса, купца из Гильдии. Камешки клуатона, какие найдешь, мне отдавай. Понятно?

Что ж, похоже знакомство было полезным. Имя Зорфус показалось ей знакомым, и Кара прищурилась.

– Не ты ли тот беглый рыцарь из Ордена Сантаны? В Тихом Лесу у Овражьего Гара тебя долго искали.

– Ну, я, – смутился повар. – Мир тесен. Как видишь, далеко я не убежал, попал к болотникам. Орден всяко хуже рабства, уж лучше здесь, чем там.

– Ты не плохо тут устроился. В повара попал, девчонок по какому-то там праву собаки выбираешь.

– Как мне еще было с тобой поговорить? – развел руками Зорфус и почесал криво стриженую бороду. – В повара меня Сатис устроил, у него везде связи. Право белой собаки получают те, кто на болотах грязь не месит. Я лучше кормлюсь и женщин могу выбирать. Поэтому каждый вечер сначала ко мне заходи, потом к себе в барак топай. Будешь умненькой и покладистой, сработаемся.

Кара прищурилась, размышляя, стоит ли уточнять, что именно будет происходить вечером в хижине у Зорфуса, но решила не торопить события. Сотрудничество с Сатисом ей было необходимо. Однако кое-что из памяти всплыло, и удержать язык за зубами не получилось.

– Лэйн Гильяхор, раб, который преградил нам путь, говорил, что вы с ним дружили, – сказала Кара, решив, что некоторые моменты лучше не оставлять в тайне. – От него же знаю, что с женщинами ты больше не можешь. Палачи Ордена тебя покалечили. Зачем же тебе тогда рабыни? И разве ты не узнал Лэйна?

Вот так, вывалить все на духу – очень даже в ее характере.

– Твое дело таскать клуатоны, – ожидаемо фыркнул Зорфус и кивнул ей на дверь. – а не в прошлом моем копаться. Мортов я с трудом перевариваю, хотя на вопрос твой отвечу. В моей мужской силе не сомневайся. Хочешь, прямо сейчас проверим, могу я с женщинами или нет. Я потому к мортам и сбежал, что они умеют человеческое тело менять. В общем, морты мне здорово помогли, да только пересечь границу не получилось, Сатису я попался. Что до Лэйна, то, как он здесь оказался, знать не хочу. И дел с ним иметь не собираюсь. До вечера, крошка. Постарайся не утонуть в первый же день. С твоим ростом это несложно.

С Зорфусом Кара рассталась озадаченной. Иметь в посредниках бывшего рыцаря Ордена Сантаны не хотелось, но выбрать не приходилось.

Третий участок, на котором трудились рабы из барака Кары, находился примерно в часе ходьбы от поселка. Встречи со странной старухой и с Зорфусом забылись в первые минуты, как Кара очутилась в болотной грязи. С тех пор как она окунула в болотную жижу руки, ее перестало волновать все, кроме мошки, которая умудрялась кусать даже сквозь грязь. Кара не стала пренебрегать советами и тщательно вымазалась тиной, которую подняла со дна, но средство не сильно-то помогало. Ведь еще оставались пиявки и какие-то гады, которые грызли в мутной воде.

Работа была однообразной: набирать грязь в корзины и тащить к стене. Кара ни за что не догадалась бы назвать небольшой вал, который едва ли возвышался на метр, стеной. Ей показалось странным, что сооружение было таким небольшим, несмотря на то что над ним трудилось несколько сот рабынь не один десяток лет. Как и сказала Хильма, мужчины работали в лесах – оттуда раздавался стук топоров. И хотя Кара старалась думать о клуатоне, мысли то и дело возвращались к Лэйну. Почему он так поступил с ней и с Ягаром? И что она на самом деле к нему чувствовала?

Впрочем, к середине дня мошка достала ее настолько, что Кара ни о каком прошлом думать уже не могла. Было только настоящее, наполненное грязью, комарами и удушающей жарой. Удивление вызвала старуха Крайна, которая в бараке шаталась, как тростник на ветру, но здесь наравне с остальными таскала корзины, хоть и наполовину заполненные. Никто не помогал старой, и Кара поняла, что причина в болотнике, который восседал на сторожевой башне неподалеку.

Солнце еще не приблизилось к зениту, когда случилось несчастье. Одна из женщин наступила на что-то под водой и, дико закричав, плюхнулась в грязь, хватаясь за раненую ногу. Болотная жижа вокруг нее медленно окрашивалась в бордово-красный оттенок. Кара дернулась было к женщине, но старуха Крайна, которая в то время копошилась неподалеку, схватила ее за руку останавливая. И тут же отпустила, вернувшись к своей корзине.

Но одна из новеньких рабынь все же подгребла к раненой женщине, что, как потом выяснилось, было запрещено. Пока они вместе возились в грязи, с вышки спустился болотник, и Кара узнала в нем Усая. Хозяин передвигался по болоту на высоких шестах с перекладинами, да так ловко, что уже через пару минут оказался рядом с женщинами. Взмах клинка, и головы полетели у одной, и у другой. Никто даже вскрикнуть не успел, так быстро все случилось. Потом Усай для острастки хлестнул кнутом по спинам всех, кто стоял неподалеку. Несколько рабынь, не выдержав, окунулись с головой в болотную топь, но быстро вынырнули, отфыркиваясь. Кару кнут задел по руке, и боль обожгла с такой силой, будто на кожу попала горящая головешка. Кровь смешалась с болотной жижей, в которой, определенно, была соль, потому что щипало рану немилосердно. Впрочем, никто не стонал, чтобы не привлечь внимание Усая, заткнулась и Кара, хотя выть от боли хотелось во всю глотку.

Помогла ненависть к Асхару, так как злиться на Лэйна сейчас не получалось.

Странное, нелогичное и тем самым пугающее творилось на Болотах Кальмы. Болотники нисколько не ценили тех, за которых заплатили деньги. В действиях Усая сквозила неприкрытая ненависть, корни которой проросли слишком глубоко в болотные топи. Когда болотники вытаскивали из топи обезглавленное тело той рабыни, что первой упала в воду, на ее ноге показалась металлическая ловушка с зубьями-клиньями, какие в Тихом лесу бывало ставили на крупную дичь.

Кара видела, как запаниковали новенькие, да и ей стало не по себе. Мутная вода скрывала не только кровожадных тварей. Но откуда здесь взялись подобные ловушки? Старуха поймала ее вопрошающий взгляд и коротко мотнула головой, кивнув на Усая. Мол, все вопросы потом.

К полудню воздух остановился, прекратилось даже малейшее дуновение, и Кара поняла, почему Кальму называли адом на земле. Все рабыни были похожи на чудовищ, кожа которых сочилась кровью и грязью. И если утром работа показалась ей сносной, то через шесть часов однообразного хождения с полными корзинами к стене и обратно Кара была готова на все что угодно, лишь бы оказаться не здесь.

Одна из новеньких сдалась ближе к вечеру. Села в топь, швырнула корзину в сторожевую вышку и раскинула руки в стороны. Так и сидела, пока к ней на своих высоких шестах добирался Усай. Кара отвернулась, но все равно слышала хруст, с каким голова отделилась от тела. В болото отрубленной голове шлепнуться не дали, потому что Усай унес ее в руках, как трофей.

Когда красное, ядовитое солнце коснулось горизонта, а Кара уже не чувствовала ничего – ни боли, ни усталости, ни ненависти, болотники притащили огромное ведро костей, от которых пахло свежей мертвечиной. Работа кончилась, начался ритуал. Каждая из рабынь подошла к ведру, вытащила наугад кость и поплелась – в тысячный раз, к стене, которую и стеной с трудом можно было назвать. То был вал из грязи, сотворенный воспаленным сознанием больного ребенка. Именно такое сравнение пришло на ум Каре, когда она глядела на сочащуюся грязью невысокую стену. Соорудить выше никак не получалось.

Одну новенькую рабыню вывернуло, когда она вытащила из ведра гладкий, только что вываренный череп. Кара уже не задавала себе вопросы. Она просто знала, что это череп той девушки, которая отказалась терпеть муки здешнего ада и предпочла, чтобы болотник отрубил ей голову. Сама Кара спокойно извлекла берцовую кость и потащила с ней к стене, с трудом веря, что дневной кошмар подходит к концу. Кость принадлежала мужчине, который умер от голода в Имаргоне неделю назад. Стоило захотеть, и Кара узнала бы откуда он родом, и как жил, но ее единственным желанием было растянуться на циновке и больше не шевелиться.

В тот момент, когда она втыкала свою кость в стену, Кара нащупала под ногами первый клуатон. Вернее, поняла, что заветный камешек находился прямо под ней, утопал на расстоянии примерно полуметра. Секунду она колебалась, неуверенная, что интуиция подсказывает верно, потом решила. Слегка дернула кость на себя, сделав вид, что пытается ее поправить, в результате, уронила в воду. Почувствовав взгляд, оглянулась и увидела Усяя, который внимательно за ней наблюдал. Сердце скакнуло от страха, но Кара напомнила себе, ради чего она тут, и набрав воздуха, нырнула в жижу.

Следующие секунды прошли на острие чувств. Ей казалось, что на голову опускается сабля Усяя, или что нога попадает в зубья смертельной ловушки, или что неведанная болотная живность откусывает ее пальцы. Израненное москитами и кнутом тело щипало и горело огнем, но ее старания были вознаграждены.

Кара схватила клуатон – он был гладкий и некрупный, зато потеряла берцовую кость, которую должна была воткнуть в стену. Она была уверена, что болотник наблюдал за ней с особой тщательностью. А может, уже и направлялся к тому месту, где она погрузилась в топь. Легкие разрывались, когда Кара нащупала что-то похожее на кость и вынырнула, громко отфыркиваясь. Первым делом она увидела расширенные от ужаса зрачки старухи, которая, кажется, реально за нее волновалась, потом заметила Усяя, который, действительно, к ним направлялся.

Кара потрясла в воздухе костью и торжественно вонзила ее в грязное месиво. И только тогда выдохнула, когда увидела, что Усай убрал руку с рукояти клинка и отвернулся. А потом поняла, что вытащила из топи совсем другую кость – не берцовую. Болотник с дальнего расстояния мог не заметить, однако Кару не оставляла тревога. Тот, кто варил целыми днями человеческие тела, должен был разбираться в костях с какого угодно расстояния.

Как бы там ни было, но Усай к ней не прицепился, когда неживые и немертвые рабыни выползали с болот, а он считал их по головам. У входа в поселок рабыни встретились с группой мужчин, каждый из которых нес на плечах по стволу дерева. Кара искала глазами Лэйна, но тут один раб уронил ствол, который, покотившись, сшиб еще двоих, в результате поднялась давка, а потом рабов загородили черные плащи болотников, уже обнаживших клинки.

Что было дальше, им не показали. Толкнули в сторону холма, где располагалась кухня, и ноги побежали туда сами. Голод и жажда оказались сильнее тревоги за Лэйна, которая терзала Кару. Признавшись себе в этом, она решила не копать глубже. И так было понятно, что гамма ее чувств к бывшему рыцарю одной ненавистью не ограничивалась. Кара сломала ему судьбу так же, как и он ей. Может, даже больше. Глядя, как болотники прохаживались кнутом по спинам рабов, Кара даже подумала, что Лэйн, возможно, выбрал бы смертную казнь в стенах родного Ордена, чем подобное существование. Если она хотела отомстить, то у нее получилось.

Оказалось, что у статуса «девочки повара» имелась привилегия кормиться в его хижине. К похлебке из тапиомуса Зорфус добавил кусок черного хлеба и пару красных ягод, на вид Каре незнакомых. Ее также дожидались кувшин горячей воды, мыло и даже полотенце. Какие бы связи ни были у Сатиса, но Зорфус явно прилагал усилия, чтобы устроиться еще лучше. Кара сразу поняла, почему Зорфус позаботился о ее чистоте. На Болотах Кальмы люди очень быстро превращались в тварей. С нее стекала грязь, и повару было противно трогать ее в таком виде. Клуатон клуатоном, а от своей привилегии он отказываться не хотел.

Впрочем, от горячей воды Кара отказываться тоже не собиралась и с удовольствием смыла грязь, которая на солнце стала засыхать, превращаясь в корку. С одеждой ничего поделывать было нельзя. Она изменила цвет навсегда и стирке не поддавалась, но ощущение чистого лица и рук дорогого стоило.

– Нравится камешек? – спросила Кара, когда Зорфус разглядывал клуатон. Восхищение в его глазах было неподдельным.

– До тебя тут был один морт, – нехотя признался повар, – но он принес первый камешек только на второй месяц. Я его не застал. Узнал от человека, который работал связным Сатиса до меня.

– И что с ними стало? С тем поваром и с мортом?

– Морта сожгли, повара потом тоже.

– Значит, мы в одной связке, – заключила Кара. – Ты же знаешь, кто такие морты, верно?

– И что? – нахмурился Зорфус.

– Для нас, мортов, что смерть, что жизнь – все едино. Я не верю, что Сатис вытащит меня отсюда. Зато в это веришь ты – в свою свободу, которую подарит тебе Торговая Гильдия за услуги. Так оно и случится, если не наделаешь ошибок. И если выполнишь кое-какие мои условия. Во-первых, будешь давать Лэйну хлеб и горячую воду, как и мне. Во-вторых, не смей доставать свой стручок в моем присутствии. Или он у тебя отсохнет. Сомневаешься, что я смогу на тебя наколдовать, дерзни. Ты же сам убедился, что морты умеют менять человеческие тела. И это работает не только в сторону прибавления.

– Ведьма, не смей тут командовать!

– Сгорю я, сгоришь и ты, – медленно произнесла Кара, тщательно выговаривая слова. – Помни об этом.

И вышла, чувствуя, что ходит по тонкому льду. В такой жаре у льда, вообще, не могло быть шансов. Зорфус ее не преследовал, хотя Кара еще долго чувствовала его взгляд на спине.

В барак она успела вернуться как раз до темноты. Видимо, болотники были привыкшие к тому, что рабыни перемещались из хижин привилегированной прислуги к своим баракам, поэтому к Каре никто не прицепился, разве что псы провожали голодными глазами.

Большинство рабынь уже спали, только старуха дожидалась ее возвращения. Глядя на грязную рабыню, лежавшую по соседству на вонючей циновке, Каре стало совестно за свой более-менее чистый вид. Крайна выглядела тоже почище. Она обтиралась влажными листьями, из которых выдавливала сок. Смятые зеленые комки виднелись у некоторых циновок, подсказывая, как именно рабыням удавалось поддерживать подобие чистоты.

– Освежись, – Крайна протянула ей пару листьев, и Кара отказываться не стала. Растение приятно пахло мятой.

Помолчали. Каре казалось, что она еще недавно спала в хижине деда в Тихом лесу. События мчались с огромной скоростью, не было времени остановиться и подумать. Даже сейчас, оглушенная промелькнувшим днем, Кара не могла себя заставить мыслить. Слушала хрипы, храпы и стоны изнуренных рабынь, бездумно смотрела в темноту.

– Чего ты от меня ждешь? – наконец, спросила она терпеливо молчавшую Крайну. – Через пару недель мне исполнится восемнадцать, и все это время я жила с дедом в лесу рядом с деревней мортов. О себе я больше ничего не знаю. Я где-то перешла дорогу Ордену Сантаны, и они отправили меня сюда, а деда взяли в плен.

– Как зовут твоего деда?

– Ягар.

Старуха пожевала губами, хотела что-то сказать, но промолчала. Они просидели в тишине еще с полчаса. К Каре сон не шел, старуху, возможно, тоже одолевала бессонница.

– Тебя нужно принять себя, – наконец, произнесла очевидное старая карга. – Иначе здесь не выжить. Спрашивай, что хотела спросить.

– Зачем мы строим эту странную стену? – у Кары, действительно, вертелась на языке пара вопросов. – И от кого?

– Стена от принца нашего Саргуля, – тяжело вздохнув, ответила бабка. – Раньше он единовластно правил этими землями, а я последняя из его подданных, кто остался в живых. Саргуля пленили, когда пал Растерзатель, и утопили в самой большой чарусе. Ты знаешь, что такое чаруса, детка?

Кара знала, но старуха пустилась в объяснения, просто потому что этой ночью ей хотелось поговорить.

– Чарусу сложно приметить. Ты будто по волшебному цветущему ковру ступаешь, но сделаешь шаг – и с головой уйдешь в бездонный колодец. Сверху чаруса покрыта цветами – лютиками, звездоплавкой, белладонной, но растут они на тонком мшистом ковре, который не то что вес человека, и вес собаки не выдержит. А под цветами – вода. Чаруса, где схоронили Саргуля, «синяя». Там синими колокольчиками все поросло. Вокруг гниющего валежника пропасть, подобраться сложно. Я была там, когда его топили, страшно кричал он, родимый, все тебя звал, великая.

– Меня зовут Кара, и это самое распространенное имя у мортов, – мрачно заметила девушка. – Знаешь, сколько Кар жило и живет в Альфарском королевстве?

– Наверное, много, – согласилась Краяна. – А ты никогда не задумывалась, почему у мортов это имя так популярно?

Кажется, Кару об этом уже спрашивали.

– Что там дальше про Саргуля? – перебила ее девушка, которой намеки старухи не нравились.

– Лежит он теперь в темной воде, – вздохнула Краяна. – Нас же, его подданных пленили рыцари и отдали в рабство болотникам, которые пришли в эти земли вместе с Орденом Сантаны. Говорят, что болотники – это бывшие островитяне, заключившие сделку с рыцарями. Остров их ушел под воду, а они за службу альфарам получили эти земли. Как бы там ни было, но сейчас в живых осталась только я.

– Так ты морт? – изумилась Кара, так как думала, что может почувствовать морта на расстоянии.

– Не совсем, – прокричала бабка. – Но мой народ всегда дружил с мортами, и на войне мы держались на одной стороне.

Старая рассуждала так, будто она была участницей Каменной войны, но в то, что ей шестьсот лет, Кара не верила.

– Так что там со стеной?

– Все понимают, что это не то сооружение, которое охраняет границы, – отозвалась Краяна.

– Колдовство, – кивнула Кара своим мыслям.

– Именно так. Не наше, не мое, не мортовское. Магия рыцарей Сантаны и болотников. Каждый день мы лепим вал из грязи и камней, втыкаем в него кости мертвецов и валим сверху стволы свежесрубленных деревьев. Все это как ингредиенты для зелья. Если использовать деревья, поваленные неделю назад, Саргуль проснется. Если не втыкать в грязь кости мертвецов каждый вечер, Саргуль проснется. Я здесь очень давно, девочка. Видела, как морты много раз засылали сюда разведчиков, чтобы пробудить принца Саргуля, но болотники всегда их раскрывали. Местные считают мортов кровными врагами и убивают их особенно жестоко. Поэтому, прошу, будь осторожна.

– Зачем мортам будить Саргуля? – спросила Кара, чувствуя одновременно наивность и серьезность своего вопроса.

Старуха странно на нее покосилась.

– Меня никто не посылал. Я здесь сама по себе. – Кара умолчала про клуатон, не готовая откровенничать. – И я, честно, не знаю, кто такой Саргуль.

– Эх, – прокряхтела старая. – Саргуль был великим некромантом Растерзателя. Сегодня морты утратили былую силу. Великий некромант прошлого мог бы сильно изменить ход всей истории. Но кто я такая, чтобы торопить события. Ты уже здесь, а значит, пусть все идет как идет.

Кара замолчала, обдумывая услышанное. По крайней мере, со старухой все стало немного понятнее. Крайна разглядела в ней морта и решила, что Кару отправили сюда повстанцы. Значит, нужно быть, действительно, осторожной. Как бы не вляпаться в местные интриги. Ей и одних болот хватало.

– Говорят, что где-то здесь затоплен Первый алтарь Растерзателя, – спрашивать было опасно, но старуха была, пожалуй, единственная, кто мог бы ответить на этот вопрос.

– Никогда о таком не слышала, – прокряхтела Крайна, и Кара поняла, что старуха лжет. Впрочем, искать Первый алтарь для Асхара Кара все равно не собиралась. Пусть старая остается со своими тайнами. И со своим Саргулем. Кара уже убедилась, что в местном болоте есть клуатоны. Больше ей ничего не требовалось. Впереди замаячила свобода.

– Кара, – окликнула ее старая карга, когда девушке показалось, что она уже заснула.

– Чего тебе? – недовольно отозвалась Кара.

– Когда мы встретились сегодня утром, ты сказала, что можешь сказать, когда я умру. Скажи.

Кара невольно вздрогнула. Последний раз с таким вопросом к ней обращался дед Ягар, и Кара ошиблась. Тогда ей показалось, что дед должен умереть едва ли не через день, но он был жив до сих пор.

– Скоро, но не сегодня и не завтра, – отмахнулась она от старухи и отвернулась к стенке, не желая продолжать разговор. А тем более смотреть на черные тени, сгущающиеся над баракком. К утру они проникнут внутрь и сделают свое темное дело. Может быть, кто-то из них заберет и саму Кару.

Ночью ей приснилась темноволосая женщина с черными глазами, которая навещала Кару во снах много раз. Женщина говорила, а вернее, умоляла об одном и том же: не вспоминай. Правда, на этот раз тон ее звучал угрожающе.

Не вспоминай, иначе все потеряешь. Все, ради чего боролась. Ради чего умерла.

Кара проснулась затемно, интуитивно чувствуя, что до рассвета еще около часа. Но сон уже не шел. Усевшись, она отогнала назойливую мошку и обвела взглядом грязные тела рабынь. Старуха храпела неподалеку. Кара вздохнула и уткнула голову в колени, пытаясь забыть то, что увидела, но стоило раз взглянуть, как непрощенное знание захватывало ее в тиски.

Рабыня, что лежала за старухой, женщина в самом дальнем углу, и кеджарка, новая соседка Хильмы, – они не встанут. Что случилось с той кеджаркой, которая еще вчера всех задирала, Кара знать не хотела. Ей достаточно было увидеть черные пятна над телами тех, кому не суждено было встретить рассвет.

Сунув руку в карман, она вытащила ухо Ягара. Несмотря на то что в бараке было темно, Кара отчетливо разглядело, что держит на ладони черный лоскуток кожи. Асхар специально дал ей этот страшный подарок, чтобы Кара поторапливалась, а также, чтобы знала, что дед жив. Но ухо почернело. Хильма говорила, что Болота Кальмы – худшее, что могло случиться с теми, кто сюда попал. Кара только что узнала, что могло быть хуже. Смерть последнего близкого человека.

Будет по-моему, мысленно ответила она темноволосой женщине из своих снов.

Больше нет границ, а впереди только один путь – к прошлому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.